

КОЧЕВНИКИ

ОРД

сандрович,
ических наук,
ественной
сударственного
ситета

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАШКИРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.М.АКМУЛЛЫ» (ФГБОУ ВПО «БГПУ им.М.Акмуллы»)

В.А.Иванов

КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

Уфа 2015

УДК 903 (470.5)
ББК 63.444 (235.54)
И20

Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014 - 2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII – XV вв. и казачество Урала XVI – XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936)

Иванов В.А.

Кочевники Золотой Орды [Текст]: монография / В.А.Иванов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с. + илл.

В монографии на основании данных археологии, средневековых письменных источников, палеогеографии и палеоклиматологии излагается историческая география кочевников Золотой Орды (Улуса Джучи), история их расселения в степях Восточной Европы, характер их взаимодействия с городскими центрами Золотой Орды, ближними и дальними соседями. Рассматриваются вопросы религиозных верований кочевников и их отражение в археологическом материале.

Книга предназначена для историков, археологов, студентов исторических факультетов вузов России и зарубежья.

Под авторской редакцией.

Рецензенты: Крыласова Н.Б. – д.и.н., профессор кафедры Древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета;

Сиротин С.В. – к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала БашГУ.

При оформлении обложки использована реконструкция М.В.Горелика из: История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-середина XV в. Казань, 2009. С.412.

ISBN 978-5-87978-813-6

©Издательство БГПУ, 2015
© Иванов В.А., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ГЛАВА 1.ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА «КОЧЕВОЙ СТЕПИ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....	8
ГЛАВА 2. КУРГАНЫ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ – МАРКЁРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	35
ГЛАВА 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ И ЕЕ МЕСТО В «ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....	77
ГЛАВА 4. РЕЛИГИЯ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	128
ГЛАВА 5.ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ГОРОД – СТЕПЬ» КАК ПРИЧИНА КРИЗИСА И РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	191
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	198
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	221
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	222

ОТ АВТОРА

Пятьдесят лет тому назад увидела свет монография Г.А.Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (М: Изд-во МГУ, 1966)» - первое в отечественной историографии исследование по археологическому источниковедению кочевников Золотой Орды. Хотя собственно золотоордынские материалы занимают в данном исследовании не самое значительное место¹, но разработанные автором на их основании типология и хронология погребального обряда и вещевого комплекса остаются и по сей день не просто актуальными, но основополагающими для современных археологов-«золотоордынцев». Все последующие, преимущественно локальные, исследования археологических памятников средневековых кочевников имели (и имеют) эмпирический характер и если и развивают типолого-хронологическую схему Г.А.Федорова-Давыдова, то главным образом в плане расширения источниковой базы.

Еще в начале 1990-х годов автором этих строк совместно с Г.Н.Гарустовичем также была задумана аналогичная работа, которая должна была подвести некоторые итоги десятилетних поисков соответствующих памятников в степях Южного Приуралья и Заволжья. В ходе сбора материалов для ее написания у нас возникла идея создать источниковую базу для статистической обработки и анализа средневековых кочевнических погребений региона. Именно так, как это в свое время было сделано Г.А.Федоровым-Давыдовым на довольно ограниченном материале. Однако постепенно, отчасти даже и незаметно для себя мы в своих теперь уже архивных и историографических поисках вышли за пределы региона. И к концу первого десятилетия наших поисков стало ясно, что имеющийся

¹ Оно и понятно почему – в этой книге Г.А.Федоров-Давыдов как раз и выделил из общей массы средневековых кочевнических древностей Восточной Европы археологический комплекс Золотой Орды.

материал уже не укладывается в рамки одного, локального исследования. Так появилась наша первая книга по археологии и истории средневековых кочевников теперь уже Восточноевропейских степей (Гарустович, Иванов, 2001).

Еще через десятилетие уже в основном сформированная база данных привела нас к выводу о необходимости обозначить место и роль археологических памятников средневековых кочевников Урало-Поволжского региона в этнокультурной и этнополитической истории степей Евразии. Так практически одновременно появились еще две книги, посвященные археологическому источниковедению и историко-археологическому анализу, синтезу и интерпретации средневековых кочевнических древностей Урало-Поволжья (Гарустович, Иванов, 2014; Иванов и др., 2014).

Следует отметить, что начало текущего столетия для археологии средневековых кочевников Восточной Европы стало временем своеобразного поискового «бума». Например, в Урало-Поволжье сейчас редкий археологический центр не имеет своего «номадиста-медиевиста», а то и нескольких. Но в отношении археологии кочевников Золотой Орды эта, позитивная в целом, ситуация породила и своеобразный парадокс: при перманентно появляющихся исследованиях памятников золотоордынских кочевников² они по-прежнему имеют выраженный локальный характер. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в трудах историков Золотой Орды тема кочевничества практически отсутствует, будучи полностью вытеснена темой золотоордынского города.

Свою задачу автор этих строк как раз видит в том, чтобы, в меру своих сил, устранить эту несправедливость. Поэтому свою работу я и назвал «Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия». Поскольку во главу угла в ней поставлено археологическое источниковедение, то *история* золотоордынских кочевников будет рассматриваться, прежде всего, в том контексте, в котором археологический материал может дать хотя бы какую-

² О них подробнее будет сказано в главе 1 настоящей работы.

то объективную информацию. То есть, в этногенетическом: что из себя типологически представляют известные нам сейчас кочевнические памятники в масштабах всей золотоордынской степи и как они отражают процесс формирования этнокультурной карты этого государства. *Культура кочевников Золотой Орды* рассматривается мною именно как *археологическая культура*, представленная соответствующим комплексом погребального инвентаря. В разработке какой-то новой (после Г.А.Федорова-Давыдова) типологии вещевого комплекса я не вижу смысла, поскольку, как показывают исследования коллег и мои собственные наблюдения, археологическая культура кочевников Золотой Орды настолько универсальна и в общем-то однообразна, что рассматривать ее имеет смысл только в контексте соотношения этой универсальности с понятием «имперская». О чем и пойдет речь в соответствующей главе. Исходя попятъ-таки из принципов археологического источниковедения, *религия* кочевников Золотой Орды рассматривается мною через призму отражения конфессионального облика кочевников Золотой Орды в оставленных ими археологических памятниках. То есть, насколько археологические данные и сведения нарративов, касающиеся конфессиональной истории Золотой Орды, аутентичны. В завершающей главе настоящей работы я попытался изложить свое видение роли Кочевой Степи в политической истории Золотой Орды.

Завершая вводную часть, считаю своим долгом поблагодарить моего давнего друга и коллегу археолога, к.и.н. Г.Н.Гарустовича за совместную работу по созданию и систематизации базы данных по археологии средневековых кочевников; поблагодарить моих учеников-археологов к.и.н. Д.В.Васильева за живое участие в обсуждении основных положений данной работы и за консультации по ряду вопросов средневековой археологии Нижнего Поволжья, в которых он теперь превзошел своего учителя; к.и.н. И.В.Матюшко и Е.В.Бубнеля за помощь в сборе материалов для источниковой базы данной работы и к.и.н. Д.В.Шмуратко, также превзошедшего своего учителя, но теперь уже в плане освоения

современными методами компьютерных технологий анализа археологического материала.

Еще раз хочу вспомнить и мысленно поблагодарить талантливейшего исследователя истории и археологии средневековых кочевников к.и.н. В.П.Костюкова, незадолго до своей кончины в 2009 году подарившего мне великолепную электронную библиотеку монографий, статей и источников по интересующей нас с ним тематике, обладание которой весьма облегчило мою работу.

Глава 1. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА «КОЧЕВОЙ СТЕПИ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Излагать историю поиска и изучения археологических памятников кочевников Улуса Джучи – Золотой Орды довольно сложно, поскольку как таковой, этой истории, просто не существует. Опять-таки, не существует по той причине, что их находили и исследовали либо случайно, во время поиска и исследований памятников других эпох – раскопки К.Ф.Смирнова, М.Г.Мошковой, Г.А.Кушаева, Б.Ф.Железчикова, С.Ю.Гуцалова, С.Н.Заседательевой, В.П.Шилова и др. – либо во время фронтального исследования курганов и курганных могильников на той или иной территории – раскопки Н.Е.Бранденбурга, Н.И.Веселовского, Ф.Д.Нефедова, И.В.Синицына, Б.Н.Гракова, В.И.Мамонтова и др. Выделяется еще группа исследователей, занимавшихся или занимающихся археологией средневековых кочевников вообще: П.С.Рыков, С.А.Плетенева, Г.А.Федоров-Давыдов, Н.А.Мажитов, В.А.Кригер и др., но и в их исследованиях золотоордынская тематика прослеживается только в общем контексте археологического источниковедения. Поэтому во всех обобщающих работах по археологии средневековых кочевников Восточной Европы – включая и одну из первых подобных и ставшую уже классической монографию Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966) – история накопления данных по кочевникам Золотой Орды рассматривается, что называется, «в контексте» (Добролюбский, 1986; Иванов, Кригер, 1988; Гарустович и др., 1998; Бисембаев, 2003; Нарожный, 2005; Кригер, 2012; Гарустович, Иванов, 2014).

Вместе с тем в истории археологического источниковедения кочевников Золотой Орды можно выделить период (не очень, правда, длительный), когда поиски и исследования соответствующих памятников (хотя и на ограниченной территории степного Предуралья) приобрели целенаправленный характер. Связано это было с деятельностью сектора археологии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала

АН СССР (ИИЯЛ БФ АН СССР). В соответствии с 5-летним планом научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР³ в ноябре 1977 г. на заседании сектора археологии был заслушан доклад заведующего сектором А.Х.Пшеничнюка, в котором излагалась рабочая программа по разработке научно-исследовательской темы «Древняя и средневековая история Южного Урала». Программа эта, в свою очередь, была сориентирована на общеплановую (ИИЯЛ БФ АН СССР) программу по написанию I тома «Истории БАССР». В контексте этой программы предусматривалось подготовка и издание комплекса материалов по опорным памятникам различных эпох, а также разработка перспективного плана (до 1985-1990 гг.) работы археологических экспедиций (Научный архив..., 1977).

Рабочая программа научно-исследовательской темы «Древняя и средневековая история Южного Урала» была обсуждена и принята сектором археологии, этнографии и народного искусства в январе 1978 г. Основной задачей темы было определено «всестороннее изучение истории населения Южного Урала от периода заселения Урала первобытным человеком до XV-XVI вв. и подготовка источниковой базы для письменного изложения соответствующих глав I тома «Истории БАССР». Промежуточные результаты разработки темы должны были публиковаться в виде отдельных проблемно-тематических сборников, а ее итогом – подготовка коллективной монографии «Южный Урал в эпоху древности и средневековья» (20-25 а.л.) (Научный архив..., 1978).

В докладе научного руководителя темы А.Х.Пшеничнюка отмечалось, во-первых, что исследования предшествующих лет в основном были сосредоточены на раскопках могильников, тогда как поселения эпохи раннего железного века-средневековья практически не изучались, во-вторых, территория полевых исследований в основном не выходила за пределы административных границ Башкирской АССР и наконец, наименее

³ В советское время научно-исследовательские программы институтов АН СССР составлялись, как правило, на пятилетку.

обеспеченным археологическими источниками оказывается период рубежа и первой половины II тыс. н.э. (Там же).

Соответственно, рабочий план темы «Древняя и средневековая история Южного Урала» на 1978-1985 гг. предусматривал исследования поселений ананьинской, пьяноборской, карабызской культур в 1978 г. и их продолжение в последующие годы, подготовку тематических сборников «Кочевники Южного Урала» (1980 г.), «Поселения и жилища древних племен Южного Урала» (1981 г.) и завершение разработки темы коллективной монографией «Южный Урал в эпоху древности и средневековья» (20 а.л.) (Там же).

В плане проведения полевых изысканий предусматривалось проведение экспедиций «согласно перспективному плану полевых работ на 1978-1985 гг.»⁴.

Согласно этому плану, в 1978-1979 гг. проводились раскопки городищ эпохи раннего железного века в низовьях р.Белой, были возобновлены раскопки памятников эпохи раннего железного века на правобережье среднего течения р.Белой.

В 1980 г. полевые работы по теме «Древняя и средневековая история Южного Урала» продолжались, в том числе и в плане расширения географии экспедиций. Именно тогда и в контексте заявленной темы А.Х.Пшеничнюк, как ее руководитель, и известный этнограф Н.В.Бикбулатов, как друг, настоятельно рекомендовали автору этих строк переключиться на средневековую тематику. Вызвано это было тем, что в 1979 г. Н.А.Мажитов, за которым в указанной теме первоначально были закреплены разделы по эпохе средневековья, перешел на работу в Башкирский государственный университет и средневековая тематика, таким образом, оказалась «пустой». А поскольку я тогда был молодым ещё кандидатом наук, то, по словам моих друзей, для меня было самое время начать новую исследовательскую тему⁵.

⁴ К сожалению, сам план в архиве отыскать не удалось.

⁵ За что я им и по сей день глубоко и искренне благодарен!

В августе-сентябре 1980 г. состоялась моя первая экспедиция в Башкирское Зауралье и на территорию Оренбургской области. Экспедиция носила преимущественно разведочный характер. В ее работе участвовали археологи Р.Б.Исмагилов, тогда руководитель археологического кружка Дворца пионеров г.Стерлитамака, и лаборант сектора археологии Н.Г.Рутто. Р.Б.Исмагилов среди своих башкирских коллег славился как неутомимый исследователь-полевик, знаток и открыватель многих археологических памятников на юге Башкирии и сопредельных территориях Южного Урала. Поэтому, когда он предложил мне начать с раскопок открытых им маленьких курганов у д.Утягулово в верховьях р.Касмарки (а priori – средневековых), я, не имевший практического опыта работы в степях, поскольку до сих пор занимался исследованиями памятников в лесной полосе региона, с радостью согласился. На поверку «Утягуловские курганы» оказались естественными всхолмлениями – выходами каолиновых глин, но зато на трех могильниках – Тлявгуловском, Новочеркасском VII и Воздвиженском в бассейне р.Сакмары на территории Оренбургской области – были исследованы погребения средневековых кочевников, предварительно датированные нами XII-XIII вв. (Иванов, Исмагилов, 1981, с.133), но на самом деле – относящиеся к эпохе Золотой Орды.

Перспективный план исследований сектора археологии ИИЯЛ БФ АН СССР на двадцатилетие 1981-2000 гг.⁶ предполагал:

1. Продолжение работ по выявлению новых археологических памятников, главным образом в слабо изученных горно-лесных и лесных районах БАССР, обследование известных памятников с целью проверки их сохранности и в случае необходимости проведение охранных раскопок.
2. Изучение вопросов социально-экономической истории древнего населения Южного Урала: сбор материала путем проведения широких стационарных раскопок поселений и могильников,

⁶ В связи с чем он был принят, по имеющимся документам установить не удалось.

систематизация и анализ археологического и остеологического материала, использование методов естественных наук (металлография, споропыльцевой анализ, трасология). Результат – участие в разработке коллективных тем «История Башкирской АССР», «История Урала», подготовка статей и тематических сборников.

3. Продолжение изучения этнокультурного состава населения Южного Урала в эпоху древности и средневековья путем проведения широких раскопок памятников, главным образом в слабо изученных западных и горно-лесных районах Башкирии и прилегающих областей.

Результатом должна была явиться серия монографических очерков и тематических сборников по культуре и этнической истории древних племен Южного Урала, а также написание соответствующих разделов коллективной работы «Археология Среднего Поволжья и Приуралья» (Научный архив..., 1980).

В течение последующих лет выполнение темы шло в основном по пути накопления материала. В контексте интересующей нас темы автором этих строк в 1983-1984 гг. на территории Оренбургской области и Зауральской Башкирии исследовались могильники Гирьяльский, Новочеркасский VII, Воздвиженский, у пос.Урал, Тамар-Уткуль, Хабарный I, Ишкуловский II. В них были выявлены погребения огузо-печенежского (Тамар-Уткуль) и золотоордынского времени (Иванов, Горбунов, 1984, с.149; Иванов, Обыденнова, 1985, с.129-130; Иванов, 1984, с. ...).

В 1985 г. была проведена совместная экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР (В.А.Иванов), Волгоградского государственного университета (В.А.Кригер) и Актюбинского краеведческого музея (С.Ю.Гуцалов) в ходе которой на территории Восточного Оренбуржья и Актюбинской области Казахстана были исследованы курганные могильники эпохи Золотой Орды: Озерновский III, Покровский IV, Урус-Кискен II, Родники и Новая База I.

В 1986-1988 гг. В.А.Иванов проводил поиск и исследования средневековых курганов в Актюбинской области Казахстана (несколько разграбленных курганов на р.Уил), в верховьях р.Урал (три золотоордынских кургана в окрестностях пос.Большевик в Кваркенском районе Оренбургской области) и в бассейне р.Илек (7 курганов на Линевском могильнике). Продолжение этих работ в 1989-1990 гг. на территории Куйбышевской области (раскопки Г.Н.Гарустовича) заметных результатов не дали. 1990 г. – это был последний год целенаправленных поисков кочевнических памятников эпохи средневековья в степном Предуралье.

В 1991 г. Г.Н.Гарустович и автор этих строк переключились на исследование памятников эпохи средневековья в лесостепном Зауралье (Прыговское городище и могильник, городище Усть-Терсюк) под г.Шадринском в Курганской области⁷, где их и застали события августа 1991 г. (т.н. «путч ГКЧП»), фактически положившие конец плановым археологическим изысканиям АН СССР вообще.

В те же годы целенаправленным сбором материалов по археологии средневековых кочевников Урало-Поволжского региона занимался В.А.Кригер – тогда доцент ВолГУ. Первый шаг в этом направлении был сделан им публикацией материалов Ново-Кумакского могильника (раскопки К.Ф.Смирнова и М.Г.Мошковой) и его собственных (совместно с С.Н.Заседателевой – сотрудником Орского краеведческого музея) раскопок (Кригер, Заседателева, 1979; Кригер, 1983).

После начала своей работы в ВолГУ (1981 г.) В.А.Кригер проводит многолетние (1982-1987 гг.) раскопки Бахтияровского курганного могильника, давшего в общей сложности 135 погребений эпохи Золотой Орды (Пигарёв, эл. ресурс)⁸.

После завершения «золотого десятилетия» 1980-х годов процесс накопления источниковой базы по средневековым кочевникам Урало-

⁷ Все это – в рамках темы «Древняя и средневековая история Южного Зауралья.

⁸ После 1991 г. В.А.Кригер отошел от археологии и накопленный им материал так и остался не опубликованным.

Поволжья вернулся в свое «первобытное состояние»: академические научно-исследовательские программы фактически были свернуты, финансирование полевых изысканий переведено на гранты в которых для средневековых кочевников просто нет места – все это вновь придало археологическому источниковедению номадов эпохи средневековья (и Золотой Орды – в частности) характер спонтанности и бессистемности. Исключение составляют раскопки могильников у Агаповских гор и в низовьях р.Кирса в степном Зауралье, проведенные С.Г.Боталовым и К.Н.Бабенковым в 1997-1998 гг. и давшие в общей сложности 19 погребений XIII-XIV вв. (Боталов, Бабенков, 2006, с.414-434).

Не лучше обстоят дела и в других регионах степей Восточной Европы. Е.В.Нарожный в своей монографии публикует материалы 12 погребений эпохи Золотой Орды из могильников Сухая Балка и Калиновского-4, исследованных на Северном Кавказе за период 1989-2003 гг. (Нарожный, 2005, с. 21-67).

В.В.Кравец в монографии, посвященной «реконструкции этнокультурной и социальной ситуации в обществе кочевников Среднего Подонья», анализирует материалы 54 кочевнических погребений XIII-XIV вв., в разное время (начиная с 1872 г.) и при разных обстоятельствах (но никогда – в результате целенаправленного поиска) исследованных в бассейне Среднего Дона (Кравец, 2005).

Ситуация с расширением источниковой базы по кочевникам Улуса Джучи – Золотой Орды на территории Западного Казахстана исчерпывающе охарактеризована в монографии А.А.Бисембаева, в историографической главе которой нет ни одного упоминания о курганах золотоордынского времени, исследованных на этой территории после 1990 г. (Бисембаев, 2003, с.31-38)⁹.

⁹ Правда, в последние годы Д.В.Марыксин продолжил исследование Мокринского могильника, но эти материалы пока не опубликованы.

В плане археологического источниковедения кочевников Золотой Орды весьма ценной и своевременной является монография А.А.Тишкина, в которой излагаются результаты поиска и изучения памятников монгольского времени (XII-XIV вв.) на Алтае. По данным автора, к настоящему времени там исследованы примерно 103 погребения указанного периода¹⁰, позволяющие решать «значительное количество вопросов» этнокультурной истории региона и соседних с ним территорий Сибири, Казахстана, Монголии (Тишкин, 2009). Хотя относительно этнокультурных реконструкций Горного Алтая исследователь пока ограничивается только констатацией факта смены тюркских и кыргызских этнокультурных традиций домонгольского периода кочевническими восточноазиатскими. В отличие от более западных территорий Лесостепного Алтая, где, по его мнению, в XIII-XIV вв. формируется общность со схожей материальной культурой из взаимно интегрированных компонентов (монгольский, кыпчакский, тюрко-самодийский), которая входила в состав Улуса Джучи – Золотой Орды (Тишкин, 2006, с.43).

И буквально когда настоящая работа была подготовлена к печати, автор этих строк узнал о выходе в свет сразу двух монографий, в которых анализируются памятники кочевников Золотой Орды. Одна из них монография Е.П.Мыськова, посвященная непосредственно кочевникам волго-донских степей в эпоху Золотой Орды. Автор проделал колоссальную работу по систематизации и обобщению кочевнических археологических памятников XIII-XIV вв. – курганов и курганных могильников, мавзолеев и надгробий – исследованных в степях между левым берегом Нижней Волги и левым берегом Нижнего Дона разными археологами в разные годы. В монографии описаны и проанализированы материалы 1033 погребений, в том числе, что очень ценно, исследованные самим автором могильники Веселый II, Киляковка, Маляевка, Нагавский I и IV, Царев, Бахтияровка I (Мысков, 2015). С точки зрения эмпирического источниковедения, монография

¹⁰ Исследованные, правда, в самое разное время, начиная с начала XX столетия.

Е.П.Мыськова представляет собой безусловную ценность. С точки зрения синтеза и интерпретации археологического материала, она, конечно, не бесспорна, о чем и будет сказано в соответствующих разделах настоящей работы.

Другая – монография И.В.Матюшко, в которой ее автор, применяя современные методы анализа массового археологического материала, проводит сравнительно-статистический анализ погребального обряда кочевников Степного Приуралья эпохи средневековья, включая и памятники кочевников Золотой Орды (Матюшко, 2015).

Дисперсность этих и других менее масштабных публикаций по археологии кочевников Золотой Орды не формируют цельного информационного поля по культуре этого населения. Что, в свою очередь, формирует несколько односторонний образ Золотой Орды/Улуса Джучи в обобщающих исторических исследованиях. Например, раздел о кочевниках отсутствует в соответствующем томе «Истории татар» - наиболее фундаментальном на сегодняшний день изложении истории этого государства (История татар..., 2009). То есть, у читателя, не искушенного в этнокультурной и этнополитической специфике Золотой Орды, может сложиться устойчивое представление о том, что Золотая Орда/Улус Джучи – это страна городов, некая «гардарика» степей Восточной Европы.

Немногим, в плане отражения культуры и истории кочевников Золотой Орды, отличается второй том «Истории башкирского народа». В этом, также фундаментальном, издании кочевники степей Южного Урала – пограничной территории между улусами Бату и Шибана – представлены в виде некоего аморфного кочевого населения, «культура которого резко отличалась от культуры башкир X- начала XIII вв.». Не смотря на большое количество известных здесь погребений золотоордынского времени, их характеристику авторы тома дают через призму Башкир-Беркутовских курганов – единственного, в своем роде, на Южном Урале памятника, содержащего признаки погребального обряда (ящик с колодой внутри, двойной гроб),

которые авторы распространяют и на другие синхронные памятники, определяя их как «курганы кыпчакского типа» (История башкирского народа..., 2012, с.187-189).

О том, что Золотая Орда представляла собой бикультурное государство писал еще Г.А.Федоров-Давыдов: «Два элемента и две стихии соединились в Золотой Орде – кочевники в степях и степные города с их ремеслом и торговлей – недолгий взлет градостроительства и расцвет урбанизма в степи. **Это искусственное сосуществование кочевых орд и городов с их мощным ремеслом и торговлей держалось только объединяющей силой общей деспотии ханской власти** (выделено мной – В.И.)» (Федоров-Давыдов, 1976, с.114). Этот тезис классика отечественного золотоордынovedения я попытался развить в одной из своих статей (Иванов, 2014). Для того, чтобы в будущих дискурсах по истории Золотой Орды избежать, пусть и невольной, но от этого не становящейся менее антиисторичной «дискриминации» кочевой составляющей этого государства, необходимо, прежде всего, провести источниковедческий анализ всего массива кочевнических памятников Золотой Орды/Улуса Джучи.

В свое время, закладывая основы золотоордынского кочевниковедения, Г.А.Федоров-Давыдов оперировал материалами 484 погребений и случайных находок XIII-XIV вв. (IV период – по Г.А.Федорову-Давдову). В настоящее время (декабрь 2015 г.) в электронной базе автора этих строк учтены данные по 1179 кочевническим погребениям XIII-XIV вв., известным на территории от Горного Алтая до низовьев р.Дунай. В основном это погребения кочевников-язычников (о них, собственно говоря, и будет идти речь в настоящей работе), поскольку 1825 золотоордынских мусульманских погребений были собраны и статистически проанализированы Д.В.Васильевым (Васильев, 2009, с.5). То есть, ориентировочно можно считать, что современная источниковая база по погребальным памятникам Золотой Орды составляет не менее 3000 погребений.

Однако если исходить из опубликованных сведений¹¹, то количество интересующих нас погребений должно быть увеличено еще, как минимум, на 63 единицы. Это – погребения XIII-XIV вв., известные к западу от Волги и содержащие предметы вооружения: сабли (Евглевский, Потемкина, 2000, с.117-180) и/или детали доспеха (Потемкина, Кулешов, 2010, с.271-294). На картах и в таблицах, опубликованных названными авторами, обозначены и перечислены, соответственно, 23 и 40 погребений золотоордынского времени, сведения о которых¹² отсутствуют в моей базе данных. И конечно же – 78 опубликованных Е.П.Мыськовым языческих погребений из исследованных им могильников, перечисленных выше.

Тем не менее, имеющаяся в моем распоряжении база, по методике формализовано-статистического анализа массового археологического материала являющаяся случайной выборкой¹³, позволяет дать общую (суммарную) характеристику погребального обряда и материальной культуры кочевников Золотой Орды с высокой степенью точности (0,95) и нижним порогом значимости 0,4% (Генинг и др., 1990, с.61-64).

В свое время, для наглядности результатов сравнительно-типологического анализа погребений кочевников Золотой Орды, мною было предложено деление известных тогда погребений на условные локальные группы, выделенные в соответствии с административно-территориальным делением Золотой Орды на улусы, обозначенным Плано Карпини в 1245 г. (Иванов, 2009, с.16). Тогда таких локальных групп, соответствующих улусам (по Плано Карпини) было выделено семь: с запада на восток¹⁴ - Правобережная Украина (включая Прикарпатье); Левобережная Украина (включая Крым); бассейн Дона; Волго-Донское междуречье (это главным образом Калмыцкие степи); Среднее и Нижнее Поволжье; Приуральские

¹¹ В моей базе данных 78,6% погребальных комплексов кочевников Золотой Орды взяты из публикаций.

¹² Взятые, по-видимому, из научных отчетов, до которых я не смог добраться.

¹³ А она действительно – случайная, поскольку всей генеральной совокупности погребений, совершенных кочевниками в период Золотой Орды, мы не получим никогда.

¹⁴ По маршруту следования Плано Карпини.

степи к западу и востоку от р.Урал. Сейчас я предлагаю следующую географическую номенклатуру:

1. Правобережная Украина – 6,00% погребений;
2. Левобережная Украина – 8,00%;
3. бассейн Дона – 7,56%;
4. Волго-Донское междуречье – 9,35%;
5. Степи Северного Кавказа – 6,54%;
6. Нижнее Поволжье – 17,6%;
7. Среднее Поволжье – 13,75%;
8. Южное Приуралье – 19,9%;
9. Территории, расположенные к востоку от Мугоджар и Тургайской низменности (Лесостепной и Горный Алтай, Центральный и Восточный Казахстан, Средняя Азия) – 10,8%.

Как видим, более половины учтенных кочевнических погребений Золотой Орды (51,25%) приходится на территории Волго-Уральского региона, традиционно считающимися улусом Бату – наследника Джучи и фактического создателя государства Золотая Орда (Улус Джучи) (рис.1). На мой взгляд, данная географическая статистика наиболее адекватно отражает современное состояние источниковой базы по погребальным памятникам кочевников XIII-XIV вв. в Степной Евразии. Конечно же, прямая экстраполяция ее на этнополитическую и этнокультурную ситуацию того времени не будет корректной. Но, с другой стороны, сопоставление приведенных данных с данными палеоклиматических (почвоведческих) исследований наводит на мысль о том, что концентрация кочевнических погребений¹⁵ интересующего нас времени именно в степях Поволжья и Приуралья была обусловлена и естественноисторическими причинами. Так, по данным лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, созданной проф. В.А.Дёмкиным, в эпоху Золотой Орды степи Евразии находились в стадии

¹⁵ Будем считать, что отражающая и концентрацию оставившего их населения.

гумидизации, интенсивность которой постепенно понижалась с запада на восток и уже в Зауралье и Северном Казахстане природно-климатические условия степной зоны соответствовали современным (Дёмкин, Дёмкина, эл. ресурс). Географически – это территория современного Центрального и Восточного Казахстана с ее резко континентальным климатом. А это значит: большая разница между зимними и летними температурами, сухость воздуха, незначительное количество атмосферных осадков на большей части республики, продолжительная суровая зима и короткое лето на севере, короткая зима и жаркое лето на юге. Частые – 1-2 в месяц – вспышки атмосферной засухи продолжительностью до 30-40 дней.

Природно-географическую характеристику степей Казахстана именно в интересующем нас контексте социально-экономической истории кочевников в исчерпывающем виде дана Н.Э.Масановым. Это – резкая континентальность климата с годовым перепадом температур от 30° до 40°, его резкая аридность и выраженная ландшафтная зональность: от лесостепи в северных районах до полупустынь на юге.

Зимой на территорию республики с юга иногда проникают теплые массы воздуха, которые в южных районах повышают температуру до +10° С, а на севере до +5° С. В результате этого, на несколько дней наступает оттепель. Затем происходит резкое похолодание, что приводит к образованию гололедицы. Это наносит большой вред сельскому хозяйству, особенно животноводству, потому что скот, находящийся в это время в степи, не может добывать себе корм из-под ледяной корки... Зимой на территории Казахстана холодно, господствуют сухой континентальный арктически умеренный воздух и сибирский антициклон.

В основном Казахстан страна засушливая, количество атмосферных осадков, выпадающих на территории Казахстана, незначительно и распределены они неравномерно. Это связано с удаленностью республики от Атлантического океана и расположением в центральной части материка Евразия. Среднегодовое количество осадков на территории Казахстана

колеблется от 130 мм до 1600 мм. Так, в районах, расположенных на северо-востоке Аральского моря и в западной части озера Балхаш, выпадает всего лишь 130 мм осадков, в отдельные годы ещё меньше. Наибольшее количество осадков выпадает на Западном Алтае. В равнинно-низкогорной части республики количество атмосферных осадков уменьшается с севера на юг (Масанов, 1984, с.14-24). То есть, природно-климатические условия Казахстана в XX столетии «характеризуются резко выраженной аридностью, континентальностью и зональностью, бедностью почвенных и водных ресурсов, что в свою очередь обуславливает крайне скудный растительный покров, резкие колебания его урожайности и зональность вегетационного периода жизнедеятельности естественного травостоя, сезонный характер его наивысшей продуктивности» (Масанов, 1984, с.24).

Каким-то парадоксальным образом, но география известных в настоящее время на территории современного Казахстана кочевнических погребений XIII-XIV вв. коррелируется с приведенными выше природно-климатическими характеристиками региона: чем дальше на запад, в сторону Волги, тем чаще встречаются интересующие нас памятники. Тогда как в степях Центрального и Восточного Казахстана они практически не известны. Я далек от мысли утверждать, что кочевники-ордынцы там не жили. Тем более что по аналогии с курганами XIII-XIV вв., исследованными в степях Южного Приуралья и Зауралья, подобные им курганы – каменные или каменно-земляные насыпи небольшого диаметра – известны и в Казахстане, причем в немалом числе. И среди них встречаются золотоордынского времени (на р.Сарысу, Жаманкайрақты, Ямышевские, Жартас на р.Нура) (Археологическая карта Казахстана, 1960, №№1032, 1259, 2169, 2183; Маргулан, 1959, с.248-261). Но – факт остается фактом: на территории Казахского мелкосопочника кочевнические погребения золотоордынского периода пока не выявлены (рис.2).

Здесь возникают несколько предположений. Первое – кочевнические памятники XIII-XIV вв. там есть, но еще не исследовались. Второе – а если

действительно данная территория с ее резко континентальным климатом¹⁶, была для кочевников летними пастбищами («жайылым»), с которых они на зиму спускались в долины Иртыша и Ишима? Тогда скопление кочевнических курганов рассматриваемого периода на северной периферии Казахстанской степи получает свое логическое объяснение.

Привязка географии известных кочевнических погребений XIII-XIV вв. к гидрографии степей Евразии показывает следующую картину: 52,08% погребений располагаются в непосредственной близости от рек (на краю поймы), имеющих круглогодичный сток; 2,0% - возле озерных пойм и 22,9% в своих описаниях не имеют конкретно обозначенной привязки к какому-то водному источнику. Остальные 23,0% погребений имеют географическую привязку к рекам маловодным, пересыхающим в летнее время (рис.2).

Любопытную картину дает нам также распределение рассматриваемых погребений по административно-территориальным единицам. Они нужны нам для того, чтобы более четко представлять себе те ландшафтные и природно-климатические условия, в которых обитало население, оставившее географическим характеристикам регионов, широко представленным в сети Интернет. Территории Оренбургской, Саратовской и Волгоградской областей – степи Урало-Поволжского региона – по количеству исследованных кочевнических памятников XIII-XIV вв. являются безусловными «лидерами» (рис.3).

Ниже мы приводим физгеографическое и климатологическое описание степей Восточной Европы в их современном состоянии. Правда, читателя не должно удивлять, что это "современное состояние" мы приводим на основании литературы 1950-х годов. Делается это не случайно. Исследования, на которые мы будем ссылаться ниже, относятся к временам, когда Урало-Поволжская степь ещё не являлась «покоренной целиной» и

¹⁶ А это, как уже было сказано выше, маловодные пересыхающие летом реки, озера, многие из которых засолены, высота над уровнем моря на 900 и более метров, что означает резкий перепад сезонных температур и короткий вегетационный период для степной и полупустынной растительности.

значительно по своему ландшафтному облику и природному состоянию отличалась от той степи, которую мы увидели 30 лет спустя. И, конечно же, количество визуально фиксируемых курганов средневековых кочевников в той степи заметно отличалось от того, что застали мы. Другой вопрос, что целенаправленного поиска этих памятников в те времена не проводилось.

Если входить в степи Урало-Поволжья с востока (что и делали средневековые кочевники), то первыми на пути оказываются *южные степные районы современной Челябинской области (пятая ботанико-географическая зона по номенклатуре А.Г.Сыроева)*. Это – характерные ковыльно-разнотравные черноземные степи с преобладанием ковыльной, типчаковой и полынной флоры. Древесной растительности здесь крайне мало, главным образом, по понижениям и долинам рек. Речная сеть развита слабо, а существующая при незначительном относительном уклоне имеет мало воды. В связи с недостаточностью питания верховья рек часто пересыхают (Сыроев, 1959, с.178-180).

Зона отличается достаточно теплым и умеренно-засушливым климатом. Господствующей воздушной массой здесь является воздух, который формируется над пространствами Центральной Азии и содержит мало влаги: зимой он очень холодный, летом теплый. Летом сюда поступает из Средней Азии и Казахстана континентальный тропический воздух, характеризующийся высокими температурами, низкой относительной влажностью, большим дефицитом влаги. С притоком этого воздуха устанавливается жаркая, сухая погода, в отдельные годы бывают засухи и суховеи.

Максимум осадков приходится на теплый сезон, в течение которого выпадает 70-75% годовой суммы. Продолжительность периода активной вегетации – более 135 дней (с 5-11 мая по 14-18 сентября). Сумма осадков за год составляет в среднем 330-404 мм. Устойчивый снежный покров незначительной мощности (18-22 см) в предгорной степной части области устанавливается в середине ноября и сохраняется 140-150 дней. Равнинная

часть степной зоны отличается более теплым и засушливым климатом. Период активной вегетации составляет около 140 дней (с 5-7 мая по 18-20 сентября). За вегетационный период выпадает 160-210 мм осадков. В степях Зауралья существует прямая зависимость между количеством выпадающих осадков и продуктивностью травостоя. Наибольшая продуктивность степной растительности отмечается в середине июня с последующим понижением до конца августа. На август приходится период летнего полупокоя степи, при котором травостой почти полностью выгорает. На равнинной части зима малоснежная и морозная. Продолжительность зимы около 140 дней. Высота снежного покрова обычно около 20-30 см (в понижениях рельефа до 40 см), а среднее количество осадков 125 мм (Степи Челябинской области...).

Пятая ботанико-географическая зона юга Челябинской области плавно перетекает в *зону Зауральской степной провинции* (по номенклатуре Ф.Н.Милькова), *занимающей восток Оренбургской области, или Урало-Тобольский водораздел*. Выдвинутые на восток и закрытые от прямого влияния атлантических циклонов горами Южного Урала, степи восточного Оренбуржья характеризуются сухим и континентальным климатом. Зима здесь продолжительная и холодная, снежный покров маломощный. Лето жаркое с продолжительными и знойными суховеями. Подавляющая часть территории провинции относится к степной ландшафтной зоне, лесов здесь практически нет. Флора представлена разнотравно-типчако-ковыльными и типчако-ковыльными растениями. Здесь много солонцеватых почв, солонцов и солончаков (Мильков, 1951, с. 49-57).

В зимнее время вся Оренбургская область, так же, как и юг Челябинской, находится под влиянием области высокого давления, формирующейся вследствие сильного охлаждения материка над территорией Монголии и Сибири. С территории Монголии область высокого давления в виде полосы, направленной на запад, простирается через территорию Казахстана до юга Русской равнины и далее. Летние антициклоны, господствующие над оренбургскими степями, имеют западное

происхождение и приносят со стороны Средиземного моря тропический воздух, а вместе с ним приходит тепло, но мало влаги. С западными и юго-западными теплыми потоками летом успешно соперничают горячие и сухие ветра из Казахстана и Средней Азии, приносящие в Оренбуржье настоящее дыхание пустынного климата. Отсутствие высоких горных хребтов, которые могли бы служить препятствием, делает возможным значительные вторжения на территорию Оренбуржья как очень холодных масс воздуха с севера, так и сухих и жарких воздушных потоков с юга. Поэтому количество осадков в теплое время года здесь не превышает 200 мм. Так что характерной чертой климата этой зоны является его засушливость. Низкая обеспеченность оренбургских степей влагой часто приводит к засухе. В течение XX столетия в северо-западных районах области сильные и средние засухи наблюдались один раз в 3-4 года, а в южных районах один раз в два-три года¹⁷.

Начальный период вегетации степных растений – с 10 по 27 апреля. За это время освобождаются ото льда водоемы, оттаивает и просыхает почва на полях, зацветают раноцветущие растения. Основной этап весенней вегетации – от появления листвы на березе (27 апреля) до цветения черемухи и вишни (11-15 мая). В степи в это время быстро идут в рост злаки: мартуки и мятлики. Завершающий этап весенней вегетации отмечается разгаром цветения, интенсивным ростом деревьев, кустарников, трав, полным разворачиванием листвы, окончанием весенних миграций птиц. Степь постепенно покрывается седыми волосами ковылей. Набирает цвет степное разнотравье.

К началу июля ковыль полностью отцветает, степь начинает выгорать, на ее фоне выделяются цветущие головки чертополоха, синие шары мордовника, темно-коричневые цветы нонеи. В августе степь полностью желтеет, лишь редкие растения продолжают вегетацию. Такой облик она сохраняет до середины сентября (Чибилев, 1995). Последний факт,

¹⁷ Сведения, подтвержденные беседами с руководителями Беляевского райкома КПСС и Беляевского райисполкома во время экспедиции 1985 года.

применительно к районам Башкирского Зауралья, восточным и центральным районам Оренбургской области, Общему Сырту и степям Западного Казахстана авторы этих строк наблюдали на протяжении всех десяти лет их полевых изысканий в перечисленных районах.

Восточная излучина р.Урал в районе г.Орска отделяет Зауральскую степную провинцию от *Предгорной лесостепной и степной*. Это территория в *центральной части современной Оренбургской области*, где русло Урала как бы рассекает Южноуральский горный хребет и продолжающие его низкие горы Мугоджары. Сильно расчлененный предгорный рельеф, возвышающийся над уровнем моря на 300 метров и более. Это сказывается на характере климата данной провинции: на возвышенных сыртах летние температуры воздуха понижены, продолжительность снежного покрова увеличивается. Почвы и растительность крайне разнообразны. Предгорная березово-дубовая лесостепь с тучными и оподзоленными черноземами и темно-серыми лесными почвами на юге провинции граничит с типчаково-ковыльной степью на малогумусных (южных) черноземах. Вследствие сильной расчлененности рельефа широко представлены щебенчатые степные участки с растительностью, характерной для каменистой степи.

Особое место в Предгорной лесостепной и степной провинции занимает *Саринский Сакмаро-Губерлинский водораздельный район*. Это возвышенная (350-500 м) гладкая степная равнина на правобережье р.Урал между городами Орск и Медногорск. В северной ее части – лесостепь, на юге и юго-востоке – разнотравно-типчако-ковыльная степь (сейчас, правда, полностью распаханная). Значительная абсолютная высота вызывает здесь понижение летних температур воздуха и способствует повышенному выпадению осадков. Средняя температура воздуха в июле не выше 20°. Осадков за теплый период выпадает до 250 мм и более. Зима холодная, но с достаточно мощным (до 40 см) снежным покровом (Мильков, 1951, с. 47-48). Гидросистему здесь образуют реки Урал, Сакмара и Сухая Губерля с узкими

и залесенными поймами, являющиеся естественными границами данного района.

По левобережью р.Урал в южной части Предгорной лесостепной и степной провинции начинается волнисто-увалистая равнина с абсолютными отметками до 400 м и выше, простирающаяся на юг и юго-запад вдоль западных склонов Мугоджар до верховьев р.Эмба более чем на 350 км. Климат здесь типично степной, континентальный. В среднем за период с апреля по сентябрь – около 10 дней с суховеями. Вода в степных реках – Бурлы, Урта-Буртя, Киялы-Буртя, Темир – солоноватая. Многие из них к середине лета пересыхают. Растительность типчако-ковыльная на малогумусных (южных) черноземах (Мильков, 1951, с. 46).

Западнее, в междуречье Урала и Илека, рельеф местности начинает понижаться, переходя в пределах Оренбургской области в *Предуральскую степную сыртовую провинцию* (по Ф.Н.Милькову) с абсолютной высотой не более 200 м, а в пойме р.Урал – и ниже 100 м. Режим атмосферных осадков провинции во многом определяется Общим Сыртом, который препятствует ее увлажнению западными потоками воздуха. Поэтому атмосферных осадков здесь выпадает мало – не более 300 мм в год. Лето жаркое, зима холодная. Зимой часто случаются бураны, летом суховеи. Средняя повторяемость суховеев за период с апреля по сентябрь более 10 дней. В почвенном покрове провинции преобладают малогумусные (южные) черноземы, на правобережье р.Илек переходящие в темнокаштановые почвы. Довольно часто встречаются здесь солонцы, а по долинам рек (в частности – Илека) – солончаки.

Господствующим растительным ландшафтом провинции являются типчаково-ковыльные степи. Лесов, кроме пойменных по долине Урала и нижнему течению рек Сакмары и Илека, нет.

Южнее Илека Предуральская степная провинция плавно перетекает в *степи Западного Казахстана*, заканчивающиеся Прикаспийской низменностью. В физико-географическом отношении Западный Казахстан

находится на стыке Европы и Азии и является их связующим звеном. Такое расположение, между сравнительно влажными восточно-европейскими степями и знойными пустынями Средней Азии, обусловило резкую континентальность и чрезмерную засушливость климата, преобладание на большей части обширной территории пустынь и полупустынь.

Осадков здесь выпадает крайне мало. Только северные части *Актюбинской и Уральской областей* получают около 300 мм осадков в год. На остальной территории района количество их не превышает 200 мм. Меньше всего осадков в низовьях Урала, Эмбы (150-175 мм) и на Устюрте (75-100 мм). К тому же в течение двух наиболее жарких летних месяцев (июль-август) здесь выпадает лишь около 25 мм осадков, тогда как на севере района это количество увеличивается вдвое. Летом преобладает ясная, сухая погода. Общее число дней с осадками по месяцам колеблется от 3 до 8-10. В целом же осадков летом выпадает очень мало, и они носят ливневый характер. Часто дуют суховеи, иногда в течение одного месяца бывает 25 дней с суховеями.

Зима длится с конца октября до середины марта. Только на севере – в районе Уральска и Актюбинска – снежный покров достигает 30 см толщины, на остальной территории он не превышает 15-20 см и сохраняется 4-4,5 месяца. Однако метели и сильные ветры сдувают снег в низины, оголяя равнины. А это приводит к глубокому промерзанию почвы. Зимой часты оттепели, которые с наступлением морозов приводят к гололедице. Вегетационный период длится 180-270 дней. Флора отличается пестротой растительного покрова. Каждая часть территории – приморская, дельты рек, степная зоны и зона песков – характеризуются своими растительными сообществами. В придельтовых участках преобладает луговой тип, а в центральной части – пустынный.

Речная сеть Западного Казахстана развита слабо. Хотя на территории региона насчитывается 85 тыс. рек, но крупных среди них не наберется и двух десятков. Это – Урал с притоками Орь, Илек, Шынгырлау, Барбастау,

Солянка и Шаган. Менее значительны Эмба, Сагыз, Ойыл (Уил), Иргиз, Большой и Малый Узени (Узени), Шыжа Первая, Шыжа Вторая и Дюра. Большинство рек Западного Казахстана имеют сезонный характер и текут только во время весеннего половодья. За это время они сбрасывают от 80% до 90% своего годового стока и летом превращаются в цепь бессточных плесов (Природа Западного Казахстана...). Последнее авторы этих строк наблюдали на реках Эмба, Уил, Сагыз во время полевых экспедиционных работ 1985 - 1986 гг.

В географическом и климатическом отношениях степи Западного Казахстана образуют единое целое с орографической и геоморфологической областью Сыртового Заволжья и примыкающей к ней с юга плоской морской равниной Прикаспийской низменности. Рельеф Сыртового Заволжья определяют речные долины, между которыми располагаются широкие водоразделы – увалы или сырты с пологими и округлыми склонами. Наиболее крупными реками Заволжья являются впадающие в Волгу Большой Иргиз с притоками Камеликом и Сестрами, Малый Иргиз и Еруслан с Торгуном, а также реки Большой и Малый Узени, уходящие в Западный Казахстан. Характерной особенностью этих и других более мелких рек является то, что питание их происходит главным образом за счет атмосферных, а не грунтовых вод. Весной, когда выпадают дожди и стаивает снег, они имеют высокий паводок и образуют сплошной поток, а летом в большей части своего течения пересыхают и разбиваются на отдельные водоемы (Нижнее Поволжье..., 1948, с. 32).

Прикаспийская низменность – это покатая к югу плоская равнина с абсолютной высотой 50 м на севере и 27 м на юге. Расположена в зоне полупустыни с минимальным количеством дождей. Прикаспийская низменность почти лишена рек и представляет собой плоскую, как стол, равнину, с глинистой почвой, покрытую сильно разреженной пустынно-степной солончаково-полынной растительностью (Нижнее Поволжье..., 1948, с. 35).

Современный климат *Нижнего Поволжья* умеренно континентальный. Для него характерно знойное сухое лето с преобладанием ясной погоды и частыми засухами и холодной малоснежной зимой, погода которой определяется азиатско-сибирским антициклоном, проходящим и над Южным Приуральем и Западным Казахстаном. Толщина снежного покрова в Нижнем Поволжье невелика: от 160-200 мм. на северо-востоке региона до 60-120 мм. в центральных и южных районах.

Снег ложится в третью декаду ноября и лежит 80-120 дней. В связи с частыми оттепелями снежный покров, особенно в южной части Нижнего Поволжья и в дельте Волги неустойчив. За три зимних месяца – декабрь-февраль – фиксируются до пятнадцати дней с оттепелями, начисто сгоняющими снег. На территории Прикаспийской низменности нередко гололедицы, являвшиеся бедствием для скота.

Весна в Нижнем Поволжье начинается рано (уже в конце февраля в южных районах бывают дни с плюсовой температурой воздуха) и протекает быстро. Осадков в весенние месяцы выпадает мало и питание растительности идет за счет зимних запасов влаги в почве. Благодаря этому травянистая растительность нижеволжских степей развивается быстро и уже в начале лета начинает сохнуть.

Лето жаркое с устойчивой сухой, солнечной погодой. Количество осадков в летние месяцы неравномерно – от 170 мм на севере региона до 50 - 60 мм на юге. Для лета характерны большая сухость воздуха и почвы. Зимний запас влаги в почве быстро испаряется и почва во второй половине лета полностью иссушается. Вследствие большой сухости воздуха с открытой поверхности водоемов испаряется значительное количество влаги, чем и объясняется летнее обмеление и пересыхание рек и озер (Там же, с.48-51).

Засушливый климат является главной причиной обезлесения нижеволжских степей и преобладания в них травянистой растительности. Господствующей растительностью степей Нижнего Поволжья является

типчаково-полынно-злаковая. По логом и лощинам нередко встречаются заросли кустарников (шиповник и жимолость) и древесная растительность из дуба, клена татарского, береста и яблони. В полупустынях Прикаспийской низменности большое распространение имеют полукустарнички: полыни, ромашник, прутняк, камфоросма, кокпек. Весьма характерны для полупустыни эфемеры и эфемероиды-однолетники. Эти растения развиваются из семян очень быстро и при первых же теплых днях цветут, плодоносят и в мае уже заканчивают свое кратковременное, эфемерное существование. Это – рогоплодник, бурачки, крупки, из злаков однолетние костры, мортуки и др. (Там же, с.76-77).

Древесная растительность в степной зоне Нижнего Поволжья имеет ничтожное распространение. Главным образом, это речные поймы, где растут дуб, вяз, тополь, осокорь и многочисленные виды ив. Встречаются также осина, ольха, берёза, ильм, клён татарский, крушина, жимолость, боярышник, терн, яблоня, груша, черёмуха, шиповник, смородина, ежевика, барбарис. Наиболее распространенный тип пойменных заливных лугов – злаково-крупноразнотравные. Они отличаются большой производительностью (до 70 ц сена с га), но низкой кормовой ценностью. В Волго-Ахтубинской пойме и Дельте Волги значительное распространение имеют луга, заросшие качественным в плане питательной ценности, но низким травостоем, состоящим из пырея, крестовника, лапчатки, подорожника, осота полевого и др. Они обладают высокой питательной ценностью, но не пригодны для сенокошения (Там же, с. 92-93).

Таким образом, если обозреть Урало-Поволжские степи со «спутниковой орбиты», то картина получается в общем-то однообразная. Это огромная равнина площадью 750500 км², понижающаяся с востока на запад с перепадом абсолютных высот от 400 м в восточной части до 50 м в юго-западной (Прикаспийская низменность). С мягким холмистым рельефом, пересеченным балками и руслами степных рек. С выраженным континентальным климатом, засушливая и маловодная. Растительность

разнотравно-типчаково-ковыльная; кустарниковая и древесная растительность встречается, главным образом, в поймах крупных рек – Урала и Волги. Там же находятся заливные разнотравные пойменные луга. Значительную часть территории занимают солонцы и солончаки.

Вдоль правого берега Волги протекает Приволжская возвышенность – система плоскогорий-кряжей высотой до 360 м, рассеченных оврагами. В районе современного Волгограда она переходит в Ергени – невысокий (150-190 м) горный хребет, являющийся естественной западной и северо-западной границей Прикаспийской Низменности. Последняя составляет большую часть современной *Калмыкии*. Климат Калмыкии резко континентальный – лето очень жаркое и сухое, зима малоснежная, иногда с большими холодами (до -35° - -37° C). Абсолютный максимум температуры в жаркие года достигает 40° — 44° . В зимний период бывают оттепели, в отдельные дни — метели, а иногда образующийся гололед наносит ущерб сельскому хозяйству, вызывая обледенение травостоя пастбищ и озимых культур. Специфической особенностью территории Калмыцких степей являются засухи и суховеи: летом бывают до 120 суховейных дней. Регион является самым засушливым на юге Восточной Европы. Годовое количество осадков составляет 210—340 мм (<http://kalmykia-online.ru/region/info/kalmykia>).

Далее на северо-запад континентальность климата понижается¹⁸ и на территории современных *Ростовской и Воронежской областей* он становится умеренно-континентальным. Лето там умеренно жаркое (среднеиюльская температура $+20^{\circ}$ — $+25^{\circ}$), а зима умеренно-холодная (-9°). Погода зимой неустойчивая, морозы чередуются с оттепелями, возможны туманы, гололед, град, метели. Погода зимой неустойчивая, морозы чередуются с оттепелями, возможны туманы, гололед, град, метели. Снежный покров образуется в конце декабря – начале января. Глубина его редко превышает 100 мм. При этом снежный покров редко держится больше трех недель, а бывают годы без постоянного снежного покрова.

¹⁸ Там уже сказывается действие атлантических циклонов.

Среднегодовое количество осадков меняется с северо-запада на юго-восток от 550 до 450 мм. Чуть больше осадков выпадает на наветренных склонах возвышенностей, над крупными лесными массивами, населенными пунктами. Максимум осадков приходится на июль (160-400 мм), а минимум на февраль (56-70 мм).

Нередки засухи: 2-3 года на 10 лет. При засухах часты суховеи, дней с которыми бывает до 40 за теплый период. Вегетационный период длится с марта по июнь включительно и заканчивается в июле, когда степная растительность – разнотравно-типчаково-ковыльные виды – отцветает и начинает сохнуть (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1775038>; <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z00000036/st008.shtml>).

Интересная деталь – все известные на территории Ростовской области кочевнические погребения XIII-XIV вв.¹⁹ расположены в границах выделенных на территории области разнотравно-ковыльной и типчаково-ковыльной степной подзон и отсутствуют в зоне полынно-типчаковой (полупустынной) степи, занимающей юго-восток области в верхнем течении р.Сал (<http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z00000036/st008.shtml>).

Далее на запад начинается зона т.н. Южнорусских степей (разнотравно-типчаково-ковыльных) с умеренно-континентальным климатом (*Донецкая, Днепронетровская, Запорожская, Херсонская, Одесская области Украины*). Лето здесь жаркое (+18° – +29°), иногда (раз в 10-12 лет) засушливое. Среднегодовая норма осадков – 340-550 мм, из которых половина приходится на летний период. Зима относительно мягкая (-5° – -15°). Вегетационный период начинается в марте и длится 6-7 мес. (<http://visitdonetsk.info/o-donetske/10-info/15-klimat.html>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/147151/Херсонская>; <http://ru.gulliway.org/public/wiki/europe/eastern-europe/ukraine/odessa-oblast/>).

¹⁹ Включая и нанесенные на карты, опубликованные А.В.Евглевским, Т.М.Потемкиной и Ю.А.Кулешовым.

В свое время Ф.Н.Мильков, характеризуя природу *Чкаловской (Оренбургской) области*, выделил несколько особенностей, отличающих оренбургские степи от других степных ландшафтов бывшего СССР. С известной долей допуска их можно распространить и на другие степные районы Урало-Поволжья. Во-первых, это более холодный и континентальный, по сравнению с Украиной и югом Русской равнины, климат, приближающий приуральские степи к суровым степям азиатской части Великого пояса степей Евразии.

Во-вторых, смешанный – западноевропейский, сибирский и отчасти среднеазиатский – характер растительности.

В-третьих, более богатые гумусом степные черноземы, гумусированные на 10-15% (Мильков, 1951, с.22-23).

В этом плане степи Южного Приуралья фактически представляют собой часть огромной природно-климатической провинции, включающей в себя и территорию современного Казахстана. Реальные ландшафтные и климатические изменения становятся заметными только к западу от нижнего течения р.Урал.

Глава 2. КУРГАНЫ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ – МАРКЁРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

О значении погребального обряда (естественно, в тех его элементах и остатках, которые доступны археологическому восприятию и фиксации) для этно- и социокультурных интерпретаций и реконструкций написано много. Свою оценку места и значения погребальной обрядности в реконструкции этнокультурной истории средневековых кочевников Евразии автор этих строк также имел возможность высказать печатно (Иванов и др., 2014, с.180-181). Поэтому здесь я ограничусь тем, что приведу пространную цитату из небольшой по объему заметки Л.С.Клейна, в которой вполне исчерпывающе сформулировано отношение к погребальному обряду, на мой взгляд, долженствующее быть определяющим в работе археолога с погребальными памятниками. В данном случае – с погребальными памятниками кочевников Золотой Орды: «...нередко под несколькими разными способами погребения скрыта одна и та же эсхатологическая концепция (ЭК) – часть мировоззрения, лежащая в основе каждого из этих способов погребения. Такая концепция может допускать разные формы реализации в обрядах стало быть, выражаться в разных способах погребения, оставаясь инвариантной в своей сущности и отличая определенную этническую традицию от других в очень масштабном охвате. Она может генетически связывать культуры, казалось бы, совершенно несхожие по способам погребения. **Зато если уж ЭК различны, то это коренное различие** (выделено мной – В.И.)...» (Клейн, 2013., с.383-384).

Начнем с суммарной характеристики погребального обряда кочевников Золотой Орды. Дабы избежать «изобретения велосипеда» и соблазна рассуждения о предметах, для меня ставших давно очевидными, приведу определение необходимости и значения суммарной характеристики признаков археологических объектов, данное основоположниками статистических методов в археологических исследованиях: «В настоящее время в связи с ростом источниковой базы и постановкой сложных

познавательных задач, направленных на выявление закономерностей функционирования конкретных обществ древности, метод описания каждого объекта мало эффективен, так как делает упор на единичность факта, его индивидуальность. **При всей полноте и конкретности индивидуального описания при исследовании массовых фактов подобный способ их включения явно неприемлем не только из-за громоздкости, но и потому, что не дает представления о совокупности фактов как определенной целостности. Между тем научный факт — это прежде всего обобщенный факт. Такое представление может дать суммарная характеристика** (выделено мной – В.И.)» (Генинг и др. 1990, с.66).

Очевидно, каждому исследователю понятно, что идеальный вариант анализа источников – это работа с их *генеральной совокупностью*, которая представляет собой «модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. **Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения** (выделено мной – В.И.). Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности. Упрощенно говоря, генеральная совокупность – это то, из чего произведена выборка...» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 14-15).

Поскольку в нашем случае «генеральная совокупность» - все захоронения, когда-либо совершенные кочевниками Золотой Орды – для нас действительно недоступна, мы будем работать с выборкой, представленной

1179 погребениями, внесенными в источниковую базу, собранную автором этих строк²⁰.

Выборка должна отвечать двум требованиям: быть **случайной и представительной**. Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов (Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 61). Случайность выборки из кочевнических погребений Золотой Орды объективно обеспечивается самим состоянием источниковой базы по археологии этого населения.

Что же касается представительности, т.е. такого количества сравниваемых единиц, которые «будут отражать существенные свойства генеральной совокупности», то они должны быть однородны и их должно быть достаточно много (Там же, с. 62). «Выявление оптимального объема выборки в каждом конкретном случае составляет отдельную задачу и зависит от многих причин. Пока в этом плане нет достаточных разработок и потому каждый исследователь по-своему обуславливает тот или иной объем взятых для исследования объектов. Причем нарекания исследователь, как правило, получает за слишком малую выборку, особенно когда у него имеется возможность использования большей. Поэтому если вопрос оптимальности объема выборки сейчас решить затруднительно, то **допустимые минимальные ее размеры определить можно** (конечно, мы не имеем в виду те случаи, когда естественная выборка мала и расширить ее пока нет возможности)» (Там же, с. 63, выделено мной. – В.И.).

С целью облегчить исследователю процедуру определения минимальных размеров выборки В.Ф. Генингом и его коллегами-соавторами была разработана и опубликована таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки (Там же, с. 64). Этой таблицей в своих исследованиях я пользуюсь уже много лет.

²⁰ Комплектовать ее мы начали ещё в начале 1990-х годов вместе с Г.Н.Гарустовичем, которому я приношу свою глубокую благодарность.

Исследуя погребальный памятник, информацию об обряде мы получаем в обратном порядке его совершения. А именно:

1. Конструкция и планиграфия надмогильного сооружения;
2. Конструкция могильной ямы (включая все внутримогильные конструкции);
3. Тип сопровождающего конского захоронения;
4. Положение погребенного (поза, ориентировка);
5. Наличие каких-то дополнительных деталей (остатки заупокойной пищи, следы ритуальных действий – окуривание огнем или посыпание мелом);
6. Ассортимент сопровождающего инвентаря.

В этой последовательности мы и будем анализировать имеющийся в нашем распоряжении археологический материал (табл.1).

Таблица 1.

Признаки погребального обряда кочевников Золотой Орды (суммарная характеристика в %%)

	Значение признака	Локальные группы								
		Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междур.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток Великого пояса степей (ВПС)
Конструкция и планиграфия надмогильного сооружения										
1	Насыпь земляная	91,5	74,7	84,6	80,5	99,1	90,8	87,0	65,8	28,7
2	Насыпь каменная	-	-	4,4	2,6	-	-	0,6	3,0	12,4
3	Земля вперемешку с камнем	-	9,5	1,1	6,5	-	-	1,2	6,0	0,8
4	Каменная наброска над могилой	-	10,5	-	10,4	2,7	-	1,2	25,2	7,0
5	Каменное кольцо	5,6	10,5	2,2	2,6	-	-	0,6	4,7	4,7
6	Камен. оградка	-	3,2	-	-	-	-	0,6	1,7	3,9
7	Каменный «панцирь»	-	3,2	-	11,7	-	-	0,6	6,0	1,6
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	-	1,3	-	2,9	1,9	2,6	3,9
9	Кирпичное сооруж-е	-	-	2,2	-	-	0,5	2,5	1,7	0,8
10	Бескурганный	1,4	10,5	5,5	-	-	6,8	7,4	-	20,9
11	Не определен	1,4	3,2	4,4	1,3	-	1,9	5,6	3,0	17,8
12	Кострище в насыпи	1,4	3,2	6,6	-	2,7	2,9	5,6	2,1	0,8

13	Отдельные угли в насыпи	-	2,1	1,1	-	5,5	2,4	4,3	0,9	-
14	Кости животных в насыпи	-	8,4	9,9	3,9	19,1	12,6	14,2	10,7	13,2
15	Ровик у основания насыпи	2,8	6,3	6,6	2,6	20,0	14,0	4,9	3,8	1,6
16	Каменное изваяние	-	-	2,2	-	-	-	-	-	0,8
17	Керамика в насыпи	-	4,2	-	1,3	0,9	1,9	3,7	2,6	-
18	Дерев. констр. в насыпи	2,8	6,3	1,1	-	2,7	-	4,3	1,3	4,7
19	Одно погребение	94,4	90,5	82,4	85,7	96,4	91,3	89,5	87,6	83,7
20	Два погребения	5,6	9,5	18,7	14,3	3,6	8,7	10,5	12,4	16,3
21	Погребения впускные	25,4	26,3	19,8	32,5	21,8	7,7	2,5	7,7	3,1
Конструкция могильной ямы										
22	Могила простая	69,0	53,7	51,6	66,2	71,8	58,9	67,3	70,1	86,8
23	Стенки суживающиеся ко дну	1,4	-	8,8	-	1,8	1,0	-	0,9	-
24	Стенки расширяющиеся	-	-	-	-	-	2,9	-	-	-
25	Ступенька справа	-	1,1	2,2	-	0,9	2,4	2,5	0,4	0,8
26	Ступенька слева	4,2	2,1	2,2	-	2,7	7,7	9,9	6,4	1,6
27	Ступеньки вдоль длинных стенок	4,2	8,4	13,2	1,3	5,5	10,1	8,6	5,6	3,9
28	Ступеньки вдоль всех стенок	-	1,1-	14,3	-	0,9	1,0	-	0,9-	1,6
29	Подбой без уступа	1,4	-	1,1	5,2	6,4	6,3	2,5	3,0	2,3
30	Подбой с уступом	2,8	18,9	5,5	3,9	4,5	7,7	1,9	4,3	2,3
31	Перекрытие на насыпи	11,3	20,0	9,9	13,0	28,2	21,3	13,6	20,5	23,3
32	Перекрытие на заплечиках	1,4	1,1	13,2	-	3,6	5,8	8,0	4,7	4,7
33	Перекрытие на ступеньке	-	-	-	-	1,8	3,9	5,6	2,6	1,6
34	Перекрыт подбой	-	9,5	-	1,3	3,6	5,8	1,9	2,6	1,6
35	Могила обложена камнем	-	1,1	1,1	6,5	-	-	-	0,4	5,4
36	Склеп или заклад кирпичом	-	-	3,3	-	-	4,8	2,5	-	0,8
37	Форма могилы не известна	16,9	14,7	9,9	20,8	5,5	5,8	8,0	8,1	2,3
Тип сопровождающего конского захоронения										
38	Череп и ноги коня слева	8,5	4,2	1,1	2,6	5,5	6,8	7,4	3,4	-
	Череп и ноги коня справа	1,4	1,1	1,1	2,6	0,9	1,4	1,2	0,9	-
39	Череп и ноги коня на насыпи могилы	-	4,2	-	5,2	3,6	2,9	2,5	0,9	0,8
40	Череп и кости ног коня на перекрытии	-	-	2,2	-	0,9	0,5	2,5	0,4	0,8
41	Череп и кости ног	1,4	-	-	-	-	0,5	-	0,4	0,8

	коня у ног чел-ка									
42	Череп и кости ног коня в отд. яме	-	1,1	1,1	-	-	-	0,6	-	-
43	Местополож-е шкура коня не установлено	2,8	3,2	1,1	-	0,9	1,0	1,2	-	2,3
44	Остов коня слева	11,3	5,3	2,2	2,6	0,9	1,9	1,2	5,6	-
45	Остов коня справа	1,4	-	-	1,3	-	0,5	0,6	0,4	-
46	Остов коня на ступеньке	2,8	2,1	6,6	1,3	0,9	3,4	0,6	3,8	-
47	Остов коня в отдельной яме	7,0	4,2	3,3	1,3	2,7	3,4	-	0,9	0,8
48	Конский кенотаф	-	-	-	2,6	-	0,5	-	-	0,8
49	Ориентировка коня совпадает с человеком	21,1	14,7	13,2	5,2	11,8	16,9	12,3	9,4	-
50	Ориентировка коня противоположная	4,2	3,2	-	5,2	-	0,5	1,2	-	0,8
51	Ориентировка коня не известна	5,6	5,3	3,3	2,6	2,7	2,9	3,1	2,6	3,1
52	Сбруя без коня	25,4	25,3	36,3	14,3	27,3	19,3	14,2	20,1	36,4
Положение погребенного (поза, ориентировка)										
53	Ориентирвка погребенного: запад	36,6	29,5	31,8	39,0	35,5	53,1	57,4	40,2	21,7
54	восток	9,9	4,2	6,6	10,4	8,2	4,8	7,4	3,0	3,9
55	север	4,2	12,6	23,1	5,2	9,1	1,9	-	10,3	10,1
56	юг	1,4	3,2	3,3	1,3	0,9	4,8	0,6	6,4	1,6
57	Юго-запад	2,8	5,3	2,2	13,0	14,5	17,9	5,6	15,0	24,0
58	Юго-восток	2,8	1,1	2,1	2,6	1,8	1,0	-	1,3	0,8
59	Северо-запад	25,4	6,3	6,6	3,9	1,8	6,8	4,3	9,0	25,6
60	Северо-восток	9,9	11,6	19,8	10,4	21,8	6,8	13,6	9,4	2,3
61	Ор-ка не определ.	7,0	25,3	5,7	13,0	6,4	1,9	11,3	5,4	9,3
62	Вытянуто на спине	94,4	71,6	91,2	87,0	91,8	95,2	90,7	91,9	90,7
63	На правом боку	-	-	-	2,6	1,8	0,5	-	0,9	3,1
64	На левом боку	-	-	-	1,3	-	-	0,6	0,4	-
65	Поза другая	-	1,1	-	-	-	-	-	-	-
66	Поза не определена	5,6	27,4	7,7	6,5	5,5	3,9	8,6	6,0	6,2
67	Руки вытянуты вдоль	83,1	58,9	72,5	76,6	76,4	67,6	61,7	70,9	58,1
68	Правая согнута	2,8	6,3	5,5	-	1,8	8,2	6,8	7,7	3,9
69	Левая согнута	4,2	1,1	3,3	5,2	5,5	8,2	6,2	6,4	4,7
70	Обе согнуты	4,2	6,3	9,9	-	8,2	9,7	13,6	6,0	13,2
71	Парное погр.	-	1,1	-	5,2	-	1,0	-	-	0,8
72	Кенотаф	-	-	1,1	1,3	-	-	-	0,9	-
73	Кремация	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Наличие дополнительных деталей										
74	В дощатом гробу	39,4	22,1	20,9	28,6	16,4	30,0	29,0	13,7	12,4
75	В колоде	5,6	10,5	3,3	2,6	0,9	16,4	11,7	5,6	10,9
76	В раме из досок	-	4,2	1,1	5,2	1,8	1,9	1,9	2,1	17,1
77	Не определ.	-	-	4,4	-	0,9	0,5	-	-	0,8
78	Подстилка из	2,8	1,1	8,8	2,6	10,9	4,8	6,8	6,8	14,0

	кору									
79	Подстилка травяная	-	-	1,1	-	1,8	3,4	0,6	2,6	0,8
80	Вид подстилки не установлен	-	-	7,7	2,6	0,9	1,0	4,9	1,3	-
81	Кости овцы в могиле	4,2	13,7	24,2	2,6	30,0	15,5	8,6	8,5	11,6
82	Кости КРС	2,8	2,1	-	-	0,9	1,0	1,2	0,4	0,8
83	Кости лошади	-	-	2,2	-	-	2,4	1,2	1,3	-
84	Кости птицы	-	-	1,1	-	-	0,5	-	-	-
85	Кости животного не определены	1,4	2,1	2,2	3,9	5,5	1,9	3,1	6,4	-
86	Кости животных у головы	2,8	8,4	17,6	2,6	19,1	9,2	7,4	8,5	3,1
87	Кости животных у ног человека	2,8	3,2	3,3	-	10,0	5,8	3,7	3,8	7,0
88	Кости животных в заполнении могилы	2,8	7,4	5,5	2,6	7,3	2,9	1,9	3,8	1,6
89	Кости жив-х в других местах	-	-	4,4	1,3	0,9	1,9	1,2	0,4	1,6
90	Сосуд у головы	-	1,1	1,1	1,3	-	0,5	1,2	-	-
91	Сосуд у ног	1,4	1,1	-	2,6	0,9	-	1,2	0,9	-
92	Сосуд в засыпи могилы	-	2,1	1,1	3,9	1,8	1,4	1,2	-	2,3
93	Сосуд лепной	1,4	2,1	2,2	3,9	-	-	1,2	0,4	1,6
94	Сосуд гончарный	-	2,1	-	2,6	2,7	1,4	1,9	0,4	0,8
95	Угли в могиле	-	1,1	2,2	1,3	-	1,0	7,4	2,6	4,7
96	Мел в могиле	1,4	3,2	3,3	6,5	0,9	1,4	0,6	-	-
Ассортимент сопровождающего инвентаря										
97	Удила с перегибом	26,8	30,5	30,8	19,5	18,2	22,9	17,9	16,7	26,4
98	Тип удил не установлен	1,4	2,1	8,8	3,9	2,7	1,9	3,1	2,1	0,8
99	Удила в зубах коня	19,7	14,7	9,9	13,0	5,5	13,8	9,3	5,1	2,3
100	Удила в изголовье	-	2,1	8,8	1,3	4,5	2,4	1,2	1,3	4,7
101	Удила у ног чел.	5,6	9,5	17,6	3,9	10,0	6,2	8,6	8,5	13,2
102	Место удил не установлено	-	5,3	4,4	3,9	0,9	2,9	1,9	3,0	6,2
102	Стремя одно	7,0	13,7	6,6	6,5	10,9	10,0	9,3	3,4	5,4
103	Стремян два	28,2	20,0	35,2	14,3	23,6	21,0	11,7	15,0	22,5
104	Стремена на коне	16,9	12,6	8,8	11,7	5,5	13,3	8,0	5,6	-
105	Стремена у ног человека	9,9	10,5	20,9	7,8	20,0	11,0	5,6	10,3	15,5
106	Стремена в изголовье	1,4	3,2	8,8	-	3,6	2,9	1,2	1,3	3,1
107	Нахождение стремян неизв.	7,0	6,3	3,3	1,3	5,5	3,4	5,6	1,3	9,3
108	Седло на коне	5,4	4,2	2,2	-	2,7	4,3	3,1	1,7	0,8
109	Седло в изголовье	1,4	-	1,1	1,3	3,6	-	0,6	0,9	5,4
110	Седло у ног чел.	-	1,1	5,5	-	3,6	1,0	3,1	1,7	9,3
111	Седельные накладки	-	2,1	2,2	-	1,8	1,4	1,9	0,4	3,9
112	Костяная	-	-	1,1	-	-	-	-	-	3,1

	подпругная пряжка									
113	Нахождение седла не установл.	-	1,1	-	-	-	1,0	-	0,4	0,8
114	Накладки узды	4,2	3,2	-	-	-	-	0,6	1,3	3,1
115	Среды железные	36,6	42,1	29,7	36,4	33,6	29,5	22,2	23,9	44,2
116	Стрелы костяные	5,6	-	2,2	1,3	-	0,5	1,2	2,6	15,5
117	Накладки лука	8,5	2,1	-	5,2	0,9	1,4	0,6	1,3	10,1
118	Колчан берестян.	23,9	20,0	23,1	11,7	27,3	22,7	8,0	15,0	22,5
119	Колчан кожаный	-	-	1,1	2,6	-	1,0	-	-	1,6
120	Колчан. накладки	5,6	8,4	8,8	7,8	7,3	9,1	3,1	2,1	3,1
121	Сабля	8,5	5,3	2,2	29,9	0,9	4,3	1,2	1,7	2,3
122	Копье	1,4	10,5	5,5	1,3	-	2,4	0,6	-	-
123	Топор	-	-	1,1	-	-	-	1,2	-	-
124	Шлем	1,4	-	3,3	10,4	-	-	-	0,9	-
125	Доспех/кольчуга	5,6	-	5,5	11,7	-	1,0	-	2,1	0,8
126	Поясные накл.	-	4,2	3,3	-	0,9	4,3	1,2	2,1	4,7
127	Поясн. пряжка	9,9	23,2	13,2	15,6	16,4	14,0	9,9	8,5	17,1
128	Поясной набор	2,8	1,1	5,5	1,3	-	0,5	1,2	1,7	2,3
129	Серьга-кольцо	7,0	10,5	16,5	6,5	9,1	6,8	5,6	10,3	7,0
130	Серьга-знак вопр.	16,9	13,7	19,8	5,2	16,4	13,0	10,5	13,2	7,8
131	Бубенчик- пуговица	5,6	12,6	4,4	10,4	2,7	1,9	3,1	4,7	1,6
132	Бусы	23,9	17,9	16,5	13,0	12,7	17,4	14,2	15,8	16,3
133	Перстень	2,8	4,2	3,3	5,2	2,7	2,9	-	2,6	1,6
134	Браслет	2,8	-	2,2	-	-	1,9	1,9	0,4	0,8
135	Бокка	7,0	8,4	13,2	5,2	10,0	9,2	8,0	14,1	5,4
136	Зеркало	16,9	15,8	25,3	9,1	21,8	19,8	24,7	21,8	10,1
137	Онгон	-	2,1	-	-	-	0,5	-	-	-
138	Кост. пуговица	1,4	5,3	2,2	7,8	0,9	1,4	0,6	0,4	-
139	Амулет- коранница	1,4	1,1	2,2	1,3	-	3,4	1,2	3,0	1,6
140	Гривна	2,8	-	-	2,6	-	-	-	-	-
141	Ворворка	-	4,2	3,3	-	-	1,0	0,6	1,3	-
142	Нож	38,0	48,4	46,2	39,0	36,4	44,4	42,0	38,5	45,7
143	Кресало	23,9	26,3	23,1	18,2	15,5	23,7	22,8	13,2	7,0
144	Ножницы	8,5	5,3	16,5	10,4	15,5	20,3	19,1	11,1	0,8
145	Пряслице	1,4	1,1	-	2,6	0,9	3,9	1,9	1,3	-
146	Осенок	2,8	3,2	1,1	2,6	0,9	3,4	1,2	0,4	1,6
147	Гребень	4,2	2,1	7,7	2,6	6,4	5,8	3,7	3,4	0,8
148	Шило	1,4	2,1	4,4	2,6	3,6	2,9	6,2	0,9	0,8
149	Кожан. сумка	2,8	5,3	7,7	6,5	1,8	10,1	4,3	0,9	3,1
150	Нагайка	-	2,1	-	-	-	1,4	0,6	-	-
151	Металлич. сосуд	7,0	18,9	31,9	6,5	10,0	9,7	5,6	4,7	5,4
152	Мотыжка	-	-	-	-	-	-	0,6	-	3,9
153	Монеты	5,6	3,2	5,5	5,2	10,0	23,7	10,5	5,1	5,4
154	Другие вещи	25,4	14,7	11,0	14,3	9,1	6,3	6,8	4,3	5,4
155	Без вещей	5,6	7,4	6,6	6,5	10,9	5,3	6,2	13,2	11,6
Всего погребений:		71	95	94	77	110	207	162	234	129

В гистограммах на рис. 4-5 графически представлена суммарная характеристика погребального обряда кочевников Золотой Орды,

составленная на основании данных в табл. 1, но без деления на условно-локальные группы.

Надмогильные сооружения кочевников Золотой Орды – это²¹ *земляные курганы (77% всех погребений); каменная наброска-выкладка над могилой (7,9%); каменно-земляная насыпь (3%); каменное кольцо вокруг могилы (3%); каменный «панцирь» поверх земляной насыпи (2,5%); каменная насыпь (2,5%); ограда из сырцового кирпича вокруг могилы (1,7%); каменная ограда прямоугольной формы вокруг могилы (1%); какие-то сооружения из жженого кирпича, конструкция которых, как правило, не устанавливается (0,9%). Выделяется группа погребений, совершенных в грунтовых (бескурганых) могильниках (5,6%), и группа погребений, надмогильные сооружения над которыми не были определены (4,4%)*²².

7,3% погребений совершены под земляными курганами, опоясанными по основанию кольцевым *ровиком*; 11,3% - под насыпями, содержащими *разрозненные кости животных (тризна?)*; в насыпях, перекрывающих 2,9% погребений находились *следы кострищ, отдельные угольки (2%), остатки каких-то деревянных конструкций (2,5%), фрагменты глиняной посуды (2%)*.

Планиграфия курганов однородная: 89% погребений – *единственные под насыпью*; 11% - *парные* для одной курганной насыпи; 13,1% - *впускные* в насыпи более ранних курганов (рис.4).

Конструкция могильных ям кочевнических погребений Золотой Орды так же однотипна – 66,7% погребений совершены в *простых ямах* с вертикальными стенками и плоским дном. Далее по убывающей: 7% могил имеют *ступеньки-запечки вдоль длинных стенок*; 5% - *ступеньку вдоль левой, относительно погребенного, стенки*; 5,5% - *подбойные со ступенькой у входа в подбой*; 3,4% - тоже подбойные, но *дно подбоя расположено на одном уровне с дном входной ямы*; 1,8% могил имеют *ступеньки-запечки*

²¹ В порядке снижения частоты встречаемости.

²² Дотошного читателя не должна смущать общая сумма, превышающая 100%. Дело в том, что некоторые из перечисленных признаков встречаются одновременно над одним и тем же погребением, о чем подробнее будет сказано ниже.

вдоль всех четырех стенок; 1,4% - одну справа от погребенного; 0,9% могил со стенками, расширяющимися ко дну; 0,8% - наоборот сужающимися.

Встречаются могилы со стенками, обложенными кирпичом (склеп?) или камнем (по 1,4%) и погребения, конструкцию могилы в которых проследить не удалось (8,8%).

В почти каждом третьем из исследуемых погребений прослежены следы *деревянного перекрытия* (29,2%). Из них в 18,7% погребений перекрытие зафиксировано, как *лежащее на засыпи могилы*; 5,1% - перекрытие *опиралось на ступеньки-заплечики*; 3,1% - это подбойные могилы с *подбоем, перекрытым деревом*; 2,3% - могилы с *перекрытием, опирающимся на ступеньку* вдоль длинной стенки.

Из других внутримогильных конструкций зафиксированы остатки *дощатого гроба* (22,5%), *колоды* (8,5%), *дощатой рамы* (3,8%), неопределенного сооружения (0,7%), *подстилки* из древесной коры (?) (6,9%), *травы или камыша* (?) (1,5%), просто из какой-то органики (1,9%) (рис. 4а).

Известно, что характерным признаком погребального обряда средневековых кочевников степной Евразии является наличие в могилах **конских захоронений** в виде шкуры (череп и кости ног) или целой туши (конский остов). Среди кочевнических погребений Золотой Орды захоронения с конями составляют в общей сложности 16,2%. Из них 10,2% - погребения со *шкурой коня*, 6% - погребения с *конской тушей*. Местоположение *конской шкуры*: 4,6% - *слева от погребенного в могиле*; 2,1% - *в засыпи могилы над погребенным*; 1,1% - *справа от погребенного в могиле*; 0,8% - *на перекрытии над человеком*; 1,3% - местоположение шкуры коня не установлено.

Местоположение *туши коня*: 3,1% - *слева от погребенного* (из них 2,5% - на ступеньке), 2,2% - *в отдельной яме*, 0,4% - *справа от погребенного*.

Из всех конских захоронений (16,2%) ориентировка коня совпадает с ориентировкой человека в 11,5% погребений, противоположная – 1,3%, не установлена – 3,3%.

Особую группу составляют погребения, содержащие принадлежности конской сбруи – седло, стремяна, удила – но без конского захоронения (23,2%) (рис. 5).

Поза погребенных стандартная – *вытянуто на спине* (90,2%), хотя есть *на правом боку* (0,9%), *на левом боку или на животе*, например, встречаются, но крайне редко (в общей сложности – 0,4%), у 7,9% погребенных позу *установить не удалось*, тем более, что 0,1% погребений совершены *по обряду кремации*, а 0,3% – *кенотаф* без человеческих останков.

Руки погребенных, как правило, *вытянуты вдоль тела* (68,4%), есть *со слегка согнутыми руками, кисти которых уложены на таз или на живот* (8,5%), *с согнутой правой* (5,7%) *или левой* (5,5%) *рукой*.

Ориентировка погребенных преобладает *западная* (40,3%), *юго-западная* (12,5%), *северо-восточная* (10,9%), *северо-западная* (9,2%), *северная* (8,4%), *восточная* (5,9%), *южная* (3,1%) и *юго-восточная* (1,2%). *Не удалось установить ориентировку* у 7,7% погребенных (рис. 4а).

Из других **деталей ритуала** фиксируются: наличие в могилах *костей животных (заупокойная пища)* – в общей сложности 18%. Из них в 12,9% могил – *кости овцы*, 1% – *лошади*, 0,9% – *КРС*, 3,2% – *вид животных не определен*. Кости животных размещались в *изголовье могилы* (8,8%), в *ногах* – 4,5%, в *заполнении могилы* – 3,7% и в *других местах (у живота, у рук)* – 1,3%.

Крайне редко (2,7%) в могилах встречается *глиняная посуда*. Ее ставили у *головы* (0,5%), у *ног* (0,8%), но чаще в виде фрагментов она встречается в *заполнении могилы* (1,4%). Количество погребений с *лепной и гончарной посудой* примерно одинаково (1,1% и 1,3% соответственно).

Опять-таки крайне редко в могилах встречены *куски угля* (м.б. – окуривание могилы огнем?) (2,5%) и *меловая подсыпка или отдельные куски мела* (1,4%) (рис.5).

Погребальный обряд – это процедура, состоящая из серии последовательно совершаемых действий, оставляющих, в том числе, и археологически фиксируемые следы: объекты, артефакты. Поэтому более или менее приблизиться к пониманию семантики обряда кочевников Золотой Орды мы можем только в результате выявления устойчивых комплексов следов ритуальных действий, проведя их статистическую корреляцию с помощью стандартной компьютерной программы SPSS, функция «Анализ» → «Корреляция» → «Парная корреляция» → «Корреляция Пирсона». Коэффициенты корреляции является общепринятой в математической статистике характеристикой связи между двумя случайными величинами. Коэффициент корреляции - показатель степени взаимозависимости, статистической связи двух переменных; изменяется в пределах от -1 до +1. Значение коэффициента корреляции 0 указывает на возможное отсутствие зависимости, значение +1 свидетельствует о согласованности переменных. В исследуемом материале значения коэффициентов корреляции варьируются от 0,620 до отрицательных. Мною было проведено ранжирование этих значений по трем рангам: 1) от 0,200 и выше; 2) 0,100 – 0,199; 3) 0,075 – 0,099. Результаты корреляции признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды в графическом виде представлены на рис. 6 и 7.

По категории «конструкция и планиграфия курганов» связь первого ранга обнаруживают присутствие в насыпи кургана костей животных и фрагментов керамики и костей животных и отдельных кусков угля. Кости животных, в свою очередь, на уровне показателей 2-го уровня связаны с земляными курганными насыпями, которые, в свою очередь, на этом же уровне связаны с таким признаком, как ровик вокруг насыпи. То есть, для исследуемой выборки, можно говорить о том, что для *земляных курганов* кочевников Золотой Орды характерно *наличие в насыпи костей животных и*

ровика, опоясывавшего либо самое насыпь, либо то пространство, в центре которого находилась могила. Причем, *кости животных устойчиво сочетаются с фрагментами керамики и кусками угля*. Все это с наибольшей степенью вероятности указывает на такое ритуальное действие, как совершение поминальной тризны над могилой погребенного сородича: то ли в момент совершения погребения, то ли позже.

География курганов, насыпи которых характеризуются указанными признаками, показывает, что какой-либо типологической закономерности в их локализации не прослеживается. То есть, земляные курганы, содержащие в насыпи кости животных и опоясанные ровиком, встречаются в Нижнем Поволжье (Бахтияровка II), в Волго-Донском междуречье (Адрин, Гува II, Большой Царын) и на Дону (Столетовская).

Для земляных курганов характерно наличие впускных погребений – совершены в насыпях более ранних курганов – причем, не в единственном экземпляре. Их география вообще не обнаруживает никакой закономерности: они есть везде.

В отдельную группу выделяются курганы со смешанной, каменно-земляной насыпью, для которых (на уровне коэффициентов 2-го ранга) характерны каменная наброска над могилой, конские кенотафы или размещение конской туши (полный скелет) слева от человека на ступеньке. Они так же не образуют какой-то локальной группы и встречаются достаточно широко: в степях Южного Приуралья (Тлявгуловский, Новочеркасский VII, у пос.Большевик и др.), Северного Кавказа (Псебайская, Имение Борисово, Раевская), на Левобережной Украине (Рясные могилы, Благодатный, Камышеваха, Житенко, Макеевка и др.).

Третья отчетливо выделяющаяся группа – курганы с насыпью, сложенной из камня, и содержащие погребения, в которых находились принадлежности конской сбруи, но не было самого коня. Их география аналогична группам, перечисленным выше: подобные курганы встречены на Алтае (Ак-Алха, Яконур, Сухие Гривы и др.), в Приуралье (Новый Кумак II,

Линевский одиночный, Лебедевка IV, Жаксы-Каргала), на Северном Кавказе (Псебайская) и Левобережной Украине (Черемшино).

Итак, если давать суммарную характеристику погребальных памятников кочевников Золотой Орды (для каких-то обобщающих или научно-популярных работ), то она²³ будет выглядеть так: захоронения под земляными, реже – каменными курганами, представляющими собою каменно-земляную насыпь, каменную обкладку («панцирь») земляной насыпи, каменную оградку-кольцо вокруг могилы. Насыпь содержит по одному (очень редко – два) погребения, среди которых встречаются впускные в более ранние насыпи, еще реже – захоронения в бескурганных (грунтовых) могильниках, некоторые земляные курганы содержат в насыпи следы костров, отдельные кости животных, фрагменты глиняной посуды (следы тризны?) (рис.4-5).

Однако, во-первых, известно, что основу административной системы Золотой Орды составляли *улусы* – народ, кочевники, данные во владение, кочевавшие по определенной территории – *юрту* или *нутугу* (Федоров-Давыдов, 1973, с.43-44.). Все названные выше исследователи за основу территориально-административного деления Золотой Орды берут сообщение Плано Карпини (1245 г.) о делении Золотой Орды на улусы и у нас нет оснований не придерживаться его. Во-вторых, сейчас уже ни у кого из исследователей не вызывает сомнения полиэтничность Золотой Орды и, в частности, полиэтничность ее кочевого населения, среди которого, кроме традиционно воспринимаемых кыпчаков-половцев (сары-кыпчаков – по С.Г.Кляшторному), присутствовали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» (Костюков, 2006, с. 200-235).

И вот здесь возникает закономерный вопрос: эта полиэтничность отразилась как-то в типологической географии курганов золотоордынских

²³ Для настоящего времени.

кочевников? Применительно к имеющейся источниковой базе можно попытаться найти на него ответ.

В предыдущей главе приведена географическая номенклатура курганов кочевников Золотой Орды, которую мы рассмотрим в направлении восток – запад. Сравнительно-статистический анализ погребального обряда условно-территориальных групп кочевнических погребений проводится по 96 альтернативным признакам, позволяющим высчитать коэффициент формально-типологического сходства C_3 , учитывающий признаки, одновременно присутствующие и отсутствующие в сравниваемых выборках. Поскольку выборки неравнозначны по своему объему, при анализе учитывались только признаки, **представительные** для каждой из выборок при критерии значимости = 0,95 (табл.2)²⁴.

Таблица 2.
Представительные признаки кочевнических курганов Золотой Орды (в %%)²⁵

	Значение признака	Локальные группы								
		Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское межд.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток Великого пояса степей (ВПС)
1	Насыпь земляная	91,5	74,7	84,6	80,5	99,1	90,8	87,0	65,8	28,7
2	Насыпь каменная	-	-	4,4	-	-	-	-	3,0	12,4
3	Земля вперемешку с камнем	-	9,5	-	6,5	-	-	-	6,0	-
4	Каменная наброска над могилой	-	10,5	-	10,4	-	-	-	25,2	7,0
5	Каменное кольцо	5,6	10,5	-	-	-	-	-	4,7	4,7
6	Камен. оградка	-	-	-	-	-	-	-	-	3,9
7	Каменный «панцирь»	-	-	-	11,7	-	-	-	6,0	-
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	-	-	-	2,9	-	2,6	3,9
9	Кирпичное сооруж-е	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Бескурганный	-	10,5	5,5	-	-	6,8	7,4	-	20,9
11	Не определен	-	-	4,4	-	-	1,9	5,6	3,0	17,8
12	Кострище в насыпи	-	-	6,6	-	-	2,9	5,6	2,1	-

²⁴ Частота встречаемости **всех** признаков обряда представлена в табл.1.

²⁵ В строке «Всего погребений» в скобках указан нижний порог значимости признака для данной статистической выборки.

13	Отдельные угли в насыпи	-	-	-	-	5,5	2,4	4,3	-	-
14	Кости животных в насыпи	-	8,4	9,9	-	19,1	12,6	14,2	10,7	13,2
15	Ровик у основания насыпи	-	6,3	6,6	-	20,0	14,0	4,9	3,8	-
16	Каменное изваяние	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Керамика в насыпи	-	4,2	-	-	-	1,9	3,7	2,6	-
18	Дерев. констр. в насыпи	-	-	-	-	-	-	4,3	-	4,7
19	Одно погребение	94,4	90,5	82,4	85,7	96,4	91,3	89,5	87,6	83,7
20	Два погребения	5,6	9,5	18,7	14,3	-	8,7	10,5	12,4	16,3
21	Погребения впускные	25,4	26,3	19,8	32,5	21,8	7,7	-	7,7	3,1
22	Могила простая	69,0	53,7	51,6	66,2	71,8	58,9	67,3	70,1	86,8
23	Стенки суживающиеся ко дну	-	-	8,8	-	-	-	-	-	-
24	Стенки расширяющиеся	-	-	-	-	-	2,9	-	-	-
25	Ступенька справа	-	-	-	-	-	2,4	-	-	-
26	Ступенька слева	-	-	-	-	-	7,7	9,9	6,4	-
27	Ступеньки вдоль длинных стенок	-	8,4	13,2	-	5,5	10,1	8,6	5,6	3,9
28	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	14,3	-	-	-	-	-	-
29	Подбой без уступа	-	-	-	5,2	6,4	6,3	-	3,0	-
30	Подбой с уступом	-	18,9	5,5	-	4,5	7,7	-	4,3	-
31	Перекрытие на насыпи	11,3	20,0	9,9	13,0	28,2	21,3	13,6	20,5	23,3
32	Перекрытие на заплечиках	-	-	13,2	-	-	5,8	8,0	4,7	4,7
33	Перекрытие на ступеньке	-	-	-	-	-	3,9	5,6	2,6	-
34	Перекрыт подбой	-	9,5	-	-	-	5,8	-	2,6	-
35	Могила обложена камнем	-	-	-	6,5	-	-	-	-	5,4
36	Склеп или заклад кирпичом	-	-	-	-	-	4,8	-	-	-
37	Форма могилы не известна	16,9	14,7	9,9	20,8	5,5	5,8	8,0	8,1	-
38	Череп и ноги коня слева	8,5	4,2	-	-	5,5	6,8	7,4	3,4	-
	Череп и ноги коня справа	-	-	-	-	-	-	-	-	-
39	Череп и ноги коня на насыпи могилы	-	4,2	-	5,2	-	2,9	-	-	-
40	Череп и кости ног коня на перекрытии	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Череп и кости ног коня у ног чел-ка	-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	Череп и кости ног	-	-	-	-	-	-	-	-	-

	коня в отд. яме									
43	Местополож-е шкуры коня не установлено	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	Остов коня слева	11,3	5,3	-	-	-	1,9	-	5,6	-
45	Остов коня справа	-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	Остов коня на ступеньке	-	-	6,6	-	-	3,4	-	3,8	-
47	Остов коня в отдельной яме	7,0	4,2	-	-	-	3,4	-	-	-
48	Конский кенотаф	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	Ориентировка коня совпадает с человеком	21,1	14,7	13,2	5,2	11,8	16,9	12,3	9,4	-
50	Ориентировка коня противоположная	-	-	-	5,2	-	-	-	-	-
51	Ориентировка коня не известна	5,6	5,3	-	-	-	2,9	3,1	2,6	-
52	Сбруя без коня	25,4	25,3	36,3	14,3	27,3	19,3	14,2	20,1	36,4
53	Ориентировка погребенного: запад	36,6	29,5	30,8	39,0	35,5	53,1	57,4	40,2	21,7
54	восток	9,9	4,2	6,6	10,4	8,2	4,8	7,4	3,0	3,9
55	север	-	12,6	23,1	5,2	9,1	1,9	-	10,3	10,1
56	юг	-	-	-	-	-	4,8	-	6,4	-
57	Юго-запад	-	5,3	-	13,0	14,5	17,9	5,6	15,0	24,0
58	Юго-восток	-	-	-	-	-	-	-	-	-
59	Северо-запад	9,9	6,3	6,6	-	-	6,8	4,3	9,0	25,6
60	Северо-восток	-	11,6	19,8	10,4	21,8	6,8	13,6	9,4	-
61	Ор-ка не определ.	7,0	25,3	5,5	13,0	6,4	1,9	6,8	5,1	9,3
62	Вытянуто на спине	94,4	71,6	91,2	87,0	91,8	95,2	90,7	91,9	90,7
63	На правом боку	-	-	-	-	-	-	-	-	3,1
64	На левом боку	-	-	-	-	-	-	-	-	-
65	Поза другая	-	-	-	-	-	-	-	-	-
66	Поза не определена	5,6	27,4	7,7	6,5	5,5	3,9	8,6	6,0	6,2
67	Руки вытянуты вдоль	83,1	58,9	72,5	76,6	76,4	67,6	61,7	70,9	58,1
68	Правая согнута	-	6,3	5,5	-	-	8,2	6,8	7,7	3,9
69	Левая согнута	-	-	-	5,2	5,5	8,2	6,2	6,4	4,7
70	Обе согнуты	-	6,3	9,9	-	8,2	9,7	13,6	6,0	13,2
71	Парное погр.	-	-	-	5,2	-	-	-	-	-
72	Кенотаф	-	-	-	-	-	-	-	-	-
73	Кремация	-	-	-	-	-	-	-	-	-
74	В дощатом гробу	39,4	22,1	20,9	28,6	16,4	30,0	29,0	13,7	12,4
75	В колоде	5,6	10,5	-	-	-	16,4	11,7	5,6	10,9
76	В раме из досок	-	4,2	-	5,2	-	1,9	-	2,1	17,1
77	Не определ.	-	-	4,4	-	-	-	-	-	-
78	Подстилка из коры	-	-	8,8	-	10,9	4,8	6,8	6,8	14,0
79	Подстилка травяная	-	-	-	-	-	3,4	-	2,6	-
80	Вид подстилки не	-	-	7,7	-	-	-	4,9	-	-

	установлен									
81	Кости овцы в могиле	-	13,7	24,2	-	30,0	15,5	8,6	8,5	11,6
82	Кости КРС	-	-	-	-	-	-	-	-	-
83	Кости лошади	-	-	-	-	-	2,4	-	-	-
84	Кости птицы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
85	Кости животного не определены	-	-	-	-	5,5	1,9	3,1	6,4	-
86	Кости животных у головы	-	8,4	17,6	-	19,1	9,2	7,4	8,5	3,1
87	Кости животных у ног человека	-	-	-	-	10,0	5,8	3,7	3,8	7,0
88	Кости животных в заполнении могилы	-	7,4	5,5	-	7,3	2,9	-	3,8	-
89	Кости жив-х в других местах	-	-	4,4	-	-	1,9	-	-	-
90	Сосуд у головы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
91	Сосуд у ног	-	-	-	-	-	-	-	-	-
92	Сосуд в засыпи могилы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
93	Сосуд лепной	-	-	-	-	-	-	-	-	-
94	Сосуд гончарный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
95	Угли в могиле	-	-	-	-	-	-	7,4	2,6	4,7
96	Мел в могиле	-	-	-	6,5	-	-	-	-	-
Всего погребений:		71 (5%)	95 (4%)	94 (4%)	77 (5%)	110 (4%)	207 (2%)	162 (3%)	234 (2%)	129 (3%)

Таблица 3.

Упорядоченная таблица коэффициентов формально-типологического сходства кочевнических курганов Золотой Орды

	Правобер Украина	Левобер Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междр.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток ВПС
Правобер Украина	-								
Левобер Украина	0,74	-							
Дон	0,72	0,76	-						
Северный Кавказ	0,79	0,74	0,64	-					
Волго-Донское междр	0,77	0,78	0,77	0,77	-				
Нижняя Волга	0,59	0,77	0,70	0,58	0,74	-			
Средняя Волга	0,52	0,75	0,77	0,61	0,80	0,76	-		
Приуральская	0,63	0,80	0,68	0,62	0,74	0,85	0,79	-	
Восток ВПС	0,72	0,74	0,73	0,68	0,74	0,64	0,76	0,74	-

Полученные результаты показывают, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой курганы кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья ($C_3 = 0,85$). За ними (при критерии значимости 0,90) следуют курганы Среднего Поволжья, Волго-Донского междуречья и Южного Приуралья (соответственно, $C_3 = 0,80$ и $0,79$), курганы Северного Кавказа и Правобережной Украины ($C_3 = 0,79$) и т.д. (табл.3 и рис.9). При понижении критерия значимости до 0,85 типологическую связь обнаруживают между собой курганы практически всех территориальных групп. Среди них отчетливо выделяются только курганы Северного Кавказа, типологически тяготеющие к территориальным группам т.н. Южнорусских степей (Левобережной и Правобережной Украины) и курганы Правобережной Украины, обнаруживающие пониженные показатели типологического сходства с курганами Урало-Поволжского региона (табл.3 и рис.8).

Как полученные показатели могут быть интерпретированы? С точки зрения археологической номинации – как локальные группы (варианты) **одной археологической культуры**. Здесь уместно сослаться на мнение основоположников применения формально-статистических методов в отечественной археологии – Г.А.Федоров-Давыдова и В.Ф.Генинга, вслед за Д.Кларком (один из основателей процессуальной археологии) и Д.Я.Телегиным – считавших, что показатели сходства не менее 0,65 (т.е. 65%) свидетельствуют о **принадлежности сравниваемых объектов к одной археологической культуре** (Федоров-Давыдов, 1987, с.166-167; Генинг и др., 1990, с.132). Мы имеем гораздо бóльшие значения коэффициентов типологического сходства кочевнических курганов Золотой Орды.

С точки зрения этнокультурных построений и реконструкций вопрос представляется не столь однозначным. И для того, чтобы хотя бы приблизиться к его разрешению, мы должны выяснить, какие признаки погребального обряда действительно оказываются характерными для каждой

из сравниваемых локальных групп. То есть, установить тенденцию каждого признака внутри групп памятников²⁶ (табл.4).

Таблица 4.

Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды по локальным группам (в строке «Всего погребений» в скобках указан нижний порог представительности признака для каждой группы)

	Значение признака	Тенденция признака									
		Норма распределения	Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междр.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток ВПС
1	Насыпь земляная	78,0	1,17	0,95	1,08	1,03	1,27	1,16	1,11	0,84	0,36
2	Насыпь каменная	2,2	-	-	2,0	-	-	-	-	1,36	5,63
3	Земля вперемешку с камнем	2,44	-	3,9	-	2,66	-	-	-	2,45	-
4	Каменная наброска над могилой	5,9	-	1,97	-	1,76	-	-	-	4,27	1,18
5	Каменное кольцо	2,83	5,6	3,7	-	-	-	-	-	1,66	1,66
6	Камен. оградка	0,43	-	-	-	-	-	-	-	-	9,0
7	Каменный «панцирь»	1,96	-	-	-	5,9	-	-	-	3,0	-
8	Оградка из сырцового кирпича	1,0	-	-	-	-	-	2,9	-	2,6	3,9
9	Кирпичное сооруж-е		-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Бескурганый	5,6	-	1,87	0,98	-	-	1,2	1,32	-	3,73
11	Не определен	3,6	-	-	4,4	-	-	1,9	5,6	3,0	17,8
12	Кострище в насыпи	1,9	-	-	3,47	-	-	1,52	2,9	1,1	-
13	Отдельные угли в насыпи	1,35	-	-	-	-	4,07	1,77	3,18	-	-
14	Кости животных в насыпи	9,7	-	0,86	1,02	-	1,96	1,29	1,46	1,1	1,36
15	Ровик у основания насыпи	6,17	-	1,02	1,06	-	3,24	2,26	0,79	0,61	-
16	Каменное изваяние		-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Керамика в насыпи	1,37	-	3,06	-	-	-	1,38	2,7	1,89	-
18	Дерев. констр. в насыпи	1,0	-	-	-	-	-	-	4,3	-	4,7
19	Одно погребение	89,0	1,06	1,01	0,92	0,96	1,08	1,02	1,00	0,98	0,94
20	Два погребения	10,6	0,53	0,89	1,76	1,35	-	0,82	0,99	1,16	1,53
21	Погребения впускные	16,0	1,58	1,64	1,23	2,03	1,36	0,48	-	0,48	0,19
22	Могила простая	66,1	1,04	0,81	0,78	1,00	1,08	0,89	1,01	1,06	1,31
23	Стенки суживающиеся ко дну	0,97	-	-	9,0	-	-	-	-	-	-
24	Стенки расширяющиеся	0,32	-	-	-	-	-	9,0	-	-	-
25	Ступенька справа	0,26	-	-	-	-	-	9,0	-	-	-
26	Ступенька слева	2,66	-	-	-	-	-	2,89	3,72	2,4	-
27	Ступеньки вдоль длинных стенок	6,14	-	1,36	2,14	-	0,89	1,6	1,4	0,91	0,63
28	Ступеньки вдоль всех стенок	1,58	-	-	9,0	-	-	-	-	-	-
29	Подбой без уступа	2,32	-	-	-	2,24	2,75	2,7	-	1,29	-

²⁶ За разъяснениями о том, что такое «тенденция признака» отправляю к (Генинг и др., 1990, с.84-90).

30	Подбой с уступом	4,5	-	4,2	1,2	-	1,0	1,7	-	0,95	-
31	Перекрытие на засыпи	17,9	0,63	1,11	0,55	0,72	1,57	1,18	0,76	1,14	1,3
32	Перекрытие на заплечиках	4,04	-	-	3,26	-	-	1,43	1,98	1,16	1,16
33	Перекрытие на ступеньке	1,34	-	-	-	-	-	2,9	4,17	1,9	-
34	Перекрыт подбой	1,98	-	4,8	-	-	-	2,9	-	1,3	-
35	Могила обложена камнем	1,32	-	-	-	4,9	-	-	-	-	4,09
36	Склеп или заклад кирпичом	0,53	-	-	-	-	-	9,0	-	-	-
37	Форма могилы не известна	9,93	1,7	1,48	1,0	2,09	0,55	0,58	0,80	0,81	-
38	Череп и ноги коня слева	3,97	2,14	1,05	-	-	1,38	1,71	1,86	0,85	-
	Череп и ноги коня справа		-	-	-	-	-	-	-	-	-
39	Череп и ноги коня на засыпи могилы	1,36	-	3,08	-	3,82	-	2,13	-	-	-
40	Череп и кости ног коня на перекрытии		-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Череп и кости ног коня у ног чел-ка		-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	Череп и кости ног коня в отд. яме		-	-	-	-	-	-	-	-	-
43	Местополож-е шкуры коня не установлено		-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	Остов коня слева	2,67	4,23	1,98	-	-	-	0,71	-	2,09	-
45	Остов коня справа		-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	Остов коня на ступеньке	1,53	-	-	4,3	-	-	2,22	-	2,48	-
47	Остов коня в отдельной яме	1,62	4,3	2,59	-	-	-	2,09	-	-	-
48	Конский кенотаф		-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	Ориентировка коня соответствует с человеком	11,6	1,81	1,26	1,13	0,45	1,0	1,45	1,06	0,81	-
50	Ориентировка коня противоположная	0,57	-	-	-	9,1	-	-	-	-	-
51	Ориентировка коня не известна	2,16	2,5	2,45	-	-	-	1,34	1,43	1,2	-
52	Сбруя без коня	24,3	1,04	1,04	1,49	0,58	1,12	0,79	0,58	0,82	1,5
53	Ориентировка по гребенному: запад	38,2	0,96	0,77	0,8	1,0	0,93	1,39	1,5	1,05	0,57
54	восток	6,48	1,5	0,65	1,0	1,6	1,2	0,74	1,1	0,46	0,6
55	север	8,03	-	1,56	2,87	0,64	1,13	0,2	-	1,28	1,25
56	юг	1,24	-	-	-	-	-	3,87	-	5,16	-
57	Юго-запад	10,6	-	0,5	-	1,22	1,36	1,69	0,52	1,4	2,26
58	Юго-восток		-	-	-	-	-	-	-	-	-
59	Северо-запад	7,6	1,3	0,82	0,86	-	-	0,89	0,56	1,18	3,36
60	Северо-восток	10,3	-	1,12	1,9	1,0	2,1	0,66	1,32	0,91	-
61	Ор-ка не определ.		7,0	25,3	5,5	13,0	6,4	1,9	6,8	5,1	9,3
62	Вытянуто на спине		94,4	71,6	91,2	87,0	91,8	95,2	90,7	91,9	90,7
63	На правом боку		-	-	-	-	-	-	-	-	3,1
64	На левом боку		-	-	-	-	-	-	-	-	-
65	Поза другая		-	-	-	-	-	-	-	-	-
66	Поза не определена		5,6	27,4	7,7	6,5	5,5	3,9	8,6	6,0	6,2
67	Руки вытянуты вдоль	69,5	1,19	0,84	1,04	1,1	1,1	0,97	0,88	1,02	0,83
68	Правая согнута	4,26	-	1,47	1,29	-	-	1,92	1,6	1,8	0,91
69	Левая согнута	4,02	-	-	-	1,29	1,38	2,03	1,54	1,59	1,17
70	Обе согнуты	7,4	-	0,85	1,33	-	1,1	1,3	1,8	0,81	1,78
71	Парное погр.		-	-	-	5,2	-	-	-	-	-
72	Кенотаф		-	-	-	-	-	-	-	-	-

73	Кремация		-	-	-	-	-	-	-	-	-
74	В дощатом гробу	23,6	1,67	0,93	0,88	1,2	0,69	1,27	1,22	0,58	0,52
75	В колоде	6,7	0,82	1,56	-	-	-	2,44	1,74	0,83	1,62
76	В раме из досок	3,38	-	1,24	-	1,53	-	0,56	-	0,62	5,06
77	Не определ.	0,48	-	-	9,0	-	-	-	-	-	-
78	Подстилка из коры	5,7	-	-	1,5	-	1,9	0,84	1,2	1,2	2,4
79	Подстилка травяная	0,66	-	-	-	-	-	5,1	-	3,9	-
80	Вид подстилки не установлен		-	-	7,7	-	-	-	4,9	-	-
81	Кости овцы в могиле	12,4	-	1,1	1,95	-	2,4	1,25	0,69	0,68	0,93
82	Кости КРС		-	-	-	-	-	-	-	-	-
83	Кости лошади		-	-	-	-	-	2,4	-	-	-
84	Кости птицы		-	-	-	-	-	-	-	-	-
85	Кости животного не определены		-	-	-	-	5,5	1,9	3,1	6,4	-
86	Кости животных у головы	8,1	-	1,03	2,17	-	2,3	1,13	0,91	1,0	0,38
87	Кости животных у ног человека	3,3	-	-	-	-	3,0	1,75	1,1	1,15	2,12
88	Кости животных в полнении могилы	3,0	-	2,4	1,83	-	2,2	1,0	-	1,26	-
89	Кости жив-х в других местах		-	-	4,4	-	-	1,9	-	-	-
90	Сосуд у головы		-	-	-	-	-	-	-	-	-
91	Сосуд у ног		-	-	-	-	-	-	-	-	-
92	Сосуд в засыпи могилы		-	-	-	-	-	-	-	-	-
93	Сосуд лепной		-	-	-	-	-	-	-	-	-
94	Сосуд гончарный		-	-	-	-	-	-	-	-	-
95	Угли в могиле	1,63	-	-	-	-	-	-	4,5	1,6	2,88
96	Мел в могиле	0,72	-	-	-	9,0	-	-	-	-	-
Всего погребений:			71 (5%)	95 (4%)	94 (4%)	77(5%)	10 4%)	207 2%)	162 3%)	34 (2%)	129 (3%)

Частными признаками по тенденции (т.е., встречающиеся и в других локальных группах, но имеющие выраженную повышенную тенденцию встречаемости в какой-то одной) являются:

Для **погребений восточной части степей Евразии** – захоронения внутри оградки, сложенной из камня или сырцового кирпича; помещение погребенного на подстилку из древесной коры – луба (?).

Для погребений **Нижнего Поволжья** – могилы с расширяющимися ко дну стенками или ступенькой справа от человека; захоронения в кирпичном слепее или могиле, обложенной кирпичом; наличие в могиле конских костей-пищи.

Для **Северного Кавказа** – неопределенные формы и размеры могильных ям; ориентировка коня, противоположная ориентировке человека; присутствие в могиле мела.

Для **бассейна Дона** – перекрытие, опирающееся на заплечики; могилы с суживающимися ко дну стенками;

Для **погребений Левобережной Украины** – подбойная могила со ступенькой у входа в подбой.

Для **погребений Правобережной Украины** – шкура коня (череп и кости ног), уложенная слева от человека (табл. 5).

Локальными признаками (т.е. признаками, имеющими повышенную тенденцию встречаемости в одних группах при отсутствии или пониженной тенденции в других) являются, фактически, большинство признаков обряда кочевников Золотой Орды. Тем не менее, среди них отчетливо выделяются признаки, которые могут трактоваться как этномаркирующие (табл.5).

Таблица 5.

Локальные (этномаркирующие) признаки погребального обряда кочевников Золотой Орды

	Значение признака	Локальные группы								
		Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междур.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток ВПС
Признаки частные по тенденции										
1	Камен. оградка									■
2	Оградка из сырцового кирпича									■
3	Стенки расширяющиеся						■			
4	Стенки сужающиеся									
5	Ступенька справа			■			■			
6	Подбой с уступом		■							
7	Перекрытие на заплечиках			■						
8	Склеп или заклад кирпичом						■			
9	Форма могилы не известна				■					
10	Череп и ноги коня слева	■								
11	Ориентировка коня противоположная				■					
12	Подстилка из коры									■
13	Кости лошади (пища)						■			
14	Мел в могиле				■					
Признаки локальные по тенденции										
15	Насыпь земляная	■	■	■	■	■	■	■	■	
16	Насыпь каменная			■					■	■
17	Земля вперемешку с камнем		■		■				■	

18	Каменная наброска над могилой		■		■				■	■
19	Каменное кольцо	■	■						■	■
20	Каменный «панцирь»				■				■	
21	Оградка из сырцового кирпича						■		■	■
22	Бескурганный		■	■			■	■		■
23	Кострище в насыпи			■			■	■	■	
24	Отдельные угли в насыпи					■	■	■		
25	Кости животных в насыпи		■	■		■	■	■	■	■
26	Ровик у основания насыпи		■	■		■	■	■	■	
27	Керамика в насыпи		■				■	■	■	
28	Дерев. констр. в насыпи							■		■
29	Два погребения		■	■	■		■	■	■	■
30	Погребения впускные	■	■	■	■	■				
31	Ступенька слева						■	■	■	
32	Ступеньки вдоль длинных стенок		■	■		■	■	■	■	
33	Подбой без уступа				■	■	■		■	
34	Подбой с уступом		■	■		■	■		■	
35	Перекрытие на засыпи		■		■	■	■	■	■	■
36	Перекрытие на заплечиках			■			■	■	■	■
37	Перекрытие на ступеньке						■	■	■	
38	Перекрыт подбой		■				■		■	
39	Могила обложена камнем				■					■
40	Форма могилы не известна	■	■	■	■			■	■	
41	Череп и ноги коня слева	■	■			■	■	■	■	
42	Череп и ноги коня на засыпи могилы		■		■		■			
43	Остов коня слева	■	■				■		■	
44	Остов коня на ступеньке			■			■		■	
45	Остов коня в отдельной яме	■	■				■			
46	Ориентировка коня совпадает с человеком	■	■	■		■	■	■	■	
47	Сбруя без коня	■	■	■		■	■		■	■
48	Ориентировка погребенного: запад	■	■	■	■	■	■	■	■	
49	восток	■		■	■	■	■	■		
50	север		■	■		■			■	■
51	юг						■		■	
52	Юго-запад				■	■	■		■	■
53	Северо-запад	■	■	■			■		■	■
54	Северо-восток		■	■	■	■		■	■	
55	В дощатом гробу	■	■	■	■		■	■		
56	В колоде	■	■				■	■	■	■
57	В раме из досок		■		■					■
58	Подстилка из коры			■		■	■	■	■	■

59	Подстилка травяная						■		■	
60	Кости овцы в могиле		■	■		■	■			■
61	Кости животного не определены					■	■	■	■	
62	Кости животных у головы		■	■		■	■	■	■	
63	Кости животных у ног человека					■	■	■	■	■
64	Кости животных в заполнении могилы		■	■	■	■	■		■	
65	Кости жив-х в других местах			■			■			
66	Угли в могиле							■	■	■
Признаки общие по тенденции										
67	Одно погребение	■	■	■	■	■	■	■	■	■
68	Могила простая	■	■	■	■	■	■	■	■	■
69	Вытянуто на спине	■	■	■	■	■	■	■	■	■
70	Руки вытянуты	■	■	■	■	■	■	■	■	■

Это захоронения под каменными насыпями – на востоке Великого Пояса Степей, в Южном Приуралье и на Дону; захоронения под каменно-земляными насыпями – в Южном Приуралье, на Северном Кавказе и Левобережной Украине; каменная наброска над могилой – на востоке ВПС, Южном Приуралье, Северном Кавказе и Левобережной Украине; каменное кольцо вокруг могилы – на востоке ВПС, в Южном Приуралье и на Украине; «каменный панцирь» - в Южном Приуралье и на Северном Кавказе; остов коня на ступеньке – в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и на Дону и т.д. (табл.5).

К категории *общие по тенденции* относятся признаки, вообще не несущие никакой этнокультурной информации: наличие курганов с одним погребением; захоронения в простой могильной яме; в позе на спине с вытянутыми вдоль тела руками (табл.5).

Как следует из табл.4 и 5, абсолютное большинство признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды (70 из 96) обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в той или иной из сравниваемых локальных групп. Это дает нам основание высчитать коэффициент типологического сходства между этими группами – C_2 – учитывающий признаки, одновременно присутствующие и отсутствующие на каждом из сравниваемых объектов (поскольку у нас таких «объектов»-групп 9, данный

коэффициент представляется наиболее уместным и конструктивным (Федоров-Давыдов, 1987, с.144-145). Упорядоченная таблица коэффициентов сходства погребального обряда локальных групп курганов кочевников Золотой Орды показывает, что они оказываются близкими именно в контексте их географической близости (табл.6).

Таблица 6.

Упорядоченная таблица коэффициентов формально-типологического сходства погребального обряда кочевников Золотой Орды (по условно-локальным группам)

	Прав.Укр	Лев.Укр	Дон	Сев.Кав	Вол/Дон междр	Ниж.Вол	Ср.Вол	Южн Урал	ВПС
Прав.Укр	-								
Лев.Укр	0,70	-							
Дон	0,65	0,67	-						
Сев.Кав	0,65	0,61	0,57	-					
Вол/Дон междр	0,64	0,67	0,70	0,63	-				
Ниж.Вол	0,47	0,58	0,58	0,33	0,63	-			
Ср.Вол	0,61	0,61	0,67	0,54	0,70	0,65	-		
Южн Урал	0,48	0,62	0,61	0,48	0,63	0,68	0,64	-	
ВПС	0,55	0,53	0,55	0,51	0,57	0,37	0,55	0,50	-

А именно: курганы Правобережной Украины типологически стоят наиболее близко к курганам Левобережной Украины, Северного Кавказа Дона, и Волго-Донского междуречья. Две последние из перечисленных групп, в свою очередь обнаруживают тесную типологическую связь с курганами Левобережной Украины, а также выстраиваются в замкнутый типологический блок с курганами Среднего Поволжья. Курганы Южного Приуралья обнаруживают типологическую близость с курганами Нижнего Поволжья. Граф типологического сходства сравниваемых групп (при критерии значимости (R) равном 0,95 и 0,90) представлен на рис.9. Его мы можем интерпретировать, исходя из данных этноархеологии и сведений средневековых нарративов.

Прежде всего, обращает на себя внимание слабое типологическое сходство курганов XIII-XIV вв., известных к востоку от Южного Урала, с

курганами этого региона и степей Восточной Европы в целом. И это уже дает нам основание исключить кочевников восточных территорий Великого пояса степей из этнокультурного пространства Золотой Орды. Это очень хорошо согласуется с концепцией этнокультурной истории Алтая в эпоху средневековья, предложенной А.А.Тишкиным, согласно которой « в XII в. Горный Алтай, а также некоторые соседние территории оказались захвачены продвинувшимися на запад монголоязычными племенами найманов. Предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование и на их смену приходят новые...Так или иначе, но имеющиеся немногочисленные археологические материалы демонстрируют приход и распространение в Горном Алтае новых групп людей, а затем и полное доминирование культуры кочевников из восточных районов Центральной Азии» (Тишкин, 2009, с.4).

Аналогичным образом, по-видимому, можно интерпретировать и факт некоторой типологической обособленности курганов XIII-XIV вв. в степях Северного Кавказа от синхронных памятников большинства локальных групп Восточной Европы (за исключением Правобережной Украины и Волго-Донского междуречья) (табл. 6). На мой взгляд, этот факт хорошо согласуется с концепцией И.А.Дружининой, В.Н.Чхаидзе и Е.И.Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского пограничья – черных клобуков – на Северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона (Дружинина и др., 2011, с.223).

Попытка установления коэффициентов корреляции признаков погребального обряда внутри сравниваемых локальных групп памятников четкой картины не дала. Отдельные признаки обряда обнаруживают повышенную корреляцию между собой внутри той или иной группы. Например, в Южном Приуралье: могила со ступенькой справа или слева от человека под каменной насыпью (Новый Кумак II, к.1), шкура коня, помещенная на надмогильное перекрытие под каменной насыпью (Жарсуат I,

к.1); в Среднем Поволжье: кирпичное сооружение и два одновременных погребения в насыпи (Зауморье, к.7); кости лошади в качестве остатков заупокойной пищи, уложенные у ног человека (Болгарское гор., погр.4); на Левобережной Украине: каменная оградка вокруг могилы под каменно-земляной насыпью (Полковое, к.3; Макеевка, к.5); кости животных в насыпи, перекрытой каменным «панцирем» (Пески, к.17 и 22) и др.²⁷

В относительно компактную группу по повышенной корреляции признаков обряда выделяется только серия погребений, совершенных под каменно-земляными курганами, в которых целый остов коня находится слева от человека на ступеньке: у пос.Большевик, к.1; Новый Кумак, к.14 и 35; Тлявгулово, к.1 – в Южном Приуралье; Нижне-Кундрючинская, к.2 – на Дону; Житенко, к.5 – на Левобережной Украине (рис. 10). В свое время автором этих строк, на материале курганов XIII-XIV вв. региона Урало-Поволжья было высказано предположение о том, что подобные «всаднические погребения» выступают в роли не этнического, а социального репера и указывают на имущественное положение погребенного или погребенной (Иванов, 2009, с.21-22). В целесообразности распространения этого предположения на всю территорию Восточноевропейских степей усомнились В.Н.Чхаидзе, И.А.Дружинина (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с.174). Возможно, коллеги правы и в масштабах всей территории Золотой Орды этническая составляющая «всаднических погребений» не должна игнорироваться. На это, во-первых, указывает отсутствие устойчивой корреляции таких признаков, как наличие в могиле целого остова (туши) коня и социально престижных предметов: сабли, доспехов, наборного пояса. Во-вторых, география «всаднических погребений» Золотой Орды показывает, что основных территорий локализации золотоордынских погребений с целым остовом коня (тушей) два: степи Южного Приуралья и Правобережной Украины (табл.7).

Таблица 7.

²⁷ Программа SPSS, функция «КОРРЕЛ – Корреляция Пирсона».

Локализация «всаднических» погребений кочевников Золотой Орды (в%%). В столбце «Всего погребений» в скобках указан нижний порог значимости для данной выборки

Признак	Локальные группы									Всего погребений
	Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междур.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток ВПС	
Целый остов коня	20,6	13,2	7,3	5,9	5,9	17,6	4,4	23,5	-	68 (5%)
Шкура коня (череп и кости ног)	7,2	9,0	4,5	9,0	11,7	24,3	18,0	13,5	-	111 (4%)
Сбруя без коня	6,6	8,8	12,1	4,0	11,0	14,7	8,4	17,3	17,1	272 (2%)

Районы локализации погребений с конской шкурой (череп и кости ног) – Поволжье – в общей сложности 42,3%.

В свое время В.А.Кригер и автор этих строк курганы XIII - XIV вв. в Южном Приуралье интерпретировали как кыпчакские. Причем, относительно погребений под земляными курганами отправным моментом здесь явилось их типологическая близость с синхронными погребениями Нижнего Поволжья – т.н. "быковской" и "царевской" групп, которые Г.А.Федоров-Давыдов определил как половецкие. Что касается погребений под "каменными" курганами, то и в этом случае авторы придерживались выводов предшественников – Г.А.Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой – которые появление в степях Восточной Европы каменных курганов и помещение в погребения целой туши коня также связывали с кыпчаками-половцами, пришедшими сюда из степей Восточного Казахстана (Иванов, Кригер, 1988, с.66-67). В последующем, по мере накопления археологического материала, другими исследователями были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности кочевников, оставивших в регионе погребения под "каменными курганами». Суть их сводится к тому, что среди этих племен преобладали кочевники тюрко-монгольского

происхождения: канглы, найманы, уйгуры и др. (Костюков, 2006а; 2010; Матюшко, 2008; Яминов, 2006).

Наиболее определенно по поводу роли и места собственно кыпчаков в этнической карте степей Южного Приуралья и Зауралья высказывался В.П.Костюков. Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной локализации «каменных курганов») в XIII - XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, "в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью" (Костюков, 2006а, с.200-235).

В том, что земляные и «каменные» курганы XIII - XIV вв. в степях Урало-Поволжья оставлены племенами, этнически не идентичными, сейчас уже сомневаться не приходится. И здесь я еще раз хочу подчеркнуть теперь уже свою приверженность выводу В.П.Костюкова, согласно которому в XIII-XIV вв. степи Южного Приуралья занимали кочевые племена, представленные в регионе погребениями, совершенными под каменными конструкциями, чья «жизнь до начала XIII в. была **целиком связана с центральноазиатским регионом и смежными с ним (среднеазиатскими) областями** (выделено мной – В.И.)» (Костюков, 2010, с.110). То есть, не потомками кыпчаков/половцев предшествующего, домонгольского периода! Данный вывод хорошо согласуется и с данными палеоантропологии Южного Урала. По результатам, полученным в свое время Р.М.Юсуповым, черепа из Линевских курганов (в западном Оренбуржье) и могильника Хабарный (в восточном Оренбуржье) входят в разные краниологические кластеры. Что, по мнению исследователя, свидетельствует о региональном различии сравниваемых серий (Бермишева и др., 2011, с. 106-116). То есть, кочевники XIII-XIV вв., оставившие погребения, формально хотя и включенные мной в одну условно-локальную группу – Южное Приуралье – но хоронившие своих умерших в типологически разных сооружениях (Линевский могильник –

земляные курганы, Хабарный – каменные выкладки над могилами) различались между собой и антропологически: «восточные кыпчаки»²⁸ были более монголоидны, «западные» – менее.

Антропологические различия кочевников Золотой Орды в Южном Приуралье прослеживаются даже в пределах одного могильника: по данным антрополога А.И.Нечвалоды, в могильнике Саралжин (р.Уил в Западном Казахстане) женщина – закаспийская «туркменка», мужчина – типичный монголоид (Нечвалода, 2015, с.31).

Аналогичным образом в могильнике на р.Урта-Буртя (левый приток р.Урал) в центральном Оренбуржье погребенный под земляным курганом №15 отличался большей европеоидностью среднеазиатского типа от погребенного в кургане №3 (каменная четырехугольная оградка вокруг могилы) – южносибирского монголоида²⁹.

Нечто подобное наблюдается и в краниологической серии золотоордынского периода из могильника Мустаево V в северо-западном Оренбуржье. Там под земляными курганами №5 и 11³⁰ были погребены мужчина и женщина европеоидно-монголоидного облика (Хохлов и др., 2005, с.106-107). То есть, есть достаточно оснований предполагать, что кочевники правого и левого крыльев Золотой Орды (Улуса Джучи) в этнокультурном плане различались друг от друга.

В этой связи предположение И.В.Матюшко о том, что «погребения под земляными насыпями с каменными выкладками-кольцами на древнем горизонте, очевидно, связаны с тюркским населением Дешт-и-Кыпчака...» (Матюшко, 2015, с.63) вызывает сомнение. Хотя захоронения под каменными конструкциями для рассматриваемого периода известны и к западу от Уральского региона: *курганы с каменной насыпью* представлены на Северном Кавказе (Псебайская II) (ОАК, 1897, с.134-135) и в бассейне Дона

²⁸ Как их называл Р.М.Юсупов.

²⁹ Исследования черепов из могильника Урта-Буртя были проведены Р.М.Юсуповым, но результаты их пока не опубликованы.

³⁰ Впрочем, там все курганы земляные.

(Черемшино) (Красильников, 2001, с.214-224); *захоронения под каменными выкладками* – в курганах Цаган-Эльсин (к.1), Три Брата II (к.28) – Волго-Донское междуречье (Рыков, 1936, с.154-156; Гарустович и др., 1998, с.167); Имение Борисово (к. 2 и 3), Сухая Балка – на Северном Кавказе (Нарожный, 2005, с.21-28); Рясные могилы (к.13 и 15) (Макаренко, 1911, с.93-112), у Разсыпного леса (к.8); Житенко (к.5), Шахтерск (к.8) – на Левобережной Украине (Евглевский, 1992); Дымовка (к.12), Коржевский (к.3) – на Правобережной Украине (Добролюбский, 1986, с.103); *захоронения внутри каменного кольца* – Высокая гора (к.2) – на Дону (Кравец и др., 2000); Мысхако – на Северном Кавказе; Рясные могилы (к. 10,14,16,17) (Макаренко, 1911, с.93-112), Новогригорьевка III (к.1,3,4,5), Марьянское (к.4), Николаевка (к.2), Токовские могилы (к.2) (Евглевский и др., 2008, с.199-214) – на Левобережной Украине; у Березовского лимана (к.26) – на Правобережной Украине (Добролюбский, Гребенников, 1991, с.224-239) (рис. 11).

Погребений, совершенных под курганами с каменными конструкциями в Южном Приуралье сейчас известно 97, а в степях, расположенных к западу от Волги – 87. Графики частоты встречаемости признаков погребального обряда в этих двух группах «каменных курганов» полностью совпадают (рис. 12). О чем это может свидетельствовать, кроме как о типологической идентичности «каменных курганов» на территориях, заселенных кочевниками Золотой Орды и об этнокультурном единстве оставившего их населения? Но эти захоронения синхронны. И количественно они значительно превосходят аналогичные погребения домонгольского периода (Иванов и др., 2014, табл.2). То есть, предположение И.В.Матюшко о том, что «смена способа захоронения коня, вероятно, была связана с перемещением в золотоордынское время тюркского населения из западных районов степей Евразии, так как погребения с целым остовом коня, расположенным на ступеньке слева от человека³¹, имеют аналогии в

³¹ Это 2,4% от общего количества половецких погребений домонгольского периода.

южнорусских степях и Поволжье...» (Матюшко, 2015, с.63), представляется несколько поспешным.

Результаты статистического анализа погребальных памятников кочевников Золотой Орды позволяют сделать следующие выводы:

Население степей, расположенных к востоку от Южного Приуралья, по имеющимся данным, в этнокультурное пространство Золотой Орды (Улуса Джучи) не входило, что вполне согласуется с историческими данными об улусной структуре Монгольской империи. И хотя историография вопроса огромна, напомним его основные «узлы».

Узел первый: наделяя своих сыновей улусами («Уделом иноземным каждого из вас я наделяю. Живите розно и владения приумножайте!» (Чингисиана, 2009, с.208)), Чингисхан именно Джучи предназначил во владение «Хорезм, Дешт-и-Кипчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади...» (Золотая Орда..., 2003, с.387-388; Лэн-Пуль, 2005, с.440).

Узел второй: степи Заволжья (междуречья Волги и Урала) в XII-начале XIII вв. представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кипчак (Половецкой Степи), поэтому события покорения кыпчаков монголами («степная вендетта» - по Р.Ю.Почекаеву (Почекаев, 2006, с.105-112)) происходили западнее Волги. Положение не меняет ни многократно воспроизводимый исследователями рассказ Рашида-ад-Дина о кыпчакском эмире («султане») Бачмане – представителе и предводителе приднепровских «бурчевичей-бурджоглы», которого Субэдэй просто вынудил метаться по всей восточноевропейской степи и в конце концов загнал в низовья Итиля, где и добил (Злыгостев, 2011, с.282). Ни легенда о «кыпчакском царстве» со столицей в «городе Тагура», извлеченная Р.П.Храпачевским из хроники Юань ши, составленной за «30 тысяч ли» от территории Урало-Поволжья (Храпачевский, 2013, с.27-41). Во-первых, археологических материалов, хотя бы косвенно подтверждающих эту легенду, в регионе просто нет. Во-вторых,

сам автор настолько некорректно ссылается на выводы исследователей-источниковедов, что придает их выводам совершенно противоположный смысл³². Так, в обоснование местоположения «страны ал-Куманийя» и их «главного города» в междуречье Урала и Волги Р.П.Храпачевский ссылается на И.Г.Коновалову (Храпачевский, 2013, с.29), которая, в свою очередь, проанализировав сведения ал-Идриси, приходит к выводу о том, что «сведения об облике двух городов «Зловонной земли хотя и несут на себе черты информации, свойственной отчетам путешественников и купцов, но **являются слишком общими, не позволяющими высказать какие-либо предположения о местонахождении этих городов** (выделено мной – В.И.)» (Коновалова, 2006, с.243). Точно так же, в интерпретации Р.П.Храпачевского, один арабский автор (Абу-л-Фида, первая треть XIV в.), дополнив другого автора (Ибн Саида, 70-80-е гг. XIII в.) сведениями о «стране Басджирт», дает, по его мнению, «сведения о расположении в Волго-Уральском междуречье, по соседству с землями башкир, мест кочевания кипчаков и их «главного города (точнее их зимовища) под названием Тагура на горе под таким же названием» (Храпачевский, 2013, с.30). И опять дается ссылка на И.Г.Коновалову, которая по этому поводу пишет о том, что в данном случае «в сообщении Ибн Са`ида о *басджиртах* не только нет ничего нового по сравнению с информацией ал-Идриси (сер. XII в. – В.И.), но и утрачено большинство деталей из рассказа последнего» (Коновалова, 2009, с.74).

Одним словом, рассуждения Р.П.Храпачевского о сложении в XI в. в степях между Уралом и Волгой «кипчакской орды», объединившей вокруг себя другие кочевые племена, есть дискурс. Составленный (без глубокого источниковедческого анализа) на пересказе более раннего нарратива – Юань ши, не более того.

Узел третий: выделение из состава улуса Джучи отдельного улуса его младшему сыну Шибану. Вопрос этот, на мой взгляд, вполне исчерпывающе

³² Следствие невнимательного прочтения первоисточников, в данном случае – исследований И.Г.Коноваловой.

освещен В.П.Костюковым и В.В.Трепавловым, поэтому здесь я ограничусь кратким изложением выводов исследователей, имеющих непосредственное отношение к контексту настоящей работы. Западная граница *Улуса Шибана* проходила по р.Урал, северная включала лесостепное Зауралье, восточная доходила до владений Тай-Буги с центром на Ишиме, южная включала Западное Приаралье, а также низовья рек Чу и Сарысу (Костюков, 2010, с.97-98; Трепавлов, 2010, с.32).

Население улуса Шибана составляли племена *найманов, карлуков, кушчи, буйраков* – все тюрко-монгольского, алтае-сибирского происхождения, но не кыпчакского (Костюков, 2010, с. 99-109). Последнее обстоятельство маркируется преимущественной локализацией погребений под каменными конструкциями именно на очерченной названными исследователями территории. Наличие погребений, совершенных под каменными конструкциями, к западу от Волги, по-видимому, может быть объяснено участием кочевников алтае-сибирского происхождения в походах Бату на Восточную Европу и далее на запад³³.

Используемая мною локально-территориальная группировка кочевнических погребений фактически совпадает с картой улусной системы Золотой Орды, разработанной предшественниками. В соответствии с древними монгольскими традициями территория Улуса Джучи делилась на две части/крыла – западное и восточное или правое и левое соответственно. Г.Н.Гарустович с соавторами и В.В.Трепавлов границу между этими крыльями проводят по р.Урал (Гарустович и др., 1998, с.278; Трепавлов, 2010, с.16). Что, как мы могли убедиться, подтверждается показателями формально-типологического сходства погребальных памятников Восточноевропейских и Центральноазиатских степей (табл.6 и рис.9). По данным письменных источников, левое крыло составляли улусы Орду-эджена и Шибана³⁴, граница между которыми, очевидно, проходила по

³³ В котором, кстати, Шибан принимал самое активное участие (Костюков, 2010, с.83-84.).

³⁴ Соответственно – старший и младший братья Бату.

низовьям рек Чу и Сарысу в современном южном Казахстане. Соответственно, и заселены они были племенами центральноазиатского (тюрко-монгольского) происхождения. Особенно в этом отношении наглядной является морфология погребальных памятников Алтая и Средней Азии, благодаря которой кочевнические погребения этих территорий выпадают из общей схемы типологических связей кочевнических погребений Золотой Орды.

Что касается погребений с территории улуса Шибана, обнаруживающих типологическое сходство при высоком критерии значимости ($R=0,9-0,95$) с погребениями Поволжья и Волго-Донского междуречья (табл.6 и рис.9), то здесь, во-первых, не следует забывать о том, что улусная система сама по себе не предполагала сохранения этнотерриториальных норм. Во-вторых, сам по себе процесс выделения улуса Шибана был довольно драматичен: Бату выделил, Береке отобрал, Менгу-Тимур вновь вернул (Костюков, 2010, с.85). То есть, окончательное оформление территорий улуса Шибана происходило уже в то время, когда административно-территориальное деление Улуса Джучи в общем и целом было сформировано – выделили, «отрезав» по куску от владений двух братьев – Бату и Орду-эджена.

Итак, в XIV в. граница между левым (улус Шибана) и правым крыльями Золотой Орды проходила по р.Урал, по берегам которой в середине XIII в. располагались улусы двух темников, чьи имена до нас не дошли (Плано Карпини, 1957, с.70). В.В.Трепавлов считает, что в XIV в. бассейн р.Урал (в данном случае речь идет о его среднем и нижнем течении) мог являться «яблоком раздора» между потомками Орду-эджена, Шибана и Туга-Тимура³⁵ (Трепавлов, 2010, с.31). Некую ясность здесь пытается внести А.И.Ракушин, помещая к западу от р.Урал территорию *Мангытского улуса*, который, если судить по составленной исследователем карте, занимал территорию между западной излучиной р.Урал, Самарской Лукой и низовьями Узеней

³⁵ Последние, похоже вообще были обделены при разделе отцовского (Джучи) улуса (Юдин, 1992).

(Ракушин, 2006, рис.4). По достоинству оценивая конструктивизм авторского подхода к теме – попытка компенсировать отсутствие соответствующих нарративов данными археологии – тем не менее, выскажу некоторые замечания по выводам исследователя. Прежде всего, обратившись к составленной А.И.Ракушиным карте, мы убеждаемся в том, что в число памятников Мангытского улуса включены погребения, как заведомо языческие, так и а priori мусульманские. Первые содержат вещи, а некоторые – оз.Раим, к.4; Кировский III, к.5; Кара-Оба, к.6 – и конские захоронения. Количественно они составляют чуть более половины рассматриваемых памятников (13 из 25) и располагаются как в северной части предполагаемого улуса – на территории между Самарской Лукой – р.Самарой – верховьями Узеней, так и в южной – в низовьях Узеней. Вторые не содержат вещей, а потому представляются как бы поздними, уже мусульманскими. Располагаются они примерно так же: из 12-ти 7 – в северной части, 5 – в южной.

А.И.Ракушин полагает, что Мангытский улус возник в степях между Волгой и Уралом в конце XIV в., как следствие демографического кризиса (переизбытка населения) среди кочевников Золотой Орды (Ракушин, 2006, с. 223). Тут трудно сказать что-либо pro или contra, кроме, пожалуй, одного: непонятно, почему автор так уверен в монгольской этнической принадлежности волго-уральских «мангытов», если признаки погребального обряда, которые он относит насчет монголов – северная ориентировка погребенных, деревянные или берестяные перекрытия (Там же, с.225) – даже среди и без того немногочисленных «мангытских» погребений (23 комплекса) представлены единичными случаями: северная ориентировка – оз.Раим, к.7; перекрытие могилы деревом – Пугачев, Зеленый, к.2, Мокринский, к.11 и 12. О наличии конских захоронений³⁶ было сказано выше.

³⁶ Отсутствие которых А.И.Ракушин также считает монгольским признаком.

Таким образом, археологические материалы, которыми мы располагаем на сегодняшний день (а отсутствие письменных отмечено самим А.И.Ракушиным (Там же, с.223-224)) пока заставляют нас воспринимать «Мангытский улус» не более чем как авторскую гипотезу.

Далее на запад, вдоль волжского левобережья, по мнению исследователя, находился улус *Бату*, население которого летовало (ййяляу) по берегам рек Большой и Малый Караман, Торгун, Еруслан и Соленая Куба, а зимовало (кышлак) на узкой полосе побережья Ахтубы от Верхнеахтубинского до Царевского городища» (Ракушин, 2006, с.222). Здесь автор отчетливо совмещает нарратив (Г.Рубрук) с археологическими данными, опираясь на фразу европейского путешественника о том, что « в том месте, где мы (Рубрук и его спутники – В.И.) остановились на берегу Этилии, есть новый поселок, который Татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается летом, а он уже начинал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться» (Путешествия ..., 1957, с.118).

В принципе, это сообщение очень сложно критиковать³⁷, поскольку оно относится к конкретному времени и месту. Смущает только, с одной стороны, то, что улус Бату получается каким-то маленьким – расстояние между обозначенными А.И.Ракушиным летниками и зимниками – 350 км – но с другой, он находился на наиболее продуктивных территориях степного Заволжья. Да и вообще, зачем Бату – создателю и верховному владыке Золотой Орды – нужны были большие пространства для собственного кочевания?

Если судить по типологии погребальных памятников, то кочевое население улуса Бату было преимущественно кыпчакским.

³⁷ В смысле – анализировать с точки зрения исторического источниковедения.

Трудно принять безоговорочно предлагаемую А.И.Ракушиным картографию улусов *Сартака и Берке*, из которых первый включал в себя степи Волго-Донского междуречья, второй – степи Северного Кавказа. Это – по письменным источникам. По А.И.Ракушину получается, что улус Берке – это Ергени между современным Цимлянским водохранилищем и р.Маныч, а улус Сартака – это впадина между Приволжской и Калачской возвышенностями, по которой протекают рр.Иловля, Медведица и Хопёр, и северная часть Сарпинской низменности на волжском правом берегу (Ракушин, 2006, рис. 1 и 2). Здесь, прежде всего, нужно понять, к какому времени исследователь относит предлагаемое им выделение поволжских улусов. Если для XIII в., то возникает вопрос об улусе Картана – зятя Бату, который – по Плано Карпини – кочевал у реки Дон. Где он кочевал, Плано Карпини, естественно, точно не указывает, но если руководствоваться картой маршрута европейского путешественника, составленной Н.П.Шастиной, то это были низовья Дона (Путешествия..., 1957, карта-вставка). То есть, территории, близлежащие к Цимлянскому водохранилищу, на которых по рекам Дон и Сал нам, кроме обозначенных на карте А.И.Ракушина могильников Семенкин и Каменная Балка, известны еще и такие кочевнические курганы рассматриваемого времени, как Дугино Х, Кулешовка, Первомайский VII, Столетовская и др.

Г.Рубрук, через семь лет проезжавший по степям между Доном и Волгой, ни о каком Картане уже не упоминает. Почему – это историческая загадка, разрешить которую едва ли удастся. Что же касается маршрута европейского путешественника, на карте В.Н.Казина – Н.П.Шастиной (Путешествия... карта-вставка) проведенного от р.Дон на северо-запад, к месту, где позже появляется город Укек³⁸ (первое упоминание о котором датируется 1262 г (Блохин, Яворская, 2006, с.122)), то из его описания, данного самим Г.Рубруком, в пользу карты А.И.Ракушина свидетельствует упоминание о лесах и реках «за Танаидом» и об огромных лесах к северу, в

³⁸ По карте В.Н.Казина – Н.П.Шастиной (Путешествия... карта-вставка).

которых живут подвластные монголам племена «Моксель» и «Мердас» - мордва. Против – упоминание о расположенных южнее «величайших горах» с проживающими на них Аланами, Асами, Черкисами и Лесгами (Путешествия..., с.110-111). Ясно, что одновременно созерцать эти ландшафты Рубрук не мог, следовательно, либо в данном отрывке собраны все сведения, которые путешественник и наблюдал сам, и получал из вторых рук, либо совмещены разные по времени события: поездка «туда» и «обратно», которая осуществлялась разными маршрутами. На мысль о последнем наводят результаты исследований Д.В.Васильева, согласно которым обратный маршрут путешествия Г.Рубрука проходил уже южнее – по широте современной Астрахани (Васильев, 2011).

В любом случае, практический опыт показывает, что автоматическое калькирование сведений средневековых нарративов зачастую не столько проясняет, сколько усложняет понимание археологического материала. В нашем же случае логика последнего подсказывает, что улус Сартака – это степи в треугольнике Волга – Дон – Маныч, а улус Берке – степи Северного Кавказа: Восточное Приазовье, Кубань, поскольку во времена Рубрука его «пастбища» находились «в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции» (Путешествия..., с.117). То есть, курганы XIII-XIV вв. по р.Маныч, на карте А.И.Ракушина обозначающие южную границу улуса Берке, на деле, вероятнее всего, обозначают южную границу улуса Сартака³⁹.

По результатам сравнительно-статистического анализа погребений кочевников Золотой Орды можно сделать следующие выводы. Во-первых, кочевая степь этого государства представляла собой полиэтничное образование. Это не открытие, а КОНСТАТАЦИЯ. Среди населявших ее этносов, даже по чисто формальным морфологическим признакам, в степях Восточной Европы преобладали кыпчаки. То есть, на вопрос, в свое время заданный В.П.Костюковым: была ли Золотая Орда «Кыпчакским ханством»

³⁹ Хотя на практике все эти границы были весьма условными и иллюзорными.

(Костюков, 2006а), ответ можно дать однозначный – была. Естественно, в ее составе находились и другие, не кыпчакские, кочевники, своим происхождением связанные с тюрко-монгольской этнической средой Центральной Азии. Как они назывались – имеющийся археологический материал ответа на этот вопрос пока не дает. Общим их признаком являются надмогильные сооружения с каменными конструкциями, могильные ямы с подбоем, перекрытым деревом, размещение целой туши коня на ступеньке. Их концентрация в левом крыле Золотой Орды – Улусе Шибана – дает основание надеяться, что когда-нибудь, по мере накопления археологических данных по кочевническим памятникам Казахстана и юга Сибири, появится возможность их более детальной этнической идентификации.

Во-вторых, география кочевнических курганов Золотой Орды вносит дополнительный штрих в установление границ этого государства, прежде всего – северных. Совершенно очевидно, что это была Степь, Степь и еще раз Степь. Безусловно, имелись золотоордынские города за пределами степной зоны – Мохши, Булгар, Алабуга – но этнический состав этих (как, впрочем, и других) городов Золотой Орды – тема специального исследования. Отдельные кочевнические погребения XIII-XIV вв., известные за пределами степи – Юрьев-Польской, Балымерские – своим появлением на столь удаленных от степи территориях обязаны, по-видимому, не столько этнокультурным, сколько этнополитическим факторам: участие в посольстве, переход на службу, обслуживание ямов или караванных путей и т.п.

И наконец, установление этногеографических границ золотоордынской кочевой степи вносит дополнительный штрих в понимание места и статуса «Башкирского улуса» в административной системе Золотой Орды. Отсутствие на территории расселения башкирских племен в XIII-XIV вв. – юрматы, бурзян, усерган, тангаур, кудей, дуван и др. (Кузеев, 1974, карты) – кочевнических памятников, типологически близких к степным памятникам Золотой Орды и краниологическое отличие башкир от золотоордынских кочевников рассматриваемого времени (Юсупов, 2002) вполне определенно

указывают на то, что территория Башкирии находилась на периферии этого государства. Ее население, находившееся вне сфер городской и кочевнической культур Золотой Орды, очевидно, по аналогии с русскими и мордвой, находилось в таких отношениях с центральной ордынской властью, которые не способствовали интеграции башкир в этнокультурное пространство этого государства.

Глава 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ И ЕЕ МЕСТО В «ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Среди многочисленных работ Ю.А.Зеленева – одного из ведущих современных исследователей и организаторов исследований по археологии и истории Золотой Орды – посвященных золотоордынской тематике, выделяются несколько, которые с полным основанием можно считать программными для изучения этой темы. В первую очередь это опубликованная в 2007 году статья «Формирование основ материальной культуры Золотой Орды» (Зеленев, 2007, с.164-170) и написанный на ее основе раздел в монографии «Золотоордынский город Сарай ал-Джедид» (Зеленев, Курочкина, 2009, с.229-237). В обоих этих исследованиях автор на обширном археологическом материале показывает, во-первых, надэтнический характер материальной культуры Золотой Орды, во-вторых, обозначает вектор ее распространения: город → степь, в-третьих, отмечает особую роль ислама, как фактора, обусловившего формирование единой городской, а затем и степной культуры Золотой Орды.

Я не нахожу ни повода, ни возможности, а следовательно – ни смысла подвергать сомнению эти положения, имеющие, на мой взгляд, методологическое значение для изучения истории культуры Золотой Орды. Хотя хочу обратить внимание читателей и заинтересованных в золотоордынской тематике исследователей на то обстоятельство, что в своих исследованиях Ю.А.Зеленев при изложении процесса формирования материальной культуры Золотой Орды не пользуется определением «имперская». В последние годы в золотоордынской историографии данное определение становится едва ли не аксиоматическим (Крамаровский, 2009, с.578).

Сам автор этих строк с понятием «имперская культура Золотой Орды» впервые познакомился в книге Д.М.Исхакова и И.Л.Измайлова, посвященной этнополитической истории татар: «Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов,

входивших в состав государства, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. **Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована** (выделено мной – В.И.). Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, *«культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии»* (Исхаков, Измайлов, 2007, с.107).

Последняя фраза из приведенной цитаты, выделенная мною курсивом, представляет собой цитату из книги Г.А.Федорова-Давыдова «Искусство кочевников и Золотой Орды», которая в полном виде звучит так: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается **совершенно чуждаяномадам** (выделено мной – В.И.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи** (выделено мной – В.И.)» (Федоров-Давыдов, 1976, с.118). То есть, сам Г.А.Федоров-Давыдов, «имперской» культуру золотоордынских городов не считал и вообще рассматривал ее как явление, говоря современным языком, для степей Восточной Европы «эксклюзивное», не имеющее ни корней, ни

продолжения. Следовательно, вопрос о содержании материальной культуры кочевников Золотой Орды, впервые детально рассмотренный в классическом исследовании Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, Гл. II), а затем получивший дальнейшее развитие (применительно к кочевникам Южного Приуралья) в работе В.А.Кригера и автора этих строк (Иванов, Кригер, 1988, с.7-24), сам по себе, актуальности не утратил. В первую очередь – в контексте ее места в т.н. «имперской культуре» этого государства.

Из имеющейся в моем распоряжении источниковой базы по кочевническим погребениям Золотой Орды (1179 погребений) следует, что погребения, в которых сопровождающие погребенного вещи, представленные в том или ином количестве, ассортименте и сочетаниях, найдены в 91,4% погребений. Они разделяются на следующие категории:

- *Принадлежности конской сбруи* (стремена, удила, детали седла, украшения узды);
- *Оружие* (наконечники стрел, обкладки лука, колчан и его детали, сабля, наконечник копья, доспех (шлем, кольчуга или панцирь));
- *Украшения и детали костюма* (пояс, серьги-подвески, перстни, браслеты, бусы, головной убор-бокка, зеркало⁴⁰);
- *Бытовые предметы* (нож, кресало, оселок, ножницы, пряслице, гребень, шило, поясная сумка, амулет, металлический сосуд, монеты⁴¹).

Суммарная характеристика частоты встречаемости тех или иных категорий вещей в погребениях кочевников Золотой Орды представлена в гистограммах на рис. 14. В общем – это унифицированный, традиционный для кочевых сообществ набор вещей, в котором преобладают удила и

⁴⁰ Последний предмет, учитывая их, зеркал, вычурный декор я также отнес к категории «украшения и детали костюма».

⁴¹ Отнесение амулетов, металлических сосудов и монет к категории «бытовые предметы» также условно, поскольку по своей семантике они больше относятся к ритуальным предметам. Но поскольку ими пользовались и в быту при жизни, такой допуск представляется оправданным.

стремена, наконечники стрел и берестяные колчаны, нож, кресало, ножницы, металлический сосуд, из украшений – зеркало, бусы, поясные пряжки, серьги-подвески в виде знака вопроса и кольца, детали головного убора – бокка («богтаг»).

Заниматься оружиеведением Золотой Орды после исследований М.В.Горелика на эту тему – занятие неблагодарное и в чем-то, даже наивное. Вместе с тем, следует иметь в виду, что в своих исследованиях ученый опирался в основном на средневековую восточную иконографию и музейные коллекции, обращаясь к археологическим источникам, главным образом, как к иллюстративному материалу. Поэтому в своих исследованиях М.В.Горелик оперировал в основном такими номинациями, как «монгольское вооружение» или «вооружение воинов Золотой Орды», не разделяя его на городскую и степную кочевническую «паноплии». Последняя в работах ученого присутствует, но, как правило, в виде иллюстративных реконструкций комплекса вооружения и облика конкретных воинов-кочевников. Далее я попытаюсь дополнить выводы М.В.Горелика результатами своих наблюдений именно в контексте археологического источниковедения оружия кочевников Золотой Орды.

На основании анализа комплекса источников, состоящего из: 1) археологических - находок подлинных предметов в погребениях золотоордынского времени (Горелик, 2011, с.245-258); 2) письменных – персидские русские тексты – восходящих к этому же времени; 3) изобразительных – персидские миниатюры; 4) музейных – из старых хранилищ оружия (Горелик, 1983), исследователь дает в буквальном смысле слова энциклопедическую характеристику комплекса золотоордынского воина, характерной чертой которого, по определению исследователя, являлось единство вооружения. Сам М.В.Горелик обуславливал это тем, что «на территориях Золотой Орды, а также западной части Чжагатайского улуса (Средняя Азия) и даже на северных территориях Хулагуидского Ирана — землях, где правили чингизиды, ставшие мусульманами, — сложилась

единая органичная субкультура (выделено мной – В.И.), частью которой было вооружение, воинский костюм и снаряжение» (Горелик, 2007). Культура, которую автор определяет как «общеимперская» (Горелик, 2009, с. 450).

Основными видами оружия золотоордынских воинов были: лук со стрелами; колчан — длинный узкий берестяной короб, где стрелы лежали остриями вверх (этого типа колчаны богато украшали покрытыми сложными резными узорами костяными пластинами), либо **плоская длинная кожаная сумка, в которой стрелы вставлялись оперением вверх** (выделено мной – В.И.)⁴²; копье; мечи и сабли; кистень или булава; боевые топоры (по М.В.Горелику – региональное оружие Булгарского улуса); оборонительное вооружение – шлемы панцири, наручи, поножи, ожерелья, щиты. «Столь же любим ордынцами был ламелярный доспех — исконная броня Центральной Азии (по-монгольски «хуяг»))» (Горелик, 2007).

Все эти предметы были либо металлическими целиком, либо имели металлическую рабочую часть, что предполагает их, если не сохранение, то четко обозначенное присутствие в археологических комплексах кочевого населения Золотой Орды, наиболее долго, в отличие от городского населения, придерживавшегося традиций тюрко-монгольского язычества. Последнее же подразумевает отражение в погребальном обряде социального статуса индивида, включая и его место в воинской иерархии Золотой Орды.

Из **случайной** выборки кочевнических погребений Золотой Орды⁴³ мы выбираем **полную** для нее выборку погребений, содержащих предметы вооружения либо в виде единичного артефакта, либо в виде комплексов. Их 382 погребения или 32,4% от всех учтенных погребений рассматриваемого периода. Подобная выборка позволяет установить нижний порог значимости того или иного признака = 1,0%.

⁴² То, что в описаниях авторов раскопок кочевнических погребений XIII-XIV вв. определяется как «кожаный колчан».

⁴³ А это – источниковая база, которой мы оперируем в настоящей работе.

По количеству помещенных видов оружия рассматриваемые погребения распределяются следующим образом (табл.9):

Таблица 9.

**Таблица распределения предметов вооружения в погребениях кочевников
Золотой Орды⁴⁴**

	Оружие	Кол-во погребений	%
Предметы только одного вида			
	Только доспех (кольчуга, панцирь)	2	0,52
	Доспех+шлем	1	0,26
	Топор	2	0,52
	Копье	5	1,3
	Сабля	11	2,8
	Колчан	33	8,6
	Костяные накладки лука	2	0,52
	Наконечники стрел	115	30,1
Комплексы предметов			
	Стрелы + колчан	153	40,0
0	Накладки лука+колчан+стрелы	9	2,3
1	Наконечники стрел+сабля	13	3,4
2	Наконечники стрел + копье	14	3,6
2	Доспех+шлем+стрелы+колчан	6	1,5
3	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+ сабля	2	0,52
4	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+копье	2	0,52
5	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+колчан+топор	1	0,26
6	Доспех+стрелы+колчан+сабля	4	1,04
7	Доспех+шлем+сабля	3	1,2
8	Доспех+након. стрел+сабля	4	1,04
Всего:		382	100

Частота встречаемости погребений, содержащих какой-то один предмет, и содержащих несколько предметов (комплексы), несколько различается: вторые преобладают – 44,6% и 55,4% соответственно. Но, в целом, очевидно, что колчан со стрелами (1-5 наконечников) был едва ли не обязательным

⁴⁴ Полужирным курсивом выделены признаки, значимые для имеющейся выборки.

элементом погребального инвентаря кочевников Золотой Орды (в общей сложности 83% погребений с оружием). Еще 8,6% погребений содержит только берестяной колчан, очевидно, как символ воина-лучника.

География погребений, содержащих комплексы предметов вооружения⁴⁵, никакой закономерности в их распространении по золотоордынской степи не обнаруживает. За исключением, пожалуй, только одной – большинство погребений с полным набором вооружения – доспех, сабля, лук, колчан со стрелами – локализируются в степях Северного Кавказа (рис. 16.).

Аналогичную картину демонстрирует география такого безусловно элитарного воинского комплекса, как шлем, доспех и сабля, и, пусть не совсем элитарного, но и не ординарного предмета, как колчан, украшенный резными костяными накладками (рис. 15.). Здесь, пожалуй, опять-таки обращает на себя внимание скопление погребений с саблей, шлемом и доспехом (кольчугой) в степях Северного Кавказа и концентрация погребений с колчанными накладками в верховьях Ахтубы. Последний факт может быть объяснен близостью золотоордынских городов – Сарай-Бату, Сарай-Берке и др. – центров ремесла и торговли.

Для выяснения степени взаимовстречаемости предметов вооружения была проведена их парная корреляция (программа Excel, функция КОРРЕЛ), куда также были включены и такие признаки, как присутствие в могиле скелета (туша) или черепа и костей ног (шкура) (табл.10). Наиболее высокое значение коэффициента взаимовстречаемости обнаруживают следующие признаки: наличие в могиле конской сбруи без коня, железные наконечники стрел и берестяной колчан (соответственно, $Q = 0,320$ и $0,284$); железные наконечники стрел и берестяной колчан ($Q = 0,532$); шлем и доспех (кольчуга или «хуяг») ($Q = 0,590$); берестяной колчан и костяные накладки на нем ($Q =$

⁴⁵ Погребения, в которых найдены только наконечники стрел (115 погр.) или наконечники стрел и колчан (153 погр.), распространены повсеместно, а будучи нанесенными на карту они просто сделают ее не читабельной.

Представленные в виде графа эти значения четко обозначают два замкнутых блока: 1 – *шлем, доспех, сабля*; 2 – *железные наконечники стрел, берестяной колчан, колчаные накладки, наличие конской сбруи без коня* (рис.13). География этих блоков представляется следующей: из 16-ти погребений (4,3% от всех погребений с оружием), содержащих входящие в

Значения коэффициентов взаимовстречаемости (Q) предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды

9	10	11	12	13	14	15	16
-							
-0,03	-						
0,375	0,098	-					
0,018	0,119	0,102	-				
0,091	0,084	0,017	0,031	-			
0,019	0,003	-0,01	-0,01	-0,0	-		
0,102	-0,00	0,036	0,299	0,04	0,03	-	
0,103	0,084	0,083	0,371	0,11	0,10	0,59	-

84

кожаный; 11 – Костяные колчаные накладки; 12 – Сабля; 13 – Наконечник копья; 14 – Топор; 15 – Шлем; 16 – Доспех (кольчуга, панцирь).

первый блок предметы вооружения, девять обнаружены в степях Северного Кавказа (Лосево, Старонижестеблиевка, Курчанская, Прикалаусские высоты, Новокорсунская, Останний, Пилипенковский I, Греки III). Остальные рассеяны по всей территории распространения курганов кочевников Золотой Орды от Южного Зауралья (Озерновский III) до Южного Буга (Плоское) (рис. 15 и 16).

Такой признак обряда, как наличие в могиле шкуры (череп и кости ног) или туши (полный скелет) коня дают коэффициент взаимовстречаемости с предметами вооружения либо отрицательный, либо небольшой. Данный факт вроде бы «работает» в пользу сдержанного отношения исследователей к попыткам автора этих строк распространить, сделанный им по результатам анализа погребений золотоордынского времени в степях Урало-Поволжья, вывод о том, что «всаднические погребения» Приуральского региона эпохи Золотой Орды позволяют нам обозначить несколько уровней в имущественной и социальной иерархии кочевого золотоордынского общества, отраженных в археологическом материале», полученный по результатам анализа погребальных комплексов степей Урало-Поволжья (Иванов, 2009, с.22), на всю территорию Золотой Орды (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с.174). Хотя в кочевнических погребениях золотоордынского времени указанного региона некоторая связь между типами «всаднических погребений» и вооружением прослеживается. Так, шкура коня (череп и кости ног), уложенная справа от человека, обнаруживает связь с костяными обкладками лука ($Q=0,277$), а конская сбруя в могиле (без коня) – с железными наконечниками стрел и берестяным колчаном (соответственно, $Q=0,289$ и $0,254$) (табл.11). То есть, контингент всадников-нукеров археологически здесь все-таки улавливается. Тем более, что по частоте встречаемости погребения, содержащие только предметы сбруи, составляют 18,2% всех золотоордынских кочевнических погребений

коэффициента парной корреляции Пирсона показывает, что его значение варьируется в диапазоне 0,098 – 0,578⁴⁷. Используя формулу Стерджесса, мы получаем оптимальный интервал значений корреляции (Федоров-Давыдов, 1987, с.27), в нашем случае равный 0,06 при 164 парных корреляциях в указанном выше диапазоне значений. Получаем восемь корреляционных рангов, из которых реально для анализируемой выборки проявляются пять:

Ранг I = 0,098-0,158;

Ранг II = 0,159-0,219;

Ранг III = 0,220-0,280;

Ранг IV = 0,281-0,341;

Ранг V = 0,403-0,585⁴⁸.

Граф на рис. 13 показывает, что по значениям корреляции Пирсона отчетливо выделяется два комплекса погребального инвентаря – мужской и женский. К первому относятся предметы вооружения, конской сбруи и бытового инвентаря (нож и кресало), ко второму – украшения, детали костюма (бокка), а из бытовых предметов – гребень и ножницы. Все они объединены корреляционными связями на уровне V – II рангов. Среди них выделяются предметы, обнаруживающие наиболее тесную корреляцию между собой: удила и стремяна ($Q = 0,441$); железные наконечники стрел и берестяной колчан ($Q = 0,533$); панцирь (кольчуга) и шлем ($Q = 0,579$); зеркало и ножницы ($Q = 0,371$) (рис. 12). Попытка графически отобразить направления корреляций на уровне ранга I, показала ее нецелесообразность, поскольку, на примере женских комплексов, этот ранг объединяет практически все вещи.

Обращает на себя внимание тот факт, что и среди всей массы предметов погребального инвентаря такие социально знаковые предметы вооружения, как доспех, шлем и сабля выделяются в особый корреляционный блок, дополненный еще и корреляцией «шлем – поясной набор» (Ахтырский лиман

⁴⁷ Значения ниже 0,098 мною не учитывались, поскольку они охватывают практически все вещи, найденные в погребениях.

⁴⁸ Промежуточных рангов в диапазоне) 0,342-0,402; 0,403-0,463 и 0,464-0,524 просто не выявлено.

I; Высокая гора, к.2; Олень-Колодезь, к.7). Это еще раз подчеркивает «статусность» этих предметов.

Предваряя вопрос заинтересованных читателей, сразу считаю необходимым отметить, что ничего сенсационного анализ комплекса вооружения золотоордынских кочевников, на материале имеющейся выборки, не дает. Практически все из известных предметов вооружения укладываются в типологию, разработанную в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1966, гл.2). Абсолютно преобладающим видом оружия, встречающегося в кочевнических погребениях, являются железные наконечники стрел (84,5% от всех погребений с оружием – табл.9). Количество их – от 1 до 10 – конечно, было чисто символическим и никак не соответствовало уставу армии Чингисхана, предписывавшему каждому воину иметь два лука и два колчана с 30-ю стрелами в каждом (Вернадский, 2001, с.118; Храпачевский, 2004, с.188). На примере кочевнических комплексов Урало-Поволжского региона, где сейчас локализуются свыше 50% вообще всех известных кочевнических погребений XIII-XIV вв. (см. гл.1) и 37,7% от всех погребений с оружием, можно убедиться в том, что абсолютное большинство погребений – 77% - содержат железные наконечники стрел характерных для рассматриваемой эпохи типов. Всего в кочевнических погребениях региона зафиксированы 148 наконечников стрел. Добавим к ним данные, приведенные С.А.Руденко (Руденко, 2003, приложения и каталог)⁴⁹, и получим следующую картину частоты встречаемости этого вида оружия:

ВII⁵⁰ - трехгранное в сечении перо (рис. 16, 2) — 2,7%;

ВIII — плоские листовидной формы (рис. 16, 5) – 9,2%;

ВIV — плоские ромбической формы (рис. 16, 6-8) — 8,1%;

ВV – плоские треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера — 4,5%;

⁴⁹ Это еще в общей сложности 36 наконечников интересующего нас времени, найденные в основном на поселениях. Условно будем считать, что они тоже кочевнические.

⁵⁰ Обозначения типов – по Г.А.Федорову-Давыдову.

BVI — двурогие стрелы (рис. 17, 9) — 3,2%;

BVII — треугольной формы, но в виде перевернутого основанием вверх треугольника, максимальная ширина приходится на режущую грань — 3,2%;

BVIII — прямоугольной формы, чуть суживающиеся к основанию — 2,1%;

BIX — в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 17, 19, 20) — 34,8%;

BX — аналогичный, но ударная грань слегка вогнута — 0,5%;

BXI — вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя -короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 17, 12-14, 21) — 17,4%;

BXIII — фигурные, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 17, 15-18) — 4,9%;

BXVI — полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 17, 10, 11) — 1,6%;

BXVII — треугольной формы с вогнутыми боковыми гранями, слегка расширяющимся основанием и уступом при переходе пера в черешок (рис. 17, 22-26) — 7,0%.

Аналогичную статистику встречаемости обнаруживают и комплексы кочевнических погребений золотоордынского времени на Дону (31 экз. — по В.В.Кравцу): BIV — 20%; BXI — 26,6%; BIII — 10%. Остальные типы представлены 1-2 экз. (Кравец, 2005, с.36).

Практически тот же самый типологический ассортимент железных наконечников стрел был распространен и у кочевников восточной части Великого пояса степей Евразии (восточных кыпчаков — по Ю.С.Худякову) (Худяков, 2012).

Обычно стрелы помещали в берестяные колчаны острием вверх, но иногда в могилах их находят без колчанов у ног или у черепа, или у таза погребенного. В одном погребении встречается не более пяти наконечников. Подобные стрелы использовались при скоростной бесприцельной стрельбе и

применялись для нанесения ран противнику, его коню, перерезывания тетивы лука у противника (Горелик, 1990, с. 157).

Костяные наконечники стрел (всего 8 экз.) найдены в восьми погребениях (4,5% от всех погребений с оружием):

тип IV — черешковые, листовидной формы и треугольного сечения (рис. 18, 3,4) — 6 экз.;

тип V — черешковый с треугольной головкой ромбического сечения (рис. 18, 8) — 1 экз.;

В погребениях костяные наконечники размещались так же, как и железные. Однако в к. 1 Тлявгуловского могильника черешковый костяной наконечник (рис. 18, 8) торчал вертикально возле головки бедра погребенного.

Назначение костяных наконечников, в контексте тогдашней тактики ведения боевых действий, не совсем понятно. Характерно, что найдены они в могильниках — Тлявгуловский, кург.1; Новый Кумак, к.11; Жарсуат, к.1; Каратугайская волость, к.4; Харьковка I, к.9; Давыдовка III, к.2; Свинуха (Лесное), к.5; Агаповский - расположенных в северных лесостепных районах Джучиева улуса, или прилегающих к лесостепи. А вообще, в общем контексте комплекса вооружения кочевников XIII-XIV вв., костяные наконечники стрел характерны для погребений Алтая: из 37 погребений, где они встречены, 17 — на Алтае (Бийск, Ближние Елбаны XIV, Ильинка, Кармацкий, Осинки, Усть-Алейка-Клуб, Тожон, Усть-Бийке-III). Ю.С.Худяков полагает, что стрелы с костяными наконечниками использовались как дополнение к стрелам с железным наконечником, которых при массовой стрельбе по противнику не всегда хватало (Худяков, 2009, с.174).

Стрелы помещались в берестяные колчаны, что можно проследить как по взаимокорреляции этих предметов ($Q = 0,509$ — табл.11), так и по частоте встречаемости колчанов в кочевнических погребениях (55,7% всех погребений с оружием). Из них в 46,6% действительно стрелы находились в

колчане, в остальных наконечников стрел найдено не было⁵¹. Колчаны представляют собой берестяной футляр трапецевидной формы с расширяющимся дном, длиной 70-80 см. Судя по нахождению наконечников стрел *in situ*, они в колчан помещались оперением вниз (рис. 18, 10-12).

Каждый третий из найденных в погребениях колчанов (32,7%) украшен костяными орнаментированными накладками с резным зооморфным, растительным или геометрическим орнаментом (рис. 18, 15, 16).

Естественно, что в могилы колчан со стрелами помещали вместе с луком. Во всяком случае, 4,3% рассматриваемых погребений содержат костяные обкладки лука, причем, только в пяти погребениях – Сайхин, к.3, Оз.Раим, Дымовка, Николаевка и Херсонский уезд – они найдены без наконечников стрел.

10,2% рассматриваемых погребений⁵² содержат сабли, из которых большинство (6,2%) содержали также и наконечники стрел. Сабли представляют собой простые изогнутые клинки с черешком для рукояти, отогнутым вперед, и простым перекрестием. Каких-либо «изысков» в виде украшений или дополнительных деталей сабель или ножен не обнаружено (рис.19). В погребениях сабли лежали справа или слева от погребенного, вдоль его бедра острием вниз.

Подробная типология сабель из средневековых кочевнических погребений Восточной Европы разработана А.В.Евглевским и Т.М.Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000). По результатам статистической корреляции типобразующих признаков (кривизна, пропорции клинка, форма перекрестия и навершия) исследователи выделили 26 типов кочевнических сабель⁵³, из которых 5 типов (в общей сложности – 46 экз.) относятся к периоду Золотой Орды. В обобщенном виде это – средне-

⁵¹ Тоже – символ воина.

⁵² Напомню – погребений, содержащих оружие.

⁵³ Источниковую базу их исследования составили 135 клинков из кочевнических погребений X-XIV вв.

и сильно изогнутые клинки⁵⁴, длиной от 80 до 121 и более см. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 125-129, 146-150).

Несмотря на использование «копейного удара», как распространенного тактического приема монгольской конницы (Горелик, 1990, с.159), наконечники копий обнаружены только в 21 из рассматриваемых погребений (5,4%). Сохранились они очень плохо, но в тех случаях, где сохранились, они представляют собой 3-гранную пику с несомкнутой конусообразной втулкой-раструбом (рис. 19, 5).

Доспехи в погребениях рассматриваемого периода найдены в 31 погребении (8,1%). Однако полный комплект доспехов, то есть шлем и панцирь (кольчуга) найдены только в 12-ти погребениях – Лебедевка II и III Озерновский, к.3; Балабинский, к.12; Вербовый Лог VIII, к.5; Прикалаусские высоты, к.10; Высокая Гора, к.2; Старонижестеблиевская I, к.4; Курчанская; Олень-Колодезь, к.7; Лосево, к.2; Лебеди VI, к.1; Останний, к.2.

Доспех – предмет знаковый, поэтому в большинстве своем обнаруженные в кочевнических погребениях доспехи опубликованы (Кригер, 1984, с.111; Кравец и др., 2000; Кравец, 2005; Чхаидзе, 2006; 2009; Чхаидзе, Дружинина, 2010; Дружинина и др., 2011 и др.).

Судя по описаниям исследователей и реконструкциям М.В.Горелика, доспехи (кольчуга) закрывали всю верхнюю часть тела до бедер. Что касается пластинчатых доспехов («хуяг/куяк»), то на них следует остановиться подробнее. Доспехи из кургана Лебедевка II полностью нигде не публиковались. Поэтому о панцире можно сказать только то (если судить по плану погребения), что он закрывал тело человека почти до колен. Шлем из указанного кургана публиковался неоднократно, но в ранних публикациях (Кригер, 1984; 2012, рис. 29, 7)) он опубликован неверно – показаны ребра жесткости, отсутствующие на шлеме, и не указано, что основание шишака шлема оформлено в виде цветка (рис. 20, 1).

⁵⁴ Высота дуги кривизны клинка = 2-5,9 и более см.

Защитный комплекс из кургана №3 Озерновского III могильника тоже уже был опубликован (Овсянников, 1990). Автор предлагает свою реконструкцию озерновского доспеха в виде своеобразной рубахи, прикрывавшей торс и бедра воина. В подобном виде озерновский доспех представлен в реконструкции художника О.Федорова «Монголы у стен Рязани», воспроизведенной на обложке журнала «Родина», 1997, №3-4.⁵⁵

Однако М.В.Горелик реконструирует данный доспех несколько по-иному – в виде кирасы, доходящей до талии, с двумя подвижными клапанами спереди, прикрывающими бедра и низ живота (рис. 20, 4).⁵⁶

Шлем из Озерновского III могильника имеет сферическую форму диаметром 20 см, высотой 19 см., с навершием, завершающимся подвижной полукруглой рамкой. Тулья шлема состоит из восьми кованых железных пластин, из которых четыре верхних – фигурной формы и усиливающее полукруглое ребро посередине. Верхние пластины склепаны с нижними железными заклепками. В нижней части пластины соединены железным обручем в передней части которого сделаны вырезы для глаз и наносник, от которого сохранилось только основание (рис. 20, 2).

В традиционном археологическом оружиеведении анализ ассортимента и типов предметов вооружения из погребений проводится с целью репрезентации войсковой структуры и боевой тактики древних племен, в нашем случае – кочевников Золотой Орды. В современной историографии, благодаря дошедшим до нас средневековым нарративам, тактика монгольского (ордынского) войска излагается в виде двух стадий или фаз: бой на дальней дистанции при помощи лука и стрел и последующий удар тяжелой кавалерии, включая и таранный удар конных копейщиков (Вернадский, 2001, с.123; Горелик, 1990, с.157-158; Измайлов, 2009, с.426-427; Худяков, 2009, с.178; Кушкумбаев, 2010, с.36).

⁵⁵ По требованию автора и редакции журнала «Родина» все рисунки не могут тиражироваться и воспроизводиться, поэтому отсылаем заинтересованного читателя к указанному изданию.

⁵⁶ <http://steppe.hobi.ru/materials/gorelic-20.shtml>.

Очевидно, к погребениям «застрельщиков» первой фазы условно можно отнести погребения, содержащие только наконечники стрел и колчан, составляющие, как было показано выше, абсолютное большинство воинских кочевнических погребений Золотой Орды. То, что это были конные лучники, подтверждается и относительно высоким корреляционным коэффициентом между наконечниками стрел и принадлежностями конской сбруи (без коня) в могиле ($Q = 0,289$ – табл.11). Это – единственная в настоящее время репрезентация боевой тактики рассматриваемого населения, имеющая свое эмпирическое отражение в археологическом материале.

Участники второй фазы боя – тяжелая конница, одетая в доспехи и вооруженная саблями, конные копейщики (таранный удар) – хотя и обозначены находками соответствующего вооружения в могилах, но только в виде отдельных предметов.

То есть, если подходить к археологическому материалу, как к аутентичному источнику по истории вооружения и военного дела Золотой Орды, то мы получаем довольно парадоксальную картину. Воины в металлических доспехах с саблями и луками (как на графических реконструкциях М.В.Горелика и О.Федорова) – профессионалы – *бахадур*ы, по определению А.К.Кушкумбаева – просто-напросто должны были бы затеряться среди массы конных лучников. То есть, в своей археологической репрезентации золотоордынское войско должно было бы выглядеть, как вооруженная луками и стрелами конная орда.

С одной стороны, в общепринятом нарративистском понимании, это – нонсенс. Но с другой стороны – а почему бы и нет?

Дело в том, что все современные реконструкции вооружения и тактики монгольского (читай – золотоордынского) боя строятся, как указывалось выше, на трех видах источников: средневековые нарративы⁵⁷, иранская, главным образом, иконография и археологические материалы. Именно на их основе созданы оружейведческие дискурсы и графические реконструкции

⁵⁷ Здесь «пальму первенства» устойчиво сохраняет Плано Карпини.

золотоордынского войска (Горелик, 2002, с.30; Измайлов, 2009, с.425-427; Храпачевский, 2004, с.197-200; Худяков, 2009, с.178; Кушкумбаев, 2010, с.36). Однако, если строго следовать нарративам (П.Карпини), то картина получается следующая: **все воины** «должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия...». Сабли, шлем и латы имеют **только богатые**, а копыя – **некоторые** (Путешествия..., 1957, с.50-51). В контактный бой, где как раз нужны сабли, кинжалы, копыя, топоры, палицы и кистени⁵⁸, монголы вступали неохотно, предпочитая бой дистанционный: «Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» (Путешествия..., 1957, с.53)⁵⁹.

Аналогично описывал тактику боя монголов и Марко Поло: «Вооружение у них — лук, меч и палица; всего **больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки** (выделено мной – В.И.); а на спине у них панцирь из буйволоовой или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро... В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно, да сильно так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьих коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьих коней, и людей много, поворачивают

⁵⁸ Следует отметить, что последние два вида вооружения в кочевнических погребениях Золотой Орды не встречаются вообще, за исключением железного навершия буолавы из погреб. 25 грунтового могильника Ляпинская балка в устье р.Кальмиус (Евглевский, Кульбака, 2003, с.380, рис.9).

⁵⁹ Следует также иметь в виду, что Плано Карпини не просто описывал вооружение и тактику боя золотоордынского войска, но и анализировал их, поскольку на основании своих наблюдений разработал для европейцев предложения по организации сопротивления монголам (Путешествия..., 1957, с.59-65).

назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы (Поло, 1997, Гл. LXX; LXXIX).

Поэтому вполне понятно, почему Р.П.Храпачевский считает, что «существование у монголов Чингисхана приемов таранной, ударной тактики является дискуссионным вопросом. Дело в том, что само существование тяжеловооруженных ударных частей в армии Чингисхана является проблематичным. И хотя есть **ряд туманных свидетельств о наличии у монголов конных воинов в тяжелом вооружении** (выделено мной – В.И.), но при этом нет оснований считать их оснащенными вооружением и доспехами, приспособленными именно для таранных ударов – **нет археологических находок монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и так далее, то есть специфических приспособлений для таранных ударов** (выделено мной – В.И.), нет и письменных свидетельств наличия у них собственно таранной тактики, подобной европейскому рыцарству, которое и принято называть тяжелой конницей.... Скорее всего, только у части монголов, самых богатых и знатных, имелись тяжелые доспехи. Видимо, они и составляли отборные части последнего удара – их задача была добивать противника, уже расстроенного **тактикой сменяющихся волн атак конных стрелков** (выделено мной – В.И.), доспех для этого был нужен только для лучшей защиты в свалке подобного боя. Для этого уже не нужны были таранные копыя, а только сабли/мечи, шестоперы/булавы, пальмы и копыя с крюками» (Храпачевский, 2004, с.202-203).

А если вновь обратиться к средневековым нарративам, то тот же М.Поло вообще дает какую-то «кальку» монгольского боя, из которой следует, что монголы, отстреляв по противнику все свои стрелы, бросались в рукопашную схватку, превращавшуюся в беспорядочную кровавую свалку: «Забил накар, и люди, не медля, бросились друг на друга. Схватились за луки и стали пускать стрелы. Переполнился весь воздух стрелами, словно дождем; много

людей и коней было смертельно поранено. За криками и воплями и грома нельзя бы было расслышать; воистину видно было, что сошлись враги смертельные. Метали стрелы, пока их хватало; и много было мертвых и насмерть раненных. В дурной час началась битва для обеих сторон; с той и другой стороны много было побито. Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в колчаны, схватились за мечи и палицы и бросились друг на друга. Стали они наносить сильные удары мечами и палицами; началась злая и жестокая битва; наносились и получались удары сильные; отсекались руки, и замертво падали люди на землю; знайте, по истинной правде, вскоре после того, как началась рукопашная битва, покрылась земля мертвыми да смертельно раненными» (Поло, 1997, Гл. СХСVIII; ССІ; ССVIII; ССXXV; ССXXXI).

Как мы видим, проблема усугубляется еще и тем, что ни средневековые, ни современные авторы не приводят в своих трудах никаких эмпирических данных, отражающих удельный вес той или иной категории воинов в золотоордынском войске. По этой причине сложно оценить популярность и доступность того или иного компонента золотоордынской «паноплии» для воинского контингента.

В частности, «зависает в воздухе» отправной для данной темы вопрос о том, кто обеспечивал золотоордынскую конницу столь многообразным вооружением?

A priori принято считать, что золотоордынские города, в которых, по заключениям их исследователей, «ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким – чересла, лемехи, сошники, полицы, мотыги, кетмени, оковки лопат, кайла, серпы, косы, **топоры** (здесь и далее выделено мной – В.И.), тесла, долота, **ножи**, ножницы, сверла, резцы, пробойники....кресала, **кольчуги**, **пластинчатые доспехи**, **шлемы**, **наконечники стрел**, **копий и дротиков**, **втоки**, **сабли**, **булавы**, **кистени**, **кинжалы**, **крючки от колчанов**, **пряжки**, **сюльгамы...**» (Валиулина, Недашковский, 2009, с.273; Блохин, Яворская, 2006, с.187). С одной стороны,

опровергать это заключение нерезонно. Но с другой, Г.А.Федоров-Давыдов в свое время отметил, что «железоделательное ремесло в золотоордынских городах почти не изучено. Известна только продукция его» (Федоров-Давыдов, 1994, с.180)⁶⁰. Исследователь золотоордынского вооружения Ю.А.Кулешов пытается найти компромиссный ответ на вопрос о том, кто вооружал ордынское войско. В своей обширной статье он, в частности, предлагает следующую схему комплектования золотоордынской «паноплии»: на ранних этапах становления Золотой Орды – централизованный импорт из соседних и подвластных регионов; в первой половине XIV в. – правление хана Узбека – налаживание собственного производства⁶¹; упадок его в период «Ордынской замятни»; восстановление в период централизаторского «ренессанса» Мамай – Тохтамыш (Кулешов, 2010, с.93). То есть, процесс налаживания собственного оружейного производства в Золотой Орде был недолгим, прерывистым и связанным с реформаторской деятельностью двух ханов – Узбека и Тохтамыша. А точнее – находился в прямой зависимости от степени усиления или ослабления централизованной власти в Золотой Орде (Кулешов, 2010).

С выводами Ю.А.Кулешова трудно не согласиться, ибо они подтверждаются оценками, данными современниками состоянию золотоордынского войска накануне окончательного распада Золотой Орды. Современные исследователи в качестве доказательства высокого уровня развития оружейного производства в Золотой Орде приводят, по сути – единственное сообщение Иосафата Барбаро (1436 г.) о том, что «при орде во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякого рода мастеровые» (Путешествие в Тану..., 1836, с.31)⁶². Почему этот

⁶⁰ И за последние два десятилетия ситуация, как мы видим, не изменилась (Кулешов, 2010, с.88).

⁶¹ По-видимому, именно к этому времени Ю.А.Кулешов относит выделенные им центры собственно золотоордынского оружейного производства – Болгар и Новый Сарай/Сарай-Берке/Сарай аль-Джедид (Кулешов, 2010, с.86-88). В отношении последнего автор, правда, ориентируется только на предположение Ф.В.Баллода о том, что найденные им на Новом Сарае скопления обожженного кирпича, железные и медные шлаки и отдельные слитки меди позволяют «предполагать здесь литейные заводы» (Баллод, 1923, с.37).

⁶² См.: Валиулина, Недашковский, 2009, с.271; Кулешов, 2010, с.93.

нарратив действует так завораживающе на коллег – непонятно, поскольку в плане интересующей нас темы он ничего не раскрывает. Кроме одного – в Орде были свои кузнецы и оружейники, которые то ли производили оружие (что в условиях кочевой орды, которую и наблюдал И.Барбаро, представить очень сложно), то ли ремонтировали его, что вполне могло быть: были же свои кузнецы практически в каждой русской деревне. А сообщение Амвросия Кнтарини (1475 г.)⁶³ о татарских караванах «с Джездскими тканями, шелком и другими товарами, которые они (астраханские купцы – В.И.) променивают на меха, седла, **мечи** (выделено мной –В.И.) и иные необходимые для них вещи» (Путешествие Амвросия Контарини..., 1836, с.91) вообще рисует противоположную картину обеспечения золотоордынского войска оружием⁶⁴.

Причем, подобная же картина фиксировалась очевидцами у казахов в XVIII-XIX вв. (Бобров, 2012, с.356).

Итак, хотим мы того или нет, но пока приходится констатировать, что в реконструкциях вооружения и структуры кочевнического войска Золотой Орды доминирует *оружиеведческий дискурс*. Изложенный, как правило, ярким, образным языком и проиллюстрированный великолепными реконструкциями М.В.Горелика⁶⁵ (Измайлов, 2009а, с.412 и 420; Горелик, 2011, с.245-258).

Однако, как известно, исторический дискурс занимает пограничное положение между историографией и литературой. Дискурсный подход, если не альтернативен, то, во всяком случае, индифферентен к эмпирике и рассчитан на эмоционально-риторическое воздействие на аудиторию

⁶³ Которое упорно не замечается исследователями.

⁶⁴ Кнтарини вообще дает (с чужих, правда, слов) весьма неприятную оценку современного ему кочевнического войска Золотой Орды: «Я сам не был в орде, а только старался узнать от других о ее устройстве и могуществе, - и все те, кого я ни спрашивал, единогласно утверждают, что хотя народа в ней много; но большая часть онаго вовсе бесполезна; ибо состоит из женщин и детей. В целой орде не наберется более 2000 человек, вооруженных мечами и луками; остальные совершенно безоружны» (Путешествия Амвросия Контарини..., 1836, с.98).

⁶⁵ Своеобразную, богато иллюстрированную энциклопедию золотоордынского воцска см.: Горелик, 2002.

(читателя)⁶⁶. Но в таком случае дискурсант должен иметь в виду и возможность критики своего дискурса другими исследователями или вообще его отрицания. В данном контексте исследования Ю.А.Кулешова, в которых автор дает отнюдь не комплиментарную характеристику оружейно-производственному потенциалу Золотой Орды и, объективно, отрицает широкое распространение различных видов вооружения в золотоордынском войске, являются вполне естественной реакцией на имеющиеся дискурсы. И в частности, выводы автора о том, что формирование золотоордынской «паноплии» осуществлялось в основном за счет закупок комплектов вооружения в других государствах, в частности – в Мамелюкском Египте, итальянских факториях в Крыму (Кулешов, 2014) во многом объясняют и облик археологических источников по золотоордынскому оружию. В частности, становится вполне понятной причина бросающейся в глаза редкости находок доспехов и сабель в кочевнических погребениях XIII-XIV вв.: ценная вещь, за которую уплачена немалая сумма. В отличие от стрел и луков, которые изготавливались где-то поблизости и стоили гораздо дешевле, так что их было не жалко положить в могилу. То есть, доспех или сабля (или доспех и сабля) вместе с покойным владельцем «на тот свет» отправлялись в исключительных случаях. Как, по-видимому, исключением было и само появление подобного комплекса вооружения в кочевнической среде Золотой Орды.

Соответственно, находят свое объяснение и причины отсутствия предметов золотоордынского вооружения за пределами административных границ собственно Золотой Орды (о чем подробнее будет сказано ниже) – запрет на его экспорт (Кулешов, 2014, с.223).

Резюме: исторические описания вооружения золотоордынского войска дают только общее представление об ассортименте наступательного и защитного вооружения, употреблявшегося в Золотой Орде в XIII-XIV вв.

⁶⁶ Обо всем этом детально см.: Кротков, Носова, 2009; Кожемякин, 2008; Фэклоу, 2008 и др.)

Структура войска и удельный вес его контингентов вытекают из общеисторической эрудиции авторов, а потому – гипотетичны.

Археологический материал также не является аутентичным источником для реконструкций подобного рода. В лучшем случае он дает нам представление о том, как выглядел тот или иной компонент золотоордынской «паноплии». И в известной степени – представление о том, насколько он был доступен, а потому – наиболее распространен в кочевнической, прежде всего, среде Золотой Орды.

Детальный и на данный момент исчерпывающий анализ **украшений и элементов костюмного убранства** кочевников Золотой Орды сделала Р.Р.Каримова. Используя методы статистического анализа, автор выделяет три категории украшений, характерных для женщин (перстни, браслеты, ожерелья, цилиндрические подвески⁶⁷, серьги в виде знака вопроса, зеркала, футляры, бусы), мужчин (детали поясных наборов, кожаные сумки, золотые кольцевидные серьги) и «надполовые» (пуговицы-бубенчики, кольцевидные серьги не из золота) (Каримова, 2013, с.80). В категорию женских украшений почему-то не включены детали головного убора «бокка», которые и по расчетам Р.Р.Каримовой, и по моим обнаруживают устойчивую корреляцию с бронзовыми зеркалами и серьгой в виде знака вопроса (Каримова, 2013, с.26) (рис.13). Автор совершенно обоснованно выделяет «категории украшений, которые, возможно, содержали информацию о социальном и имущественном положении индивида в кочевом золотоордынском обществе». Среди них Р.Р.Каримова на первое место ставит золотые серьги в виде кольца, которые интерпретирует как символ мужчины-воина (Там же, с.81).

Данный вывод автора дополню результатами своих расчетов: наибольшее значение коэффициента корреляции Пирсона кольцевидные

⁶⁷ Я их называю «амулетами» - они представляют собой т.н. футлярчики для ношения кусочков бумаги или ткани с изречениями из Корана – «коранницы».

серьги обнаруживают с ожерельем из бус и полным поясным набором (соответственно, $Q = 0,168$ и $0,100$).

Последний, как известно, является традиционным атрибутом кочевника-воина. И его статусность в анализируемой выборке подтверждается коэффициентами корреляции I и II рангов с такими статусными же предметами, как шлем, доспех и сабля (рис.13). Полные поясные наборы найдены в 1,7% погребений кочевников Золотой Орды, среди которых погребение Олень-Колодезь, 7/1, содержащее, кроме серебряного с позолотой пояса, шлем, кольчугу, инкрустированный боевой топор, серебряный ковш, седло, амулет в позолоченной оправе, остатки парчи (Кравец, 2005, с.113) едва ли может быть трактовано иначе, нежели погребение знатного воина-*бахадур*. Равно как и погребение Высокая гора, к.2 с поясом, шлемом, кольчугой, копьем и кольцевидной серьгой.

Можно согласиться с Р.Р.Каримовой и в том, что к категории социально и имущественно статусных относились перстни, браслеты, цилиндрические подвески-амулеты (Там же, с.81). Хотя бы по тому, что они обнаруживают устойчивую корреляцию с «боккой»/»боктаг», являвшейся в Монгольской империи символом высокого социального статуса (Там же, с.28) (рис. 13).

Результаты корреляционно-статистического анализа погребального инвентаря кочевников Золотой Орды, проведенного Р.Р.Каримовой (украшения и детали костюма) и автором этих строк (вооружение), показывают, что, во-первых, они никоим образом не несут в себе какой-либо этнокультурной информации о родоплеменном составе этого населения; во-вторых, они, конечно же, маркируют социальный статус погребенного и его место в социальной иерархии. Наглядное тому свидетельство – географический разброс погребений с полной кочевнической «паноплией» и наборами украшений и деталей убранства костюма по территории Золотой Орды. Не менее выразительную в этом плане картину обнаруживает

география распространения головного убора «бокка»/»богтаг»⁶⁸. По данным Р.Р.Каримовой, он присутствует на всей территории Золотой Орды, хотя и обнаруживает повышенную тенденцию встречаемости к востоку от Дона (Каримова, 2013, с.127, табл. 2).

В-третьих, концентрация погребений со статусным набором оружия в степях Предкавказья (Восточное Приазовье), вероятнее всего, действительно обусловлена политическими событиями 30-х гг. XIV в. на южной периферии Золотой Орды. Джучидско-хулагуидские войны и насаждаемая Узбеком исламизация (Дружинина и др., 2011, с.221-234) сопровождались, в первую очередь, гибелью родовой знати, которую хоронили со всеми ее прижизненными, воинскими атрибутами. Что же касается степей Поволжья и Южного Приуралья, то здесь в XIII-XIV вв., по-видимому, складывалась несколько иная ситуация, о чем будет сказано в завершающей главе настоящей работы.

Здесь мы вплотную подошли к проблеме понятия «имперская культура» в ее археологическом контексте. Для начала, очевидно, не лишним будет освежить в памяти само понятие «империя», как оно расшифровывается в энциклопедической литературе: «Империя – чаще всего обширное государство, включавшее в свой состав (нередко путем завоеваний) территории других народов и государств...» (БСЭ). Применительно к кочевнической этнополитической среде это понятие трактуется как «полиэтничные образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи» (Васильев и др., 1993, с.33).

Были ли империей Золотая Орда (именно Золотая Орда, а не империя Чингисхана, частью которой Орда сама являлась, по крайней мере, до 1266 г. – года начала затяжной борьбы за власть в Центральном Монгольском

⁶⁸ Едва ли есть смысл сомневаться в том, что этот предмет был привнесен в Восточную Европу монголами.

Улусе) (Храпачевский, 2004, с.398-399)? По-видимому, являлась, исходя хотя бы из того, что в историографии прочно утвердилось мнение о политическом господстве Золотой Орды как над Русскими землями (Селезнев, 2013), так и над народами Урало-Поволжского региона. Последнее, во-первых, ёмко выражено И.В.Антоновым: «бесспорно, что под властью Золотой Орды на протяжении...относительно стабильного периода ее истории, т.е. с середины XIII и до середины XIV в. находились башкиры, булгары, марийцы, чуваша и мордва-мокша. В отношении же мордвы-эрзи, южных удмуртов (арских людей, а также носителей чумойтлинской культуры) и коми-пермяков нет достаточных оснований для столь однозначного вывода, но, тем не менее, **их земли тоже находились в сфере военно-политического влияния монголов**» (выделено мною –В.И.) (Антонов, 2006, с.178). И не менее выразительно и наглядно это мнение представлено на карте расцвета Белой Орды при Узбек-хане, составленной А.А.Астайкиным, на которой Среднее Поволжье (до устья Ветлуги), Нижнее и Среднее Прикамье (до устья Чусовой), Южный Урал целиком показаны как часть административных территорий улуса Джучи (Атлас Tartarica, 2005, с.296-297).

Во-вторых, именно с периодом господства в Восточной Европе Золотой Орды исследователи связывают завершение в основном этногенетических процессов в регионе, когда «в основном завершилось формирование современных очертаний этнических территорий всех волго-уральских народов, в том числе и тюркских» (Кузеев, 1992, с.88). И этот вывод находит свое подтверждение в археологическом материале. Так, по данным Н.И.Шутовой, исследовавшей удмуртские могильники XVI-XIX вв., начиная с XVI в., «фиксируется сеть новых погребальных памятников на не освоенных прежде землях... Как правило, они расположены в верховьях мелких рек или ручейков, в районах, где в X-XIV вв. практически не наблюдалось проживание людей» (Шутова, 1992, с.101). В системе географических координат – это междуречье Чепцы. Кильмези и Ижа, где автором выявлены удмуртские дохристианские могильники, нижняя дата

которых XVI век (Шутова, 1992, рис.1). То есть, по сравнению с предшествующим периодом происходит сокращение древнеудмуртской этнической территории, что, по мнению Р.Г.Кузеева, происходило вследствие продвижения марийцев на север и русских на восток (Кузеев, 1992, с.88). Аналогичные процессы, как установила Т.Б.Никитина, происходили и в Среднем Поволжье, где с приходом монголо-татар «Основная масса марийского населения в XIV в. покидает обжитые ранее места (Сурско-Цнинский бассейн – В.И.), спасаясь на луговой стороне, недоступной конникам монголо-татар» (Никитина, 1999, с.206). То есть, процессы этно- и культурогенеза у народов Урало-Поволжья в XIII-XIV вв. происходили если не при участии Золотой Орды, то, по крайней мере, под воздействием самого факта образования этого государства, одной из составляющих которого, по бытующему сейчас мнению, являлась его «имперская культура».

Имперскую культуру Монгольской империи исследователи трактуют в контексте полнейшего восприятия народами от Тянь-Шаня до Дуная и от центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры, среди которых, правда, лишь единичные элементы – крой костюма, поясной декор и ряд других аксессуаров и предметов оружия и конского убора – были едиными на всем пространстве (Васильев и др., 1993, с.42).

Материальная культура Золотой Орды вообще, не только кочевников, представлена четырьмя категориями артефактов: **керамика** (в первую очередь гончарная и поливная), **украшения тела и костюма, бронзовые зеркала, вооружение и принадлежности конского снаряжения**.

Типология керамики Волжской Булгарии золотоордынского периода, разработанная Н.А.Кокориной, показывает, что из пяти основных групп керамики, характерных для данного периода (XVIII-XXII), только две (XIX и XXI) связаны с населением внутренних территорий Монгольской империи – Средней Азией и Дешт-и-Кыпчаком. Но широкого распространения среди

населения Волго-Уральского региона они не получили. О чем, в частности, свидетельствуют статистика болгарской («болгарско-татарских традиций») керамики с поселений XIII-XV вв. Марийского Поволжья (Михеева, 2007, с.320) и резкое сокращение в это же время памятников с круговой посудой на мордовских территориях (Белорыбкин, 2003, с.103).

Остальные отражают традиционные этнокультурные связи болгар с поволжскими финнами, приуральскими уграми и славянами, корнями своими уходящие ещё в домонгольское время (Кокорина, 2002, с.97-113).

Красно и сероглиняная керамика Южного Предуралья XIII-XIV вв. (памятники чияликской культуры), свидетельствующая о болгарском направлении торгово-экономических связей приуральских племен, по наблюдениям Г.Н.Гарустовича, хотя и становится к концу XIV в. доминирующей на чияликских поселениях, но ее общее количество в регионе весьма невелико, а золотоордынская нижеволжская там отсутствует совсем (Гарустович, 1998, с.23).

Как совершенно справедливо отмечает А.М.Белавин, «частое и устойчивое появление в керамическом комплексе определенной археологической культуры керамики иного происхождения связывают не только с экономическим воздействием, но либо с каким-то переселением тех или иных групп инокультурного населения в местную среду, либо с какими-то иными формами этнического проникновения (браки, наличие пленников или невольников и т.п.). Таким образом, **находки импортной керамики особенно в массовых количествах** (выделено мной –В.И.), на памятниках Предуралья – показатель высокого уровня не только торговых, но и определенных этнокультурных связей» (Белавин, 1999, с.65).

Что же касается керамического комплекса золотоордынских городов Нижнего Поволжья, состоящего из азовской (лощеная с красным ангобом), крымской (с жёлтой и зелёной поливой), тимуридской кашинной, хорезмийской (серо-глиняные мореные котлы) и др. посуды (Зеленеев, 2005, с.171-172), то на территории Волго-Уральского региона она присутствует в

таком незначительном количестве, что едва ли может свидетельствовать в пользу её массового использования местным населением. В частности, на Южном Урале она не присутствует вообще, за исключением нескольких обломков красноглиняной гончарной керамики с территории Турналинского городища на Южном Урале (Гарустович, 1998, с.24); отсутствует она и на древнеудмуртских чепецких памятниках (Иванова, 1998, с.210). По данным А.М.Белавина, поливная и неполивная керамика, свидетельствующая о проживании в XIII-XIV вв. на предуральских поселениях болгар и других представителей Орды, найдена на Рождественском, Кудымкарском и Кыласовском городищах в Прикамье. Но без соответствующих количественных показателей это свидетельство не привлекает к себе должного внимания (Белавин, 2000, с.136).

В курганах кочевников Золотой Орды в степях Восточной Европы гончарная посуда вообще представлена в единичных погребениях – 15 экз. – разбросанных на обширной территории от Днепра (Макеевка, Черевков) до Волги (Абганерово III, Бахтияровка II).

Другая категория золотоордынской культуры – **предметы украшений и убранства костюма**, прежде всего женского. Из них к категории массовых можно отнести бронзовые зеркала, встреченные в 19,2% кочевнических золотоордынских погребений. Серьги-подвески кольцевые и характерные для золотоордынских комплексов в виде знака вопроса встречены, соответственно, в 8,6% и 12,7% кочевнических погребений. Детали головного убора «бока» - в 9,5% погребений (рис. 14).

Ни один из перечисленных видов украшений за пределами собственно золотоордынской территории не встречен. Более того, по наблюдениям Г.Ф.Поляковой, детально проанализировавшей изделия из цветных металлов золотоордынского Болгара, здесь представлен практически весь набор украшений и убранства костюма, характерный для евразийских кочевников эпохи Золотой Орды (Полякова, 1996, с.172, 213,215). И мы могли бы ожидать, что, в продолжение домонгольских культурных связей и влияния

Волжской Булгарии на соседние народы, по крайней мере, Волго-Уральского региона, изделия болгарских ремесленников-ювелиров должны поступать в Волго-Камье и в период золотоордынского владычества. Однако этого не наблюдается. Напротив, в рассматриваемый период в Прикамье, например, заметно усиливается роль местных мастеров с их ориентацией на технологические и эстетические традиции западных территорий.

И наконец, еще более выразительную картину дает нам анализ предметов вооружения и конского снаряжения – не менее массовой категории золотоордынской культуры. На ней следует остановиться несколько подробнее. Если керамика – категория повседневности – отражает обыденную жизнь общества и не соотносится, как правило, с социально-политическими нюансами его бытия, то «навязывание» её «сверху» в принципе едва ли возможно. Поэтому гончарная керамика золотоордынских типов если и проникала в среду местных волго-уральских народов, то спорадически, абсолютно не влияя на технологию изготовления и ассортимент местных традиционных форм.

То же самое можно сказать и об украшениях и деталях костюмного убранства, которые рассматриваются не только как часть материальной культуры, но и как особый символический мир, формирующийся на протяжении многих эпох и органично связанный с эстетическими и мировоззренческими традициями. Изменение последних и внедрение в структуру этого символического мира новых элементов возможно только в результате мощных этнических катаклизмов, меняющих самое этнокультурное содержание данного социума. Чего, как мы видим, в золотоордынскую эпоху на большей части территории Волго-Уральского региона уже не происходило.

Иное дело **вооружение и связанное с ним конское снаряжение** – наиболее динамичные и легче всего воспринимаемые категории материальной культуры. И они не могут быть иными, поскольку связаны с главной функцией любого социума – самозащитой. Следовательно,

применительно к нашей теме, было бы вправе ожидать широкого распространения наиболее эффективного по тем временам золотоордынского вооружения и конского снаряжения по всему Волго-Уральскому региону. Однако и здесь картина наблюдается иная. Так, по данным К.А.Руденко, наиболее массовый вид золотоордынского вооружения – наконечники стрел типов А3, А13, А15а, Б27, Б46а, Б47, Б54б – единичными экземплярами рассеяны по всей территории Волжской Булгарии (Руденко, 2003, с.75-106). Подобные наконечники стрел, являясь наиболее частой находкой в погребениях золотоордынских кочевников, на территориях их соседей – марийцев, удмуртов, мордвы, башкир – встречаются крайне редко и в единичных экземплярах. Например, на мордовских памятниках плоские наконечники стрел-срезни (типы 10,11,12,13 – по С.В.Святкину) составляют в общей сложности 15 экз. (Святкин, 2001, с.16-17). Вообще, на примере мордовского комплекса вооружения влияние золотоордынской «паноплии» на вооружение оседлого населения Волго-Уральского региона прослеживается особенно наглядно. Составляя во второй половине XIII-XIV вв. по сути часть военной машины золотоордынских ханов (подробнее см.: Святкин, 2001, с.109-114), мордва, тем не менее, не переняла ордынского оружия, продолжая пользоваться традиционными для них копьями-рогатинами и топорами.

В Прикамье, на городищах Иднакар, Анюшкар, Редикарском и Рождественском, также найдены в общей сложности 26 подобных наконечников. Но условия их залегания на указанных памятниках свидетельствуют о том, что эти наконечники залетали на городища в результате их обстрела противником. Возможно, какими-то монгольскими облавными отрядами (Иванова, 1995, с.14 и 18; Белавин, 2000, с.136).

Единственным местом за пределами территориальных границ Золотой Орды (в том виде, как они очерчиваются по данным археологии) является Брик-Алгинское местонахождение на юго-западе современного Башкортостана. Это уникальный по своему характеру памятник, поскольку

он не является ни могильником, ни поселением, а представляет собой местонахождение вещей XIV в., бессистемно встречающихся на площади в 3500 м². Памятник подробно опубликован (Гарустович и др., 2006; Гарустович, 2012), что делает излишним его подробное здесь описание. Наибольший интерес представляет то обстоятельство, что на памятнике в одном слое найдены вещи, традиционно встречающиеся в кочевнических погребениях Золотой Орды: наконечники стрел – 31 экз.; предметы конской сбруи (удила – 8 экз.; подпружные пряжки – 14 экз.); серьги в виде знака вопроса – 12 экз.; бронзовые зеркала – 9 экз.; ножницы – 3 экз.; монеты. Монет найдено 385 экз., охватывающие период с 1310 по 1375 гг. Это больше, чем количество монет, найденных в золотоордынских погребениях: 214 погребений – по данным Е.М.Пигарёва (Пигарёв, эл. ресурс). По количественному распределению монет внутри этого периода исследователи датируют памятник второй половиной 70-х годов XIV в. (Гарустович и др., с.68).

Среди брик-алгинских наконечников стрел количественно преобладают наконечники типов VIII, XIV, XVI (по типологии Г.А.Федорова-Давыдова) и типов АIII, АIV (по типологии К.А.Руденко).

Все найденные на памятнике серьги относятся к типу VI а-д (по Г.А.Федорову-Давыдову).

Каков историко-культурный контекст комплекса Брик-Алги? Ответ на этот вопрос (на мой взгляд – вполне убедительный) дает Г.Н.Гарустович. Рассматривая хронологию найденных на памятнике монет, исследователь приходит к выводу о возможности связать его с событиями ордынской «замятни» второй половины 70-х гг. XIV в. Более конкретно – с переходом шейбанида Арабшаха в юрт Мамаю, который, как считает Г.Н.Гарустович, Арабшах совершал в обход враждебных Мамаю улусов сарайского хана Уруса. Здесь, у юго-западных склонов Бугульминско-Белебеевской возвышенности, Арабшах мог наскочить на торговый караван, шедший из Булгара, и разграбить его (Гарустович, 2012, гл. VI).

Я не берусь проводить критический дискурс-анализ исследования Г.Н.Гарустовича – не вижу в этом нужды, поскольку Арабшах ли разгромил караван или нет, это для нас в данном случае большой роли не играет. Главное, что в результате этого разгрома одномоментно отложился комплекс артефактов, определявших облик материальной культуры Золотой Орды во второй половине XIV в. Что роднит Брик-Алгинское местонахождение с закрытыми погребальными комплексами этого времени и, соответственно, дает нам дополнительные данные для хронологии золотоордынских памятников.

В свое время Г.А.Федоров-Давыдов, используя метод статистической корреляции типов вещей в погребениях средневековых кочевников Восточной Европы, разделил их на несколько хронологических групп, из которых перечисленные типы вещей, широко представленные в кочевнических памятниках Золотой Орды, отнесены исследователем к IV периоду – вторая половина XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 111-116). В обоснование этой датировки Г.А.Федоров-Давыдов привлекал находки монет в погребениях (в его распоряжении имелись данные о шести находках монет вместе с украшениями и зеркалами) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 113). Мы располагаем данными о 112 погребениях с монетами, что позволяет выяснить коэффициент их корреляции с другими вещами (корреляция Пирсона)⁶⁹. Выявлено 15 показателей положительного значения корреляции монет с другими вещами, которые по формуле Старджесса могут быть разделены на несколько рангов в диапазоне от 0,080 до 0,022. К первому, высшему, рангу с коэффициентом корреляции $Q=0,080$ относятся погребения, содержащие амулет-коранницу (Царевский, к.16; Градешка; Мокринский I, к. 14; Бахтияровка II, к.70 и 72; Бахтияровка III, к.87). Корреляция ранга II ($Q=0,058$) – детали нагайки (Бахтияровка II, к.46 и на

⁶⁹ Количественно мои данные уступают данным Е.М.Пигарева, которым учтено 213 золотоордынских погребений с монетами (Пигарев, 2000). Но следует иметь в виду, что в сводке исследователя учтены и «мусульманские» погребения, кроме монет, других вещей не содержавшие.

окраине г.Саратова). Корреляция ранга III ($Q=0,057-0,047$) – сумка (Бахтияровка II, к.25, 46, 63; Харьковка-Б, к.2; Бахтияровка III, к.95; Жартаc, к.5; Маячный, к.94; Шихан на р.Медведице, к.1; Бахтияровка I, к.25) и седло, расположенное у ног погребенного (Халчаян; Пскент, Гува II, к.5; Большой Царын I, к.2). Корреляция ранга IV ($Q=0,046-0,036$) – поясные накладки (Царевский, к.1; Лапас; Халчаян; Бахтияровка I, к.27). Корреляция ранга V ($Q=0,035-0,025$) – седло у головы, седло у ног, стрелы железные, берестяной колчан, поясная пряжка. Самая слабая корреляция ранга VI ($Q=0,024-0,013$) – стремяна, костяные колчаные накладки, серьга в виде знака вопроса, бокка. Последняя корреляция указывает, прежде всего, на массовость входящих в нее вещей, которые сами по себе были модой, т.е. маркером эпохи, в том числе и хронологическим (как и всякая мода вообще). И монеты – «обол мертвых» - в данном случае – тоже элемент этой моды. Поэтому и статистика кочевнических погребений с монетами не случайна: большинство их приходится на середину (40-е – 60-е гг.) XIV в. (Пигарёв, эл. ресурс), время, для Золотой Орды отмеченное наивысшим взлетом ее могущества и экономического расцвета. В культурном плане это было время сложения и взаимодействия двух культурных пространств: урбанистического и номадического. Оба этих пространства были полиэтничны, что, по мнению многих исследователей, выражается в различных ориентировках погребенных. По наблюдениям Е.М. Пигарёва, именно в погребениях с северной ориентировкой Маячного и Бахтияровского могильников монеты отсутствуют. Являлась ли северная ориентировка монгольским этнокультурным признаком, как это, вслед за Г.А.Пугаченковой, считает исследователь – это еще вопрос, требующий дополнительной проработки⁷⁰, хотя и кыпчакским/половецким признаком ее считать тоже не приходится (Иванов и др., 2014, с. 341, табл.2). Но с другой стороны, мода на «оболы мертвых» не была чужда и населению степной «глубинки» Золотой Орды, о

⁷⁰ На материалах восточных территорий Степной Евразии абсолютного доминирования северной ориентировки погребенных пока не наблюдается (см. гл.2 настоящей работы).

чем свидетельствуют находки монет в погребениях с северной ориентировкой, совершенных под курганами с каменными конструкциями⁷¹ в Степном Приуралье (Андреевский, к.1), под земляными курганами на Дону (Меловатка, к.1), Нижней Волге (Кривая Лука, к.5), в Средней Азии (Халчаян, Пскент), в Волго-Донском междуречье (Гува II, к.7; Большой Царын I, к.2). То есть, возвращаясь к понятию «имперская культура» Золотой Орды, «обол мертвых» также был одним из ее компонентов, хотя и не столь распространенным, как другие.

В своей монографии, посвященной кочевникам Золотой Орды Волго-Донского региона Е.П.Мыськов специальную главу отводит решению проблемы хронологии и периодизации соответствующего археологического материала (Мыськов, 2015, с.251-255). Следуя «моде», достаточно популярной у современных молодых исследователей-кочевниковедов⁷², автор, что в данном, с его точки зрения, контексте, вполне естественно, начинает с критики предложенной в свое время В.А.Кригером и автором этих строк⁷³ хронологии и периодизации погребальных кочевнических комплексов Золотой Орды. Вердикт автора достаточно суров: «...поэтому хронологические разработки В.А.Иванова и В.А.Кригера должны показаться недостаточно обоснованными и мало убедительными» (Мыськов, 2015, с.252). Подобное заключение а priori предполагает, что сам автор через 27 лет после выхода нашей работы предложит нам нечто безусловно обоснованное и убедительное в плане разработки хронологии золотоордынских кочевнических комплексов. К сожалению, наши ожидания оказались тщетными. Начнем с того, что Е.П.Мыськов, бóльшую часть рассматриваемой главы своей монографии посвятив критике хронологических построений всех своих предшественников, не счел необходимым обратить внимание свое и читателей на ряд существенных

⁷¹ А это уже – явно этнокультурный признак.

⁷² Хотя, по большому счету, Е.П.Мыськов – 1955 года рождения – принадлежит к нашему поколению.

⁷³ И принятой другими исследователями – Г.Н.Гарустовичем, А.И. Ракушиным, А.Ф.Яминовым.

обстоятельств. Например, отмечая (в комплиментарном аспекте) то обстоятельство, что Г.А.Федоров-Давыдов «даже располагая столь внушительным арсеналом археологических и нумизматических источников⁷⁴ ... не рискнул разделить известные ему золотоордынские погребальные комплексы хотя бы на два хронологических этапа» (Мыськов, 2015, с.252), автор не счел, почему-то, пояснить читателю, что классик золотоордынской археологии, разрабатывая хронологию средневековых кочевнических памятников, работал с гетерогенными комплексами, укладываемыми в широкий хронологический диапазон от X до XIV вв. И едва ли на то время он ставил перед собой задачу создания дробной хронологии. Тем более, что монеты XIII-XIV вв. с типами вещей, которые мы сейчас воспринимаем как безусловно относящимися к золотоордынскому времени, по собственному замечанию Г.А.Федорова-Давыдова, встречены были только шесть раз, а монеты XIV в. только дважды встречены были с зеркалами типов VI (орнаментированы концентрическими кругами с овалами между ними) и VII (с изображением двух рыб) (Федоров-Давыдов, 1966, с.113-114). Естественно, что при такой редкой встречаемости монет с вещами в погребениях они, монеты, не давали устойчивых показателей условной связи.

В.А.Кригер и автор этих строк работали уже с гомогенными кочевническими комплексами Урало-Поволжья XIII-XIV вв. и в своей статистической корреляции (это в общей сложности – 202 погребения), действительно впервые, использовали и нумизматический материал⁷⁵ (Иванов, Кригер, 1988, с.26). Результаты этой корреляции показали, что если монеты конца XIII – первой половины XIV вв. обнаруживают устойчивую

⁷⁴ Здесь возникает недоуменный вопрос к автору рассматриваемой монографии: из каких соображений он 484 погребения XIII-XIV вв, которыми оперировал в свое время Г.А.Федоров-Давыдов (погребения IV периода), «округлил» до «около 700 погребальных комплексов XIII-XIV вв.» (Мыськов, 2015, с.252).

⁷⁵ Обработанный и доступный нам в то время. Е.П.Мыськов, очевидно, запомнил, сколько времени нужно было для того, чтобы рукопись работы прошла все этапы издательской обработки в то время. Поэтому его ссылки на научные отчеты В.А.Кригера о раскопках Бахтияровского могильника в 1982-1986 гг. (Мыськов, 2015, с.252) нельзя признать корректными.

корреляцию со многими типами предметов, отнесенных Г.А.Федоровым-Давыдовым к группе I взаимосвязанных типов (Федоров-Давыдов, 1966, с.112-113), то монеты второй половины XIV – начала XV вв. такую связь обнаруживают только с несколькими типами: серьги в виде знака вопроса, «бокка» и цилиндрическая подвеска-«коранница» (Иванов, Кригер, 1988, с.29). С учетом того, что подобные вещи встречаются и на могильниках, на которых языческие (содержащие вещи) и мусульманские погребения соседствуют (Маячный Бугор, например), то выделение в археологическом материале золотоордынских кочевников комплексов «золотоордынского мусульманского этапа» никакой «крамолы» не несет. Тем более, что на том же Маячном Бугре, на котором сейчас исследовано 326 погребений, из них 203 – мусульманские, а из оставшихся 123 погребений определяемые монеты конца XIII – первого 20-летия XIV вв. найдены только в 20-ти (Пигарев, 2000, с.285, 287-230), а остальные, похоже, вообще безмонетные. Поэтому почему Е.П.Мыськов ограничил время функционирования этого могильника 20-ми годами XIV в. (Мыськов, 2015, с.254) – понять весьма сложно. Зато несложно убедиться в том, что периодизация кочевнических золотоордынских комплексов, предложенная в свое время В.А.Кригером и автором этих строк, и периодизация Е.П.Мыськова различаются только терминологически. У нас – «золотоордынский мусульманский период», у названного исследователя – «второй или поздний этап». В основе нашего периода лежит процесс начавшегося сокращения признаков язычества в погребальной обрядности кочевников во второй половине XIV в., у Е.П.Мыськова – начало широкомасштабного строительства городов в Поволжье, которые, как известно, и явились трансляторами ислама в кочевую степь. В чем мы солидарны с ним – это во мнении о том, что окончательно утверждение ислама в качестве мировоззренческой и идеологической парадигмы у кочевников произошло уже после распада Золотой Орды.

Однако вернемся к понятию «имперская культура». Если переводить его в плоскость археологических артефактов, то это, в первую очередь, должны быть предметы (категории, типы предметов), не имеющие этнической привязки и широко распространенные по территории Золотой Орды (Улуса Джучи). Вернемся к определению понятия «имперская культура» Золотой Орды, данному Д.М.Исхаковым и И.Л.Измайловым, как мы убеждаемся, в формате **исторического дискурса**⁷⁶: «Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально-престижных изделий, **являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров** (выделено мной – В.И.)» (Исхаков, Измайлов, 2007, с.107). В общем и целом мы также могли убедиться в том, что таковые социально-престижные изделия в кочевнических погребениях Золотой Орды имеются. Вопрос – насколько широко они были распространены в этнокультурном ландшафте Золотой Орды?

Как мы видим, понятие «имперская культура» в определении исследователей неразрывно связано с понятием «знать». Однако известно, что кочевая Степь не ограничивалась одной только знатью – потенциальными горожанами, как их обозначил в свое время Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1973, Гл.IV). В ней оставалась масса населения, социально и имущественно дифференцированного, живущего по законам Великой Ясы. Об имущественном и социальном расслоении кочевников Золотой Орды свидетельствуют П.Карпини и В.Рубрук, повествующие о

⁷⁶ «Отцы» этого понятия в данном случае ограничились репликой о том, что «**культура верхов** (выделено мной – В.И.) в государственных образованиях, вовлеченных в империю Чингизидов или образовавшихся в результате ее политического (но не культурного) распада, может быть охарактеризована как органически имперская» (Васильев и др., 1993, с.42).

богатых и знатных «моалах» и «татарах». Они имеют многочисленные стада («Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире» (П.Карпини, 1997, гл.2, §V)), просторные юрты 20-30 футов в диаметре (от 30 до 60 м²), многочисленных жен, рабов, часть которых обитала в стационарных поселениях, занимаясь земледелием в пользу своего хозяина («Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука» (В.Рубрук, 1997, гл.VII)).

В соответствии с социальным статусом представителей кочевой знати хоронили по усложненному ритуалу: «Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают» (П.Карпини, гл.3, §III); «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо...» (В.Рубрук, гл.XI) «...Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землею... Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле» (П.Карпини, гл.3, §IV))

и выразительными надмогильными сооружениями («Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится... Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади» (В.Рубрук, гл.XI)).

Наблюдатели-современники не преминули обратить внимание и на неприглядные, с их точки зрения⁷⁷, качества кочевнической ментальности – попрошайничество, вымогательство, вероломство, неопрятность. Причем, в данном случае социальный статус никакой роли не играл – европейские авторы отмечали эти качества и у своих провожатых – рядовых кочевников-оратов, и у представителей «татарской» знати.

Возникает любопытный вопрос: а если представить такую ситуацию, что те немногочисленные письменные источники, так или иначе фиксирующие социальную дифференциацию кочевников Золотой Орды до нас вообще не дошли, какую информацию по интересующей нас теме мы могли бы получить только из археологического материала? Ответ на него можно найти в работах современных исследователей. Совершенно естественно, что в качестве маркера социального ранга того или иного индивида коллеги археологи берут, как правило, статусные предметы из погребений. Для мужчин – это воинские («гвардейские» - по М.Г.Крамаровскому) пояса (Крамаровский, 2000, с.147). Действительно, из тех немногочисленных погребений XIII-XIV вв. в степях Восточной Европы, содержащих воинские пояса (1,7% от

⁷⁷ Как мы понимаем, самим кочевникам было абсолютно все равно, что о них думают их vis-a-vis.

всех учтенных мною погребений), в двух, кроме того, найдены полные доспехи – шлем и панцирь – и копье (Высокая Гора; Олень-Колодезь), в одном – сабля и шлем (Ахтырский Лиман I), в одном – сабля и кольчуга (Юрьев-Польской).

Из других погребений, не вошедших в мою сводку⁷⁸, но перечисленных М.Г.Крамаровским, в разрушенном погребении у с.Карги в Поднепровье серебряный поясной набор присутствовал вместе с золотой поясной чашей; из разрушенного погребения из Ставрополя происходят пояс с серебряной гарнитурой и сабля (Крамаровский, 2000, с.147-151); в утраченных полностью материалах погребения на о.Березань, кроме пояса, находились бронзовое не орнаментированное зеркало, серьга в форме «знака вопроса» (с петлей и жемчужиной на стержне), фрагмент чаши и рельефная пластина (от крышки колчана?) с фигурой свернувшегося трехпалого дракона.

Также исследователь приводит данные еще о двух поясах, в контексте моей темы как бы выходящих за рамки кочевнической культуры. Один обнаружен на городище средневекового Увека в семейной усыпальнице в форме мавзолея в погребении с северо–восточной ориентировкой⁷⁹, второй – на Селитренном городище, в слое разрушенной мечети конца XIV в., (Крамаровский, 2001).

По результатам сравнительно-статистического и статистико-корреляционного анализа кочевнических погребений, содержащих поясную гарнитуру, а также другие категории вещей, проведенного Р.Р.Каримовой, становится очевидной наиболее тесная корреляция поясов с предметами вооружения ($Q = 0,864$ или 86,4%). Причем, именно с предметами вооружения повышенную тенденцию встречаемости обнаруживают пояса из золота и серебра (1,1), тогда как пояса из недорогоценных металлов такую же повышенную тенденцию

⁷⁸ Как указывалось выше, я стараюсь включать в свою базу данных главным образом те кочевнические погребения, в которых возможно проследить детали погребального обряда.

⁷⁹ Явно не мусульманском.

встречаемости (1,2) обнаруживают в погребениях, где предметы вооружения отсутствовали (Каримова, 2013, с.61, 160-161, табл. 51 и 52). Таким образом, пояс, украшенный металлической гарнитурой, у кочевников Золотой Орды, как, впрочем, и у других, более ранних кочевников Степной Евразии, **являлся маркёром социального статуса мужчины-воина**. Этот вопрос можно считать «закрытым».

Применительно к нашему материалу, поясов, очевидно, а priori не могло быть много, поскольку в кыпчакско-половецкой среде – основное население золотоордынской степи – до монгольского завоевания традиция восприятия пояса, как статусного маркёра, была подзабыта, а в социальной практике монгольских (и золотоордынских) ханов вручение пояса приобрело уже характер награждения. И не всех, а избранных (Крамаровский, 2001).

Аналогичными маркёрами, но теперь уже социального статуса женщины-кочевницы (по Р.Р.Каримовой) являлись перстни, браслеты, цилиндрические подвески-амулеты (коранницы), серьги. Среди них браслеты и перстни обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в погребениях с предметами из золота (соответственно, 1,9 и 1,7) (Каримова, 2013, табл. 20 и 28). Серьги такой тенденции не обнаруживают, ниже будет сказано – почему.

Как, безусловно, погребения кочевой знати рассматривают исследователи захоронения с остатками одежды из дорогих тканей в могильнике Вербовый Лог VIII, Токовское, Маячный бугор и «Высокая гора»(Власкина и др., 2006; Васильев, 1998; Кравец и др., 2000; Крупа, 2008).

Заслуживающая внимания деталь: если бы в указанных погребениях не сохранились фрагменты одежды, то и тогда, по составу сопровождающего инвентаря, они, в общем-то, тоже могли бы считаться не рядовыми. В женских погребениях могильника Вербовый Лог VIII были найдены золотые пуговицы и серьга, серебряный

браслет, серебряный с позолотой амулет-коранница, сердоликовая и хрустальные бусины, серебряный перстень, бронзовые зеркала. В мужском – берестяной колчан со стрелами и кольчуга. И, конечно же, во всех трех погребениях находились остатки чучела коня (череп и кости ног), взнузданного и оседланного.

В погребении Маячный бугор, кроме остатков богатого халата, находились серьга а виде знака вопроса, перстень, монета и головной убор – бокка.

В погребениях могильника «Высокая гора» найдены: детали конской сбруи (стремена, удила), берестяной колчан со стрелами, кольцевидная серебряная серьга, шлем с кольчугой и целый «гвардейский» пояс – в мужском погребении; серьга в виде знака вопроса, ожерелье из бус, серебряный браслет, зеркало, амулет-коранница – в женском. В обоих погребениях присутствовали также медные чаши.

Представим себе такую ситуацию: мы целенаправленно ищем погребения кочевой знати по их внешним признакам (размеры и конструкция надмогильного сооружения) с целью именно их исследования. Напрямую этого сделать не удастся (или, по крайней мере, пока не удалось). Выделить по внешним признакам среди массы кочевнических погребений статусные не представляется возможным. Курганы кочевников Золотой Орды предстают перед нами или в виде едва заметных земляных насыпей-курганов, утративших со временем свою визуальную выразительность, или в виде затерявшихся среди степной травы каменных выкладок-набросок⁸⁰.

Сырцовые и кирпичные оградки-«мазары» также предстают перед нами в виде невыразительных земляных всхолмлений, но вот их

⁸⁰ Во время раскопок могильника Хабарный I на правобережье среднего течения р.Урал в 1984 г. одна из таких выкладок, содержащая могилу, не самую бедную инвентарем, все время оказывалась под экспедиционной машиной. Обнаружили мы ее только тогда, когда могильник был исследован и трава, покрывавшая его площадку, была вытоптана и пожухла.

вскрытие уже позволяет делать некоторые выводы социального контекста (табл. 12).

Таблица 12.

Соотношение конструкции надмогильного сооружения и состава погребального инвентаря в курганах кочевников Золотой Орды

№п/п	Могильник	№ погребения	Вещи
<i>Сырцовые оградки</i>			
1.	Бахтияровка II	41	пояс
2.	Бахтияровка II	48	нож, шило
3.	Бахтияровка III	99	монета
4.	Колобовка	1	монета
5.	Колобовка	2	монета
6.	Лебедевка VIII	1	без вещей
7.	Озеро Раим	14	кольцевая серьга, бубенчик, бусы, бокка
8.	Мокринский I	13	бубенчик, монета
9.	Мокринский I	14	серьга в виде знака ?, бубенчик, перстень, бокка, амулетница, монета
10.	Мокринский I	15	без вещей
11.	Зауморье	7, погр.1	нож, кресало
12.	Зауморье	7, погр.2	монета
13.	Малаяевка	7	серьга в виде знака ?, бубенчик, бусы, зеркало, нож, ножницы, пряслице
14.	Целинный I	73	удила, стремяна, колчан, стрелы, пряжка, нож
<i>Кирпичное сооружение</i>			
15.	Мокринский I	10	серьга в виде знака ?, бусы, бокка, монета
16.	Семенкин	40	кольцевая серьга, перстень, бокка
17.	Семенкин	25	удила, стремяна, стрелы, колчан с накл., пряжка, нож, кресало, медный сосуд
18.	Ровное	11	топор, серьга в виде знака ?, мотыжка
19.	Мокринский I	11	серьга в виде знака ?, бусы, бокка, амулетница
20.	Мокринский I	16	бубенчик, бусы, бокка, амулетница,
21.	Маячный бугор	мавз олей	серьга в виде знака ?, перстень, бокка, монета

Здесь мы вплотную подошли к проблеме аутентичности археологического материала понятию «золотоордынская знать» и степени репрезентативности ее через имеющиеся артефакты. То, что знать существовала в природе – факт, который было бы просто нелепо подвергать сомнению. Но вот если опять отрешиться от сведений письменных

источников и сосредоточиться на формальных археологически фиксируемых признаках социальной иерархии кочевников Золотой Орды, картина получается очень нечеткая. Выше были приведены данные о кочевнических погребениях, которые по своим признакам могут быть ассоциированы с захоронениями знатных ордынцев. Но, если по большому счету, что в сопровождающих их вещах такого уж статусного? Да, усложненные конструкции надмогильных сооружений, скорее всего, указывают на нерядовое место погребенных в них индивидов в золотоордынском обществе. На него же указывают и упоминавшиеся выше «всаднические» погребения. Вместе с тем, сопровождающие их вещи, взятые каждая по отдельности, в чем выражается их статусность? Пояс из кургана 41 Бахтияровского II могильника – вещь, безусловно, статусная. И из всей массы золотоордынских кочевнических погребений целые поясные наборы найдены только в 1,7% погребений. Затем по возрастающей стоят амулет-коранница, перстень, бубенчик-пуговица, серьга в виде несомкнутого кольца и т.д. (рис.14).

Степень статусности перечисленных выше предметов каждый из исследователей волен определять сам, мне же, например, представляется, что предметы, чья частота встречаемости в кочевнических погребениях превышает 10%, могут считаться таковыми весьма условно.

На другом конце этого социально-имущественного вектора (как он выстраивается по формальным археологически фиксируемым признакам) находятся погребения «бедняков», из всех вещей содержащих только железный нож. Они составляют 5% от общего количества учтенных мною кочевнических погребений Золотой Орды (от 1179 погребений). Конечно, экстраполировать эту статистику на реальное соотношение количества «бедняков» и «богачей» в Золотой Орде – занятие бессмысленное, не дающее никакого результата в плане расширения наших представлений о социальном устройстве кочевников этого государства. Но то, что погребенные в этих бедных могилах люди стояли на самом низу социальной лестницы, с одной стороны, вроде бы как непреложный факт, поскольку среди них нет ни

одного погребения с усложненным обрядом. Но с другой стороны, среди них имеются погребения «всадников» с конским чучелом (Аткарский, п.5; Новоорский II, к.1; Осадная Балка, к.1; Кара-Оба, к.6; Зауморье) или сбруей (Верхне-Погромное, к.9,14; Бахтияровка II, к.54, 75; Петровский, к.1; Худай-Берген IV, к.6; Джангала (Нов.Казанка), к.3; Кисловодск, к.1; о.Песчаный, к.8; Чауш, к.13; Степной, к.2; Башкир-Беркутово, к.1). Кроме того, погребенные в Башкир-Беркутовском кургане №1; Бахтияровском II №75; были захоронены еще и в колодах, а в погребении Зауморье – в дощатом гробу – тоже, в общем-то, стоившие каких-то денег изделия. А если они еще были и одеты в парчу и шелк, истлевшие в прах? О такой возможности свидетельствует, например, погребение из кургана №9 могильника Волошино в Полтавской области, где из вещей найден только железный нож, но зато сохранились остатки костюма из «высокосортных импортных тканей». Исследователи памятника интерпретируют его как погребение члена семейства (дочери) одного из представителей золотоордынской улусной администрации (Супруненко, Маевская, 2010, с.312).

А поскольку в абсолютнейшем большинстве случаев, из-за отсутствия эмпирических данных, мы можем только *гипотетически* реконструировать костюм, в своем воображении «сшивая» его из каких угодно тканей и придавая ему какой угодно фасон. Пример подобной реконструкции, на мой взгляд – методически выдержанный и эмпирически наглядный и убедительный дает нам Р.Р.Каримова в серии своих реконструкций убранства женского костюма кочевников Золотой Орды (Каримова, 2013, рис.38-45). Показательно, в частности, то, что исследовательница «одела» своих персонажей в халат одного и того же кроя и расцветки, чем лишний раз подчеркнула отсутствием очевидной связи «статусной» вещи с реальным статусом ее владельца (владелицы). Как и то, что все «статусные» вещи – зеркало, бусы, серьги, перстень, бокка, сумка – будут восприниматься столь же «статусно» и при одежде любого фасона. То есть, это может быть одежда любая, в т.ч. и традиционная для данного этнокультурного сообщества. Тем

более, что та же самая эмпирика, похоже, дает нам примеры устойчивости традиционных фасонов и кроя одежды перед натиском привнесенной («имперской») моды (Доде, 2005, с.307).

Таким образом, если продолжать оперировать только археологическими данными, доступными нам эмпирически, то имущественная и социальная структура кочевников Золотой Орды предстает перед нами довольно расплывчато. Те предметы, которые принимаются нами как социально статусные, в своем внешнем восприятии выглядят вполне скромными и невыразительными (см. табл. 12). «Всаднические» погребения хотя и указывают на какое-то имущественное расслоение, но насколько оно было аутентично месту индивида в социальной иерархии и какие социальные возможности это место предоставляло занимавшему его субъекту – на этот вопрос мы ответа, вероятнее всего, не получим никогда.

И здесь не помогут и имеющиеся письменные источники, авторы которых по сути и не интересовались вопросом – кто есть кто в кочевнической степи: выданная в ханской канцелярии пайцза (а это или ханская ставка, или город) открывала им все дороги. А визуально все кочевники, во что бы они ни были одеты, запыленные, пропахшие лошадиным потом и кумысом, для европейца или халифатского мусульманина-горожанина смотрелись одинаково непрезентабельно.

Что касается богатства, то любой кочевник-орат, владевший несколькими десятками овец и косяком лошадей (10-15 голов), по сравнению с европейским, персидским или китайским крестьянином, сутками горбтившимся на клочках арендованной земли, иноземным путешественникам представлялся едва ли не Крезом.

Наконец, жилища кочевников, юрты или кибитки. Обращая внимание на размеры богатых юрт, европейские путешественники практически ничего не пишут об их внутреннем убранстве. Оно и понятно: по сравнению с каменными или фахверковыми домами европейских горожан-бюргеров, рыцарскими замками или азиатскими домами-усадебками жилище кочевника-

степняка по своей комфортности в восприятии горожанина явно проигрывало: неистребимый запах кизячного дыма от очага и овечьей шерсти от войлочных стен и кошм, отсутствие мебели, сквозняки по полу⁸¹.

Считать саблю, шлем и доспех/кольчугу элементами «имперской культуры» Золотой Орды также представляется сомнительным. Во-первых, все эти предметы вооружения были хорошо известны кыпчакам/половцам домонгольского периода, у которых они встречаются даже чаще, чем у кочевников Золотой Орды⁸², и у которых, как мы знаем, никакой «имперской культуры» не было; во-вторых, почти половина из известных в золотоордынских погребениях сабель (23 из 57) и треть доспехов (11 из 31) найдены на Северном Кавказе. Что заставляет искать иные варианты социокультурной трактовки этих предметов.

Таким образом, «имперская культура» Золотой Орды, в том виде, как она представлена в археологической эмпирике – изначально имела дуалистический характер. Один ее компонент – культура золотоордынского города с ее усадьбами, изразцами, гончарной кашинной и поливной керамикой⁸³, ремеслами⁸⁴ и другими, уже археологически не фиксируемыми элементами: арабскими звездочетами, персидскими стихами и мусульманской духовной ученостью, толкователями Корана, математиками и астрономами, изысканно тонким орнаментом и каллиграфией (Г.А.Федоров-Давыдов).

Второй – культура кочевой золотоордынской степи, состоящая, по сути, из нескольких категорий вещей, принесенных монголами с востока (?) и в

⁸¹ Автору довелось некоторое время жить в натуральной казахской юрте летом 1986 г. в степях Западного Казахстана, в башкирской юрте поздней осенью 1996 г. в степях Южного Зауралья и посетить юрту «ханши Тайдулы» недалеко от городища Селитренного (Сарай-Бату) осенью 2011 г. Бутафорскую, конечно, но сделанную из натуральных материалов.

⁸² Сабля – в 31,6%, доспех – в 8,6% от 335 погребений (Иванов и др., 2014, с. 342, табл.2). Аналогично, по данным А.В.Евглевского и Т.М.Потемкиной, из 135 исследованных ими сабель к периоду Золотой Орды относятся только 34% клинков (Евглевский, Потемкина, 2000, с.146).

⁸³ Которая в курганах кочевников Золотой Орды в степях Восточной Европы вообще представлена в единичных погребениях – 15 экз. – разбросанных на обширной территории от Днепра (Макеевка, Черевков) до Волги (Абганерово III, Бахтияровка II).

⁸⁴ Из которых наиболее осязаемым пока является только гончарство, благодаря исследованным мастерским с горнами.

XIII-XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы, полностью утратив свою этничность. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью, железные плоские наконечники стрел-срезни, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор-бокка. Ни одна из перечисленных категорий вещей за пределами собственно кочевнических территорий Золотой Орды в массовом количестве не встречается.

То есть, если в кочевнических погребениях они встречаются достаточно часто, то в материалах золотоордынских городов перечисленные предметы хотя встречаются тоже, но в таких количествах и ситуационных описаниях, по которым можно только судить о том, что они там или производились (бронзовые зеркала, железные наконечники стрел) (Федоров-Давыдов, 1994), или присутствовали в качестве орудия погрома (наконечники-срезни из Биляра – 41 экз., и Золотаревского поселения – 49 экз.) (Руденко, 2003, с.69-71; Белорыбкин, 2001, с.116-125).

Таким образом, есть достаточно оснований полагать, что понятие «имперская культура Золотой Орды» хотя и обозначено, но пока еще не проработано настолько, чтобы быть принятым на вооружение безоговорочно, поскольку «не согласовано» с имеющимся археологическим материалом. Поэтому тезис Ю.А.Зеленева о том, что «в настоящее время под термином золотоордынская культура понимается, в первую очередь, культура золотоордынских городов...» (Зеленев, 2007, с.167) как нельзя более адекватно отражает реальное восприятие современными исследователями этого понятия. Хотя сам исследователь здесь же отмечает, что «не нужно забывать, что эта культура сложилась в государстве, **в котором подавляющая часть населения являлась кочевниками** (выделено мной – В.И.)» (Там же, с.167). Мне к этому добавить нечего.

Глава 4. РЕЛИГИЯ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Конфессиональная история Золотой Орды (Улуса Джучи), в том виде, как она представлена в современных исследованиях, выглядит неким «двуликим Янусом»: с одной стороны – отчетливо, едва ли не до деталей проработанный лик ислама, изначально городской религии этого государства, с другой – расплывчатый силуэт кочевнического язычества. Подробная историография первого дана в соответствующих исследованиях (Измайлов, 2006, с.53-59; Васильев, 2007, с.39-61), что делает излишним ее повторение здесь. На втором же следует остановиться подробнее.

Несмотря на то, что Золотая Орда изначально была государством, в котором кочевнический этнокультурный пласт занимал большое (если не основное) место, его конфессиональный портрет в современных исследованиях дается, как правило, в виде исторического (вне археологии) дискурса (Малов и др., 1998, Гл. II). Что, фактически, является не более чем расширенным вариантом тезисов П.Голдена и Г.А.Федорова-Давыдова об устойчивости традиционной религии – шаманизма, тенгрианства – среди золотоордынских кочевников (Golden, 1996, p.215; Федоров-Давыдов, 1998).

Исключением являются несколько работ В.П.Костюкова, посвященных интерпретации археологических памятников кочевников Южного Урала XIII-XIV вв. именно в контексте их этноконфессиональной идентификации. В одной из этих работ исследователь раскрывает языческую сущность кургана у «Третьго Плеса» в Южном Зауралье, трактуя его как захоронение шамана (Костюков, 2007). В других, также на материале кочевнических погребальных памятников, предпринимает попытку выделения среди оставившего их населения последователей мировых религий – ислама (Большеказакбаевский могильник), буддизма (Сарбулат 2, Маячный I и II), ламаизма (Солнце-Талика) и даже несторианства (Каменный Амбар II) (Костюков, 2006, с.444-457; 2009, с.227-228; 2008, с.204; 1994, с.156).

По каким признакам обряда В.П.Костюков идентифицировал перечисленные памятники с той или иной конфессией? Мусульманская принадлежность – неглубокие могилы, отсутствие сопровождающего инвентаря, западная ориентировка погребенного, поворот его лица на кыблу (не во всех, правда, случаях); буддийская – южная ориентировка погребенного, следы действия огня в могиле, вкладывание в рот умершего монеты или украшения, наличие матерчатого лицевого покрытия; несторианская – положение рук погребенного скрещено на груди, остатки надмогильных сооружений – «домиков» или «пирамид»; ламаистская – следы столбов вокруг могилы, на которых вывешивались шкуры жертвенных лошадей, установка каменных стел по углам могилы.

Вместе с тем, в ходе решения проблемы конфессиональной идентификации кочевнических погребений Золотой Орды, В.П.Костюков пришел к выводу о том, что «о конфессиональной ситуации, сложившейся на территории Улуса Джучи в XIII веке, на археологических материалах определенно высказаться невозможно» (Костюков, 2006, с.451). Полностью поддерживая этот вывод, я, тем не менее, считаю возможным попытаться проследить, какие массовые и устойчивые признаки погребального обряда могут указывать/указывают на проявление тех или иных религиозных представлений, существовавших и сохранявшихся среди кочевого населения Золотой Орды в течение XIII-XIV вв.⁸⁵ А отправным моментом для нас может быть только конфессиональный «портрет» кочевников, составленный на основе средневековых нарративов и принятый в современной историографии.

Начнем последовательно с нарративов. В Великой Ясе Чингисхана (1206 г.) определенно указано, с одной стороны, на язычество, с другой – на религиозную толерантность монголов: «Поелику Чингисхан не повиновался

⁸⁵ Считаю нелишним напомнить, что мы имеем возможность оперировать археологическим материалом, все еще имеющим достаточно широкую датировку – XIII-XIV вв. То есть (что для нас особенно интересно), все доступные археологической фиксации проявления в погребальных и иных кочевнических памятниках тех или иных религиозных представлений а priori охватывают время как до официальной исламизации Золотой Орды, так и после нее.

никакой вере и не следовал никакому исповеданию, то **уклонялся он от изуверства и от предпочтения одной религии другой, и от превозношения одних над другими** (здесь и ниже выделено мной – В.И.)... Дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению: одни наложили ислам [на выи свои], другие пошли за христианской общиной, **некоторые избрали почитание идолов, а еще некоторые соблюли древнее правило дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких мало осталось**. Хоть и принимают они [разные] веры, но от изуверства удаляются и **не уклоняются от Чингисхановой Ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать**» (Джувейни, 2009, с.465).

О почитании монголами «единого Бога – Творца», идолов, его олицетворяющих, солнца, луны и звезд, земли и воды, вере в очищающую и защитную силу огня и жертвоприношениях духам сообщает Плано Карпини (Путешествия..., 1957, с.28-29). Его дополняет Г.Рубрук, описавший обряды жертвоприношений духам природы и душам умерших предков: «...И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, **сторожем всего дома** (здесь и ниже выделено мной – В.И.). Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, **они сперва обрызгивают**

напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад, для выражения почтения к воде; на север они кропят (*prohiciunt*) в память умерших» (Путешествия..., 1957, с.94).

О языческом божестве – хранителе всего земного (Начигай) – его жене и детях, идолах, их олицетворяющих, жертвоприношениях им, вере в бессмертие души и духов предков сообщает и Марко-Поло (1275-1291): «А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов — перед ним; и им также молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовую дверь и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить... Душу они считают бессмертной в том смысле, что тотчас после смерти человека она переходит в другое тело; смотря по тому, жил ли человек хорошо или дурно, душа переходит от хорошего к лучшему или от дурного к худшему. Если это был бедный человек и вел себя при жизни хорошо и скромно, то он после смерти возродится от дворянки и сам будет дворянином; потом он родится от государыни и будет государем; поднимаясь все выше и выше, он, наконец, доходит до Бога. Если же он вел себя дурно, то он, если был сыном дворянина, возрождается как сын крестьянина, потом возрождается собакой и спускается к все более презренной жизни» (Путешествия..., Гл. LXX, CIV).

Указанные нарративы легли в основу серии историко-конфессиологических дискурсов, среди которых наиболее подробным

является большая статья П.Голдена, опубликованная в англоязычном и русскоязычном вариантах (Golden, 1996; Голден, 2008). В этой статье исследователь описывает этноконфессиональный облик кыпчаков-половцев, таким, каким он представляется ему на основании сведений средневековых нарративистов – П.Карпини, Г.Рубрук, Ж.Жуанвиль, ал-Омари, Ибн Арабшах и др. – проявления анимизма, шаманизма, культа предков, наличие среди кыпчаков христианских, мусульманских и иудаистских общин. Общая оценка этноконфессионального облика населения Дешт-и-Кыпчак выражена в двух выводах автора: первый – «язычество было доминирующей религиозной ориентацией кыпчакских племен накануне монгольского завоевания»; второй – «...мы не можем найти никаких упоминаний о массовых переходах (кыпчаков – В.И.) в ислам, аналогичных тем, которые обусловили усиление государства Караханидов... ислам, который, в конечном счете стал религией подавляющего большинства кыпчаков и их различных потомков в среде тюркских народов, был в значительной степени введен государством...» (Голден, 2008, с.325, 329).

Как и должно следовать «по закону жанра», один дискурс вызывает «цепную реакцию» аналогичных дискурсов. В своей недавно вышедшей монографии, посвященной истории кыпчаков-половцев домонгольского периода, Я.В.Пилипчук, синтезируя весь комплекс сведений средневековых нарративистов и современных исследователей о кочевниках вообще, рисует этноконфессиональную картину Дешт-и-Кыпчак, в которой выделяет:

Язычество, состоящее из *поклонения высшему богу Тенгри*, который «считался творцом мира» и который «вместе с Умай были божественной парой, которая создала мир»; *шаманизма* – «в мире людей посредником между мирами считался жрец – *qam*»; *анимизма* – «куманы занимались астрологией и поклонялись звездам»; *тотемизма* – «у кочевников образ волка был позитивным и сакрализованным..., важное место в религии кыпчаков занимали собаки..., также был сакрализован образ дракона...»; *культа предков* – «кыпчаки чтили предков и в их честь воздвигали каменные

статуи и насыпали курганы..., приносили пленных в жертву духам своих умерших..., образ предка был сакрализован и соблюдение обычаев предков было обязательным».

Мировые религии, которые, по мнению исследователя, проявлялись в том, что тюрки-христиане⁸⁶ жили в Судаке и, возможно, их «было немало и в других городах Северного Причерноморья». А priori «христианство должно было распространиться среди кочевников Крымского полуострова», во время их пребывания в Болгарии (Балканской) и Грузии, где «христианизация кыпчаков прошла довольно быстро». Правда, не смотря на это, «христианизация у кыпчаков приобрело синкретическую форму. В нем было очень много от традиционных языческих верований... Христианский Бог был воспринят кочевниками как еще один из небесных покровителей, а погребальный обряд так и не был трансформирован. Вместе с вождем погребали его богатство и слуг, а также вывешивали шкуры коней».

Такой же синкретичный характер, как считает В.Я.Пилипчук, имел и кыпчакский ислам, проявлением которого он, вслед за В.П.Костюковым, считает безинвентарные погребения с западной ориентировкой в Южном Приуралье и Казахстане. Но поскольку эти данные явно не аутентичны проводимой автором идее ранней исламизации кыпчаков-половцев, далее он обращается к пространному изложению языческих пережитков в погребальном обряде казахов, волжских булгар и истории принятия и утверждения ислама в Улусе Джучи. Общий вывод автора традиционен: хотя ислам к моменту образования Улуса Джучи имел в степях продолжительную историю, но окончательная его победа в степях произошла уже в конце существования Улуса Джучи (Пилипчук, 2015, с.64-99).

Для полноты картины нам остается только проследить, в каком виде и объеме религиозные верования кочевников Золотой Орды, можно сказать,

⁸⁶ Не смотря на то, что «точных данных относительно численности христианского населения степей Дешт-и-Кыпчак просто нет» (Пилипчук, 2015, с.65).

исчерпывающе освещенные в соответствующих нарративах и дискурсах⁸⁷, отражаются в археологических материалах – источнике, в контексте рассматриваемой темы, хотя и мало информативном, но и ограничивающим простор для вольных трактовок.

Прежде всего⁸⁸ - это, надо полагать, жертвоприношения духам – обряд, который европейские путешественники – В.Рубрук, П.Карпини, Жуанвиль, И.Барбаро – стабильно фиксировали у кочевников Восточной Европы.

Следами почитания духов (анимизм), по-видимому, могут быть находки костей животных и фрагментов глиняной посуды в насыпях курганов (11,3% и 2,0% погребений, соответственно). Подобные находки встречаются повсеместно, от Алтая до Днепра, иногда в комплекте «кости+керамика» (оз.Раим, к.14; Мокринский, к.12 и 16; Бахтияровка II, к.68, 72 и 75; Бахтияровка III, к.85; Балымерский, к.1-4; Афанасьевский, к.6; Благодатный, к.2; Новониколаевский, к.2; Маляевка, к.6). Причем, в Балымерских курганах таковыми костями являются конские черепа (курганы №№ 1,3,4 (Руденко, 2009, с.289-290), которые, вполне возможно, связаны с обрядом жертвоприношения богу неба Тенгри (Бойл, 2008, с.307). Подобные находки мы а priori трактуем как следы заупокойной тризны, упуская из вида то обстоятельство, что средневековые нарративисты об этом действии кочевнического погребального обряда почему-то не упоминают вообще⁸⁹. Тогда как жертвоприношения духам у кочевников европейские путешественники – в частности, И.Барбаро – наблюдали еще и в XV в.: «Однажды, находясь в орде, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо.

⁸⁷ Действительно, что еще тут можно добавить?

⁸⁸ В смысле археологической эмпирики – что в первую очередь обнаруживается при раскопках кочевнических курганов.

⁸⁹ Я.В.Пилипчук, со ссылкой на П.Голдена, утверждает, что «на могилах умерших кыпчаки оставляли кумыс и мясо» (Пилипчук, 2015, с.87). Но американский исследователь, в свою очередь, цитирует Г.Рубрука, который сообщает о том, что «они поставили перед ним (умершим – В.И.) для питья кумыс, а для еды мясо...» (Путешествия..., 1957, с.102). То есть, речь идет о заупокойной пище, а не о поминальной тризне. Вот еще один пример превращения дискурса в нарратив.

Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuth peres», т. е. язычниками. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он же ответил: «Хо, хо! их много, но они скрываются» (Барбаро, 1836, §26).

Шаманизм – как раз та разновидность кочевнического язычества, следы которого на археологическом материале проследить очень трудно. Причина этого, на мой взгляд, кроется в том, что сам социальный статус шамана не предполагает (или не предполагал) какого-то особого его обозначения в потустороннем мире. Ведь в отличие от светского вождя (хана, например, или нойона), уже обладавшего некоей сакральностью по самому факту своего рождения от отца, имевшего соответствующий ранг, шаман-«кам» - это член социума, не совсем обычная, но все-таки органичная его единица. Вождь-хан обществом руководит, шаман-«кам» оказывает обществу соответствующие «услуги», потребность в которых возникает по мере надобности в них: «Какой бы важной ни была роль шаманов в религиозной жизни Средней и Северной Азии, все-таки она остается ограниченной. Шаман — не жрец, приносящий жертвы: "в его компетенцию не входит присмотр за дарами, приносимыми в определенное время в жертву богам воды, леса и семьи". Как уже отметил Радлов, на Алтае шаман не имеет никакого отношения к церемониям рождения, бракосочетания или погребения — по крайней мере если не случается ничего необычного: так, например, шамана призывают в случае бесплодия или трудных родов. Далее на север шамана иногда приглашают на погребение, чтобы душа покойника не возвращалась; он также присутствует при бракосочетаниях, чтобы защитить молодоженов от злых духов. Но, как мы видим, его роль в этих случаях ограничивается магической защитой.

Зато шаман оказывается незаменимым в каждой церемонии, касающейся переживаний человеческой души как таковой, как непостоянной психической единицы, которая может покидать тело и становиться легкой добычей демонов и колдунов. Именно потому во всей Азии и Северной Америке, а

также в других регионах (Индонезия и т. д.) шаман выполняет функцию знахаря и целителя; он ставит диагноз, ищет беглую душу больного, хватается ее и снова соединяет с телом, которое она оставила. Именно он провожает душу умершего в Преисподнюю, ибо он является истинным проводником душ» (Элиаде, 2000, с.103). Аналогично оценивают этнографы роль и место шамана в общественной жизни южносибирских тюрков: «Шаман требовался лишь тогда, когда молитва адресовалась высшим небесным и подземным духам... Большая часть известных нам материалов убеждает в необязательности участия шаманов в тайге (родовое жертвоприношение – В.И.)... Возможно, некогда шаман просто не вписывался в структуру общественных молений. Это был родовой ритуал, и проводило его лицо, возглавлявшее родовой коллектив» (Сагалаев, Октябрьская, 1990, с.84-86).

Что на практике выделяет шамана из общей толпы соплеменников? В первую очередь – «шаманская триада»: бубен, колотушка, маска или еще какие-то дополнительные детали его костюма, типа привесок, нашивок и т.п. Ясно, что археологически они либо не фиксируются, либо – детали костюма – нами не воспринимаются адекватно. Первым на это обратил внимание В.П.Костюков – тонкий аналитик и интерпретатор археологического материала – на примере одиночного кургана у «Третьего Плеса» в степном Зауралье. Обратив внимание на расположение 14-ти серебряных пластинок, исследователь пришел к выводу о том, что, во-первых, они представляют собой нашивки на костюм, во-вторых, по аналогии с сибирскими этнографическими материалами, он интерпретировал их как детали убранства шаманского костюма (Костюков, 2007). Украшения подобного рода в других кочевнических погребениях XIII-XIV вв., действительно, нигде больше не встречаются. Что дает нам основание присоединиться к точке зрения В.П.Костюкова относительно предложенной им этноконфессиональной интерпретации кургана у «Третьего Плеса».

С шаманизмом же, очевидно, связаны и находки в погребениях серебряных силуэтных человеческих фигурок-*онгонов*. Традиционно они

считаются типично золотоордынским элементом культуры, но фактически они найдены только в трех погребениях: Слобода Рудня, к.40; Котовка III, к.4 и 5. Здесь мы также обратимся к мнению специалистов в данной области, которые рассматривают *онгоны* как своеобразные минимаркеры шаманской субкультуры. Подобные минимаркеры, в современной интерпретации традиционных бурятских верований, представляют собой «наглядное отражение переживаний и чувств их предков – основателей рода. Психологическая составляющая обрядовых действий с *онгонами* показывает стремление к осознанию идентичности с определенными людьми, презентацию этничности, привязку к местности – действующие составляющие комплекса маркеров пограничных культур... Минимаркеры – *онгоны* – «растолковывали» членам родового сообщества истоки и корни их самобытности, отличие от других бурятских родов. Каждый человек посредством визуализации маркеров окружающего пространства (окрестности селения, обстановка жилых помещений и хозяйственных построек) **мог идентифицировать себя и окружающих как членов определенного рода, что было важно для мироощущения человека, его этнической и культурной идентификации** (выделено мной – В.И.)» (Михайлова, 2013, с.135-136).

В этом плане полезно будет взглянуть на имеющиеся в нашем распоряжении *онгоны* в контексте тех погребальных комплексов, частью которых они являются⁹⁰.

Курган у Слободы Рудня (Средняя Волга, р.Медведица) – захоронение под земляной насыпью, в которой найдена птичья кость (жертва духам?). Могила с подбоем, перекрытым вертикальными плахами. У входа в подбой – скелет взнузданного и оседланного (стремена) коня. Погребенная уложена в дощатый гроб, головой на запад, одета была в шелковую одежду. На голове – бокка, украшенная серебряными пластинками и бусинами. Вещи: две серьги в виде знака вопроса, зеркало и гребень в матерчатом кисете, серебряный

⁹⁰ Как это сделал В.П.Костюков на материале кургана у «Третьего Пlesa».

амулет-«коранница», ожерелье из бусин, бронзовая чашечка у ног, *онгон*, вырезанный из серебряной пластинки – на груди. В заполнении могилы – монета хана Кульны (1353-1360 гг.) (Гарустович и др., 1998, с.126-127).

Котовка III, к.4 (Левобережная Украина, Днепропетровская обл.) – захоронение под земляной насыпью, содержащей остатки деревянной конструкции (повозка?), в подбойной могиле со ступенькой у входа в подбой, подбой перекрыт вертикальными плахами. Погребенный помещен в колоду, ориентирован на запад. Сопровождающие вещи: стремя, стрелы в берестяном колчане, наконечник копья, бусина, нож, кресало, *онгон*, вырезанный из серебряной пластинки, в сумке, навершие нагайки.

Котовка III, к.5. Насыпь земляная со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок, на которые опиралось дощатое перекрытие. Погребенная помещалась в дощатом гробу, головой на запад. Вещи: удила и стремя, кольцевидная серьга, пуговица-бубенчик, бокка, *онгон*, медная чашка (Шалобудов, 1982). По показателям корреляции Пирсона, *онгон* ни с одной из сопутствующим ему в указанных погребениях категорий вещей устойчивой корреляции не обнаруживает.

Погребальный обряд перечисленных памятников и ассортимент вещевого инвентаря уже сами по себе указывают на то, что погребенные в них люди обладали каким-то статусом в кочевническом обществе Золотой Орды. Если не социальным, то, по крайней мере, имущественным (остатки шелковой одежды в курган у Слободы Рудня). Хотя, с другой стороны, одно с другим было связано непосредственно. И в данном случае *онгон*, очевидно, как раз и мог служить идентификатором принадлежности его обладателей к какому-то роду: монгольскому, поскольку у кыпчаков-половцев *онгоны* не известны или половецко-монгольскому, поскольку все остальные элементы погребального обряда в половецких погребениях домонгольского периода также присутствуют.

Культ предков – это, фактически, весь комплекс признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды. С ним связаны все

археологически фиксируемые элементы погребального ритуала, начиная от помещения в могилу вместе с покойным набора вещей, принадлежащих ему при жизни, и кончая оформлением могилы с той или иной степенью сложности. В предыдущей главе мы пытались обозначить тот ассортимент вещей, которые могут указывать на социальный статус погребенного. Но если там еще могут возникать какие-то сомнения в аутентичности вещи и места человека в социальной иерархии, то присутствие вещей в могиле и культ предков – явления неразрывно связанные.

Более того, сама предполагаемая статусность вещи, очевидно, была обусловлена именно тем, что она предназначалась для ублажения души усопшего его родственниками и близкими. Поэтому в могилы помещали вещи, которые, с прагматической точки зрения, были дороги и могли бы еще служить оставшимся на «этом свете». Наглядный пример – немногочисленные⁹¹, но очень выразительные находки остатков дорогих одежд в кочевнических погребениях Золотой Орды. Это – шелковые халаты, вытканые золотым орнаментом из могильника Джухта-2 и Вербовый Лог VIII (Доде, 2001; Власкин и др., 2006); такой же халат в «полуязыческом» погребении в сырцовом мавзолее на Маячном бугре (Васильев, 1998); златотканые парчовый и шелковый халаты из кургана «Токовские могилы» (Крупа, 2008) и др.⁹²

В контексте почитания душ умерших предков, на мой взгляд, следует рассматривать и *конские захоронения*, сопровождающие погребения золотоордынских кочевников.

Выше были описаны основные типы конских захоронений у кочевников Золотой Орды: шкура коня (череп и кости ног), целая туша (конский остов в могиле), принадлежности конской сбруи без коня. Сейчас нет никаких

⁹¹ Все-таки, как никак, речь идет об археологическом материале с его спецификой «дрейфа во времени».

⁹² Здесь уместно будет вспомнить погребальные традиции монотеистических религий – ислам, христианство, зороастризм – исключаяющих подобные формы проявления почтения к душам умерших.

сомнений в том, что все они своим происхождением связаны с культурой тюркских племен Центральной Азии, где фиксируются уже с середины I тыс. н.э. Семантика конских захоронений на востоке Степной Евразии рассмотрена подробно (Нестеров, 1990, с.59-79). Главный (в контексте нашей работы) вывод исследователя – «жертвоприношение коня кому-либо, под которым чаще и **подразумевается культ коня, культом на самом деле не является** (выделено мной – В.И.). Оно, как и любое жертвоприношение, - лишь составная часть его» (Нестеров, 1990, с.91). Что, собственно говоря, и подтверждается отмеченным выше описанием средневековыми авторами обряда развешивания конских шкур или туш вокруг кургана – это жертвы богу Тенгри, тогда как их помещение в могилу должно было обеспечить хозяину достойное пребывание в «потустороннем» мире (Бойл, 2008). Эта задача и решалась путем укладывания чучела коня (череп и кости ног) или его туши рядом с погребенным (рис. 21). Заслуживающая внимания деталь: в кургане 5 могильника у пос.Урал слева от погребенной в нем женщины лежала только правая половина конской туши с головой, взнузданная и оседланная.⁹³ Такое же конское захоронение, судя по опубликованному плану, было найдено в одном из курганов Ново-Кумакского I могильника (рис. 21, 1,2).

Что же касается мотива коня-тотема, по мнению одних исследователей, присутствующего в тюрко-монгольском эпосе ((Липец, 1984, с.124-139), по мнению других – отсутствующего (Нестеров, 1990, с.92-103), то убедительных доказательств первого мы пока не имеем. Попытка башкирских этнографов А.Ф. и Ф.Ф. Илимбетовых обосновать именно тотемистический характер коня в верованиях башкир имеет существенный недостаток. Авторы приводят широкий круг примеров магической сущности коня, его демонической ипостаси, участия в акциях и актах древних божеств

⁹³ В моей первоначальной публикации данного памятника сказано, что слева от человеческого костяка – полный скелет лошади, взнузданной и оседланной (Иванов, 1984, с.91). Однако когда конские кости были переданы для обработки известному палеозоологу А.Г.Петренко, ее шуточный вопрос был: а куда мы дели левый бок лошади, съели?

и т.п., почерпнутых в мифологии практически всех народов Евразии. За исключением одного – примера указания в тюрко-монгольском эпосе на коня-первопредка. А игнорирование ими в своих построениях многочисленного археологического материала красноречиво говорит о том, что он в предлагаемую исследователями картину не вписывается (Илимбетовы, 2012, с.651-677). Ведь, по логике авторов, погребения с конскими захоронениями, широко представленные у народов Евразийской степи, должны говорить о том, что коня – «тотема-первопредка» - забивали в жертву чуть ли не ежедневно⁹⁴. Не говоря уже о том, что ни одного археологически фиксируемого знака такого тотемизма – конские амулеты – в погребениях средневековых кочевников не встречено.

На этом фоне какой-то неясный пока смысл имеют часто встречающиеся среди инвентаря кочевнических погребений находки принадлежностей конской сбруи – удила, стремяна, седло – но без конского захоронения. Вывод, «лежащий на поверхности» - недостаточный уровень материального благосостояния семьи, не имевшей возможности позволить себе такую роскошь, как забой и захоронение коня (Иванов, 2009). С другой стороны, узда – хотя и традиционный предмет любования и гордости батыра-всадника (Липец, 1984, с.195), но в исследуемом нами материале украшения узды встречаются исключительно редко – 1,2% погребений. В абсолютном большинстве случаев – это просто кольчатые удила и одно или два стремяна. В чем сакральный символизм этих предметов и есть ли он вообще – на имеющемся археологическом материале и данных эпоса понять невозможно. С.П.Нестеров делает вывод о том, что «конская сбруя, положенная в могилу, не была «аналогична конскому захоронению», а предназначалась коню, умерщвленному у могилы в день похорон или поминок или даже умершему раньше и т.д.» (Нестеров, 1990, с.63). Что, в общем-то, не исключает и предложенной мной интерпретации захоронений подобного рода: сородичи

⁹⁴ Чего не позволяли себе народы, для которых какие-то животные действительно являлись тотемами. Например, медведь для финно-пермяков и обских угров, устраивающих «медвежий праздник» всего лишь один раз в году.

решали проблему обеспечения покойного конем вполне прагматично – жертвовали сбрую духу того коня, которого тот встретит «на том свете».

Что-то аналогичное, очевидно, можно предположить и относительно деревянных повозок, детали которых иногда встречаются в курганах кочевников Золотой Орды. Л.В.Яворская приводит данные о 30 подобных погребениях, из которых большинство обнаружены в степях Поднепровья и Нижнего Поволжья (11 и 13 погребений соответственно). Нижневолжские повозки исследовательница датирует золотоордынским временем и связывает их «с новым золотоордынским кочевым населением» (Яворская, 2004). Но в общем-то нет никаких препятствий считать это население кыпчаками-половцами, переселенными в Нижнее Поволжье после образования Золотой Орды. Ибо перечисленные Л.В.Яворской признаки обряда погребений с повозками – земляные курганы, могилы простые, с заплечиками и подбойные, западная и северо-восточная ориентировка погребенных, захоронение шкуры и туши коня – характерны и для половецких погребений. Поэтому тот сакральный смысл, который вкладывают в находки повозок в половецких курганах Поднепровья В.Н.Шалобудов и П.П.Лесничий – «повозка выполняла многоплановую роль и в погребальном обряде, являясь средством доставки тела умершего к месту погребения, престижным погребальным сооружением, «сакрально организующей» внутримогильное пространство» (Шалобудов, Лесничий, 2003, с.301) – вполне может быть распространен и на аналогичные нижневолжские погребения.

Многие исследователи археологической культуры средневековых кочевников считают, что с культом предков непосредственно связаны степные *святилища* – один из наименее изученных и понятых объектов кочевнической археологии. Следует иметь в виду, что средневековые авторы, даже те, кто подробно описывал наблюдаемые ими проявления половецких или монгольских верований, о святилищах ничего не сообщают – похоже,

они их не видели. Поэтому выделение половецких святилищ – это результат источниковедческой работы современных исследователей.

Все исследователи, изучающие святилища, в основу их выделения из общего массива кочевнических памятников кладут наличие в их комплексе каменных или деревянных статуй, которые однозначно ассоциируются с изображениями предков (Плетнева, 1974, с.76; Нарожный, 2003, с.251). Они в большом количестве известны сейчас в степях Восточной Европы, детально типологизированы и хронологизированы (Плетнева, 1974). Благодаря этой хронологизации, прослежена географическая динамика половецких каменных изваяний: для периода, наиболее близкого к интересующему нас времени – первые десятилетия XIII в. – районами наибольшей концентрации каменных изваяний становятся степи Северного Кавказа и левобережного Дона (Плетнева, 1985, с.256). А с учетом более поздних данных (Гарустович и др., 1998, с.218, рис.14) ареал локализации поздних половецких статуй может быть расширен на все Волго-Донское междуречье к северу от современного Волгограда.

Начало археологическому выделению и изучению половецких святилищ было положено М.Л.Швецовым, который, в свою очередь, развил и эмпирически подкрепил идею Г.А.Федорова-Давыдова о наличии возле половецких статуй небольших святилищ, посвященных культу предков (Швецов, 1979, с.199). На материале памятников («курганов») Левобережной Украины – «Текстильщик», Новоселовка, Астахово – исследователь выделил такой морфологический признак этого типа кочевнических памятников, как сочетание статуи и примыкающей к ней каменной площадки-вымостки.

Затем типологическую номенклатуру половецких святилищ расширил С.В.Гуркин, дополнив ее курганами Нижнедонского левобережья. Выделенные автором святилища – Жуковка, Холодный I, Новый, Сагванский, Тузлуковка, Колдыри, Первомайский, Новоалександровка – представляют собой земляные курганы, в насыпях которых в специальных ямах были установлены деревянные статуи со следами жертвоприношений

возле них, окруженные кольцевым или прямоугольным ровиком. Исследователь предлагает и свою интерпретацию данного типа памятников: возникшие уже после монгольского завоевания тайные половецкие святилища (Гуркин, 1987, с.100-109).

Эта идея – распространение у половцев золотоордынского времени тайных святилищ – свое окончательное оформление получила в исследовании Е.И.Нарожного, посвященном сравнительной характеристике каменных изваяний и святилищ Дона и Северного Кавказа. Автор также выделяет святилища двух типов: каменные площадки прямоугольной формы с каменной же статуей, установленной в центре (Первомаевка-I, Львово-II, Ливенцовский VII) и земляной курган, скрывающий яму, в которой была установлена каменная статуя (Чограй-IX, Потайной-II) (Нарожный, 2003, с.245-274).

Памятники типа святилищ известны и в степях Южного Предуралья. Правда, долгое время они не привлекали к себе внимания исследователей. Как, например, Акимбетовский курган на р.Большой Ик на юге современного Башкортостана, исследованный Н.А.Мажитовым в 1968 г. Курган представлял собой каменную выкладку овальной формы, на которой были найдены две каменные статуи, выполненные довольно примитивно (Мажитов, 1981, с.156-157). Его публикация исследователем, равно как и предложенная В.А.Кригером и автором этих строк интерпретация в качестве святилища (Иванов, Кригер, 1988, с.21) остались незамеченными.

Первая сводка рассматриваемых памятников в регионе, насчитывающая 43 памятника, была дана С.Г.Боталовым (по номенклатуре исследователя – жертвенно-поминальные комплексы (ЖПК)). Согласно предложенной автором датировки, к интересующему нас времени относятся такие памятники, как Красная Поляна, Наурзум, Аксак, Селенташ, Каинсай, Желкуар, Александровский (Боталов, 1996, с.217, 225). Для них характерны практически те же самые морфологические признаки, что и для половецких святилищ Левобережной Украины: каменные выкладки с, правда, иногда

установленными на них каменными изваяниями, следы жертвоприношений (рис. 22). Появление в степях Южного Предуралья памятников подобного типа исследователь и объясняет аналогичными причинами: необходимость тайного совершения ранее существовавшего обряда (Боталов, 1996, с.215).

В последующем круг кочевнических святилищ золотоордынского времени в регионе был расширен за счет курганов Каменный Амбар, Система, Змеиный Дол, Солончанка, датированных В.П.Костюковым этим временем (Костюков, 1998, с. 311-320; 2005, с.113-117).

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении археологический материал определенно указывает и на такое археологически фиксируемое проявление культу предков у кочевников Золотой Орды, как святилища – ЖПК. Отстоящие друг от друга на значительном расстоянии и относящиеся к населению разных крыльев Золотой Орды (рис.23), они, тем не менее, сходством своих морфологических признаков обозначают духовную и мировоззренческую общность отнюдь не однородного этнически кочевого населения этого государства.

На материалах погребально-поминальных памятников Южного Предуралья С.Г.Боталов приходит к выводу о том, что они «являются памятниками, в которых отражается процесс формирования раннемусульманских мемориальных традиций. Эти памятники своеобразно соединили элементы языческих святилищ (каменные ограды, вымостки, ориентировки входов В-З, наличие каменных изваяний) и мусульманских мавзолеев...» (Боталов, 1996, с.218). Этот, на мой взгляд, несколько парадоксальный, вывод вплотную подводит нас к проблеме распространения и утверждения **ислама** в духовной жизни кочевников Золотой Орды.

Сама по себе история ислама в Золотой Орде имеет такую обширнейшую историографию, знакомство с которой создает впечатление, что процесс исламизации Золотой Орды известен историкам едва ли не по дням-неделям-месяцам. Главным образом, благодаря сведениям средневековых нарративистов. И главным образом построения

исследователей вращаются вокруг перипетий принятия ислама золотоордынскими ханами, придворной знатью, т.е., в итоге – городскими слоями Золотой Орды. В дискурсах подобного рода на первый план, естественно, выступают личные конфессиональные пристрастия и антипатии ордынских ханов, их, базирующаяся на Великой Ясе, веротерпимость, бурный расцвет культуры (в первую очередь – городской) после утверждения ислама в качестве государственной религии Золотой Орды (Измайлов, 2006, с.53-88; 2012, с.98-117; Исхаков, Измайлов, 2007, с.110-117; Кульпин, 2008, с.35-40; Измайлов, Усманов, 2009, с.599-617). На этом фоне конфессиональная картина кочевой Степи так же представляется вполне ясной: «вместе с тем, нельзя переоценивать масштабы распространения ислама среди населения Улуса Джучи. Массовой исламизации степного населения и основной части знати не произошло...» (Измайлов, 2006, с.65); «широкие массы простых кочевников идеологические новации хана Берке⁹⁵ затронули в минимальной степени. Это признают все современные историки (тем более – археологи)» (Гарустович, 2012, с.85; 2012а, с.58). В принципе, на этом можно было бы остановиться, поскольку археологический материал, как мы могли убедиться, очень хорошо подтверждает и иллюстрирует эти тезисы.

Но одновременно высказывается и другой тезис, объективно нивелирующий первый. Во-первых, он касается времени проникновения ислама в кочевническую среду Евразии. Выше уже было упомянуто исследование В.П.Костюкова, в котором автор на археологическом материале обосновывает появление мусульманских захоронений у домонгольских кыпчаков Южного Приуралья (Костюков, 2006). Не сомневается в том, что «ислам медленно, но постепенно и успешно, утверждался в степях» до их завоевания монголами Я.В.Пилипчук (Пилипчук, 2015, с.68). Во-вторых, идея о духовной подготовленности восприятия ислама кочевниками Золотой Орды «красной нитью» проходит

⁹⁵ Принятие ислама верхушкой ордынской знати – В.И.

сквозь работы И.Л.Измайлова (Измайлов, 2006, с.64; 2012, с.103). По логике рассуждений автора, это и явилось фактором, обусловившим то обстоятельство, что процесс исламизации Золотой Орды «был настолько не обратимым, что его не смогло остановить даже временное возвращение к власти несториан и язычников (Менгу-Тимур, Тула-Буга, Туда-Менгу и Токта). **В степях и городах Золотой Орды с конца XIII в. все шире начинает распространяться мусульманство** (выделено мной – В.И.)» (Исхаков, Измайлов, 2007, с.113).

Дискурсный характер означенных тезисов очевиден. Их эмпирическую базу составляют средневековые нарративы, созданные разными авторами, по разным поводам и с разными акцентами. Хотя, примерно, в одно время – вторая половина XIII в. Вместе с тем, методика и методология дискурса-анализа требует, чтобы научный дискурс соответствовал ряду принципов, среди которых в числе первых стоят объективность и эмпиричность.

Объективность – т.е. «требование считаться с независимым от сознания исследователя существованием исследуемых объектов (включая духовные ценности, сознание других людей), их свойств и отношений между ними. Для научного дискурса характерно стремление к непредвзятости в суждениях, способность избавляться в них от индивидуальных и групповых пристрастий» и эмпиричность – «требование, согласно которому наблюдения и эксперименты должны играть решающую роль в признании либо отбрасывании положений теоретического уровня дискурса (гипотез, законов и теорий). Согласно верификационизму (логический эмпиризм) только осуществимость прогнозов теории свидетельствует о ее Э.: все, что не удается подтвердить опытным путем, является либо ложным, либо бессмысленным» (Кротков, 2010, с.6). Исходя из этого, первый тезис относительно устойчивости в кочевнической среде языческих традиций перед лицом ислама («массовой исламизации степного населения и основной части знати не произошло») может быть принят безоговорочно, ибо он и

объективен, и эмпиричен, поскольку базируется на массовом археологическом материале.

Со вторым тезисом относительно широкого распространения мусульманства в золотоордынской степи с конца XIII в. все обстоит сложнее. Во-первых, его эмпирика – сообщения средневековых нарративистов – Джузджани, ал-Омари, Г.Рубрук, ан-Нувайри – о принятии ислама только ханом Берке и его ближайшим окружением. Что уже само по себе пока не предполагает широкого распространения ислама в Улусе Джучи во второй половине XIII в.: «Поощрение ислама в период правления Берке **не вывело его за рамки ханской ставки и ставок ближайших эмиров** (выделено мной – В.И.). Ислам приняли жены хана, у каждого эмира были *имам* и *муэzzин*, Корану стали обучать детей. Но в окружении хана были и шаманы-волхвы. Для Берке ислам – не столько личный выбор (об этом судить трудно), сколько выбор основного политического вектора» (Крамаровский, 2012, с.129).

Следовательно, вывод современных исследователей о том, что массовой исламизации кочевого населения Золотой Орды в то время не произошло, не может быть подвергнут сомнению (Измайлов, 2012, с.105-106; Гарустович, 2012, с.85-86).

Во-вторых (и это главное) имеющийся в нашем распоряжении археологический материал свидетельствует о том, что исламизация кочевого населения Золотой Орды: а – растянулась во времени; б – не смогла полностью вытеснить реминисценции язычества из погребальной обрядности кочевников; в – что, в конечном итоге, привело к формированию синкретического «народного ислама», нашедшего свое отражение в погребальной обрядности казахов и башкир XVIII-XIX вв. (Макуров, 2011).

Археология ислама в Золотой Орде изучена настолько детально, что полностью снимает с повестки дня дублирование или продолжение этой работы (Яворская, 1999; Васильев, 2007; 2009). Кроме, пожалуй, одной детали: предшествующие исследователи в своих изысканиях оперируют в

основном материалами пригородных некрополей Золотой Орды. Так, по данным Д.В.Васильева, из 258 подкурганных захоронений, использованных им с целью «выразить степень исламизированности различных групп захоронений в числах», 72,8% были расположены рядом с синхронными поселениями (Васильев, 2009, с.43). Аналогично из числа 251 погребения, выделенного автором в «немусульманскую» обрядовую группу захоронений, 82,3% также происходят из пригородных некрополей.

Я не буду здесь пересказывать детали соотношения признаков мусульманской и немусульманской обрядности в этих погребениях. Выводы А.И.Ракушина, Д.В.Васильева и других исследователей о том, что внедрение и распространение ислама среди кочевого населения Золотой Орды начиналось именно с городов, оспаривать не имеет смысла (Ракушин, 1998; Васильев, 2009, с.67). Смысл имеет рассмотреть проблему «с другого конца», а именно – насколько отчетливо исламская погребальная обрядность проявляется в кочевнических могильниках, удаленных от золотоордынских городов? Однако, что значит «удаленный»? Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в системе округа золотоордынских городов, разработанной Л.Ф.Недашковским. По мнению исследователя, хозяйственная зона золотоордынского города, критерием которой является объем физических затрат, включая и расстояния между субъектом и объектом хозяйствования, охватывала территорию вокруг населенного пункта с радиусом около 5 км (Недашковский, 2010, с.212). По подсчетам исследователя, именно в округе золотоордынских городов Нижнего Поволжья – Увек, Царевское, Селитренное, Шареный Бугор городищ – сосредоточено от 80% до 90% всех известных к настоящему времени золотоордынских грунтовых могильников, которые, по определению, не являлись кочевническими (Там же, с.220). Что же касается подкурганных (кочевнических) захоронений, то те из них, которые можно отождествлять с мусульманскими, локализуются в округе двух городов – Увек и Царевское (Там же, с. 237-240).

Однако, если подходить к курганным могильникам кочевников Золотой Орды с точки зрения их географического соотношения с золотоордынскими городами, то картина получается следующей. Курганы, которые действительно могут быть соотнесены с городской хозяйственной округой (пусть даже и не непосредственно⁹⁶), локализуются по Ахтубе и Волге между Царевским и Водянским (Бельджамен?) городищами. Именно они и могут рассматриваться в качестве объекта прямого воздействия городского ислама. В отличие от них самый крупный в Среднем Поволжье курганный могильник Аткарский находится от г.Увек на расстоянии 80 км⁹⁷. В окрестностях золотоордынских городов Северного Кавказа – Маджар, Верхний и Нижний Джулат – кочевнических могильников пока не обнаружено, в окрестностях г.Сарайчик – тоже. То есть, если мы «вынесем за скобки» курганные могильники Нижнего Поволжья, то остальные курганы дадут нам возможность проследить, насколько широко, в количественном выражении, исламская погребальная обрядность распространялась в XIII-XIV вв. среди кочевников Джучиева Улуса.

Для анализа из общей массы погребений кочевников Золотой Орды были выбраны 11 могильников⁹⁸ - Блюменфельд (13 погр.), Белокаменка (48 погр.), Аткарский (43 погр.), Свинуха (Лесное) (20 погр.) (Гарустович и др., 1998), Худай-Берген (16 погр.), Ишкуловский II (14 погр.), Хабарный I (11 погр.) (Иванов, 2004), Покровский IV (19 погр.), Линевский (13 погр.), Мустаево V (8 погр.) (Моргунова и др., 2005), у пос.Урал (5 погр.), Ляпинская балка (38 погр.) (Евглевский, Кульбака, 2003), Золотаревка-3 (30 погр.) (Бабенко, 2008) – в которых в общей сложности исследованы 278 погребений (рис. 24). Критериями отбора этих могильников (случайная выборка) являлось то, что они, во-первых, содержат и языческие захоронения с вещами, что позволяет датировать их временем, либо в пределах XIV в.,

⁹⁶ Например, расстояние от Царевского городища до курганов Ленинск I и Бахтияровских (самые крупные в Нижнем Поволжье скопления кочевнических курганов) 15-20 км.

⁹⁷ Два конных перехода, как минимум.

⁹⁸ Из расчета, чтобы там было исследовано, по крайней мере, более 5 погребений.

либо чуть позже. Во-вторых, они удалены от городских центров Золотой Орды на довольно приличное расстояние⁹⁹. 29,5% от общего числа погребений в перечисленных могильниках составляют т.н. «мусульманские», то есть те, которые по отсутствию в них вещей а priori считаются таковыми.

Обряд их довольно разнообразен: встречаются погребения под земляными курганами, каменными выкладками, бескурганные, в простых, подбойных могилах или в могилах с заплечиками и перекрытием, в гробах, колодах или без них. Более того, погребение в кургане 6 могильника Мустаево-V его исследователями определяется как совершенное в мавзолее из жженого кирпича (Моргунова и др., 2005; Матюшко, 2015, с.54)¹⁰⁰. Пожалуй, единственное, что их объединяет – ориентировка в западных секторах и, конечно, отсутствие сопровождающего инвентаря.

Коэффициенты парной корреляции (Пирсона) признаков погребального обряда рассматриваемой группы памятников, упорядоченные с помощью формулы Старджесса, распределяются по восьми рангам, среди которых к первому относятся захоронения под земляными курганами в деревянных гробах или колодах ($Q = 0,868$). К четвертому рангу¹⁰¹ относятся сочетание следов жертвоприношений (кости животных) и захоронений в гробах или колодах под земляной насыпью кургана, а также северо-западная ориентировка погребенных и каменная выкладка над могилой ($Q = 0,562-0,443$). Как мы видим, к маркёрам исламской обрядности эти признаки не относятся.

К пятому рангу ($Q = 0,442-0,323$) относятся сочетание могилы с заплечиками вдоль длинных стенок и захоронение в гробу/колоде (признаки, так же не исламские), а также *захоронения в бескурганных могильниках с западной ориентировкой и помещение покойного в подбойную могилу лицом на юг*. Признаки, безусловно, исламские. Они дополняются такими же

⁹⁹ Ближе всех к городу расположен Аткарский могильник ≈ 80 км от г.Увека.

¹⁰⁰ Хотя, судя по опубликованному плану, там, в лучшем случае, прослеживается только кирпичная выкладка над могилой – «мастаба».

¹⁰¹ Значения рангов II ($Q = 0,748-0,629$) и III ($Q = 0,628-0,563$) не присутствуют.

признаками, но относящимися к шестому рангу ($Q = 0,321-0,202$): это *западная ориентировка погребенного и подбойная могила, и положение умершего на боку лицом на юг*¹⁰².

Итак, погребения с выраженной мусульманской обрядностью в могильниках обитателей степной «глубинки» Золотой Орды присутствуют. А именно: Золотаревка-3, погр.6,7,16,18,23,27; Ишкуловский, к.11; Покровский IV, к.7 и к.11 (рис. 25). Причем, погребения из Ишкуловского и Покровского IV могильников совершены под каменными выкладками, а погребения из Золотаревки-3 (погр.16) окружено кольцевым ровиком. Что также не является признаком канонического исламского погребального обряда.

Таким образом, если исходить из археологических источников¹⁰³, то, действительно, можно утверждать, что ислам был известен золотоордынским кочевникам-степнякам и что кто-то из них даже соблюдал все канонические правила совершения захоронений по мусульманскому обряду: «*ляхед*», «*кыбла*». Как много было таких знатоков, нам узнать не дано. Большинство же из них, возможно, даже будучи мусульманами, допускали отклонения от канонической мусульманской погребальной обрядности¹⁰⁴. Сознательно или нет – это уже другой вопрос, на который невозможно ответить. Факт, что такие отклонения фиксируются повсеместно: и в могильниках, расположенных вблизи золотоордынских городов, и в могильниках степной «глубинки». Причем, это характерно как для курганных могильников, так и бескурганных. В этом отношении показателен Новохарьковский могильник на Среднем Дону, оставленный оседлым населением Золотой Орды, жившим в ближайшем соседстве с кочевниками-язычниками. По замечанию исследователей этого памятника, из мусульманского в его обряде является

¹⁰² К этому же рангу относятся и такие языческие признаки, как простая могила, наличие в могиле следов ритуала (кости животных, угли) под каменной выкладкой, могила с заплечиками и гробом/колодой внутри и др. Но в данном случае для нас это уже не особенно важно.

¹⁰³ Средневековые нарративы, широко используемые сторонниками широкой и массовой исламизации Золотой Орды, ничего нам в этом плане не дают, поскольку ничего об этом не сообщают.

¹⁰⁴ Перечисленные выше типично мусульманские погребения составляют 12,3% от условно мусульманских в рассматриваемых могильниках.

только западная ориентировка погребенных, большинство из которых хоронились еще и с украшениями (Винников, Цыбин, 2002, с.102).

Считать Золотую Орду полностью исламизированным государством уже в XIV веке мешает отсутствие надежных хронологических маркёров для т.н. «мусульманских» погребений. Если следовать логике сторонников ранней исламизации Золотой Орды, опирающихся на сообщения Рукн ад-дина Бейбарса и аз-Захаби, то уже во второй половине XIII в. «масса населения Золотой Орды приняла мусульманскую религию вместе с ханом Берке» (Гарустович, 2012, с.84). Подобное абстрактное определение «масса населения», для понимания динамики и масштабов исламизации Золотой Орды в период ее наивысшего расцвета ничего не дает. Ибо такая же «масса» кочевого населения, судя по археологическому материалу, продолжала придерживаться «классического» язычества и через полвека после Берке¹⁰⁵. Об этом свидетельствуют соответствующие погребения с монетами ханов Узбека и Джанибека: Андреевский, Тлявгуловский, Бахтияровка II (к. 46, 47, 49, 63 и др.), Харьковка, Миновка, Гува II, Старая Мышастовка, Новая Молчановка, к.6, Бережновка I, к.43 и др. В этих погребениях монеты не только встречаются, но и образуют устойчивую связь с высоким показателем взаимовстречаемости с зеркалами, серьгами, принадлежностями конской сбруи, наконечниками стрел (Иванов, Кригер, 1988, с.30; Кригер, 2012, с.47-49). То есть, выступают в качестве хронологического маркёра языческих погребений.

Более того, имеются археологические свидетельства того, что даже предметы, так или иначе связанные с религиозной культурой ислама, кочевниками Золотой Орды воспринимались не более чем элемент костюмного декора. Речь идет о бляшке от пояса-зуннара, который носили персидские христиане в качестве отличительного знака своей веры, найденной в кургане у пос.Урал. Погребенная в этом кургане (к.5) женщина использовала эту бляшку для украшения бокки (Булгаков, 1984).

¹⁰⁵ Как минимум, два поколения сменилось за это время.

Итак, судя по археологическим материалам, в XIV в. в погребальной обрядности кочевников Золотой Орды¹⁰⁶ язычество продолжало сохранять свои позиции. Можно даже допустить, что в это время в кочевой степи сложился своеобразный конфессиональный дуализм, при котором и язычество, и ислам были одинаково «легитимны» даже внутри отдельных родовых подразделений. В качестве примера, можно привести уже упоминавшиеся Ишкуловский, Покровский IV, у пос. Урал могильники, на которых мусульманские погребения соседствуют с языческими. Это при том, что «Шариат неодобрительно относится к захоронению мусульман на немусульманских кладбищах (к которым, безусловно, можно отнести древние могильники). Получается, что эта рекомендация либо игнорируется, либо погребенные в курганах считаются мусульманами» (Макуров, 2011, с.147). Сказанное весьма наглядно иллюстрируется планиграфией могильника у пос.Урал, на котором каменные выкладки с мусульманским обрядом расположены вплотную к одному из больших курганов (вероятно, сарматскому), тогда как курганы с языческими погребениями (№№5 и 9) расположены в 120 м севернее. Вместе с тем, некая отстраненность прослеживается в расположении языческих и мусульманских погребений на могильнике Ишкулово II и Покровка IV (рис. 26). То есть, складывается впечатление, что древние курганы воспринимались мусульманами как «свои», а о захоронениях язычников знали и держались от них подальше.

Когда произошло окончательное утверждение ислама среди кочевников Золотой Орды – однозначно ответить на этот вопрос довольно сложно. В свое время по результатам статистической корреляции типов вещей из кочевнических погребений нами была выделена группа «золотоордынских мусульманских» погребений, характеризующихся отсутствием принадлежностей сбруи, оружия и бытовых предметов, но содержащих женские украшения и монеты середины XIV – начала XV вв. Что дало нам основание считать, что фактическое утверждение ислама в среде кочевников

¹⁰⁶ И странно было бы отрицать, что и в мировоззрении.

Урало-Поволжья произошло не ранее середины XIV в. (Иванов, Кригер, 1988, с.41, 71; Кригер, 2012, с.102). Эмпирика и результаты ее анализа последующих лет не изменили коренным образом этот вывод. Золотоордынские погребения, в которых, например, наличие вещей сочетается с таким исламским признаком, как сырцовые или кирпичные оградки-мазары, известны сейчас достаточно широко: в Западном Казахстане – могильник Целинный I (Бисембаев, 2003, с.126), в Прикубанье – станица Курчанская (Чхаидзе, 2009, с.116). Группа подкурганых захоронений, сочетающих в своем обряде мусульманские – *кыбла*, узкие могильные ямы, отсутствие или бедность инвентаря – и языческие – следы огненного ритуала и тризны в насыпи – выявлены на Северском Донце (Лесное, Третьяки, Первый Власовский мог.) (Кравец – эл. ресурс).

Д.В.Васильев на материале пригородных могильников Нижнего Поволжья предполагает, что в конце XIII – первой половине XIV вв. на них существовала группа погребений с синкретическим языческо-мусульманским обрядом, доживающая и до конца XIV в. (Васильев, 2009, с.135). Из выводов Е.П.Мыськова следует, что кочевники-язычники и мусульмане хоронили своих умерших на разных могильниках, поскольку, по его мнению, «на территории Волго-Донских степей не раскопано ни одного кочевнического могильника с преобладанием или хотя бы значительной долей мусульманских захоронений» (Мысков, 2015, с.260). Можно предположить, что, наверное, для пригородных территорий Золотой Орды (Улуса Бату) так оно и было. Но в «степной глубинке», что в золотоордынской, что в шибановской, имеются могильники, в которых мусульманские и языческие погребения либо устраивались вперемешку (Новохарьковский могильник), либо мусульмане «пристраивали» свои захоронения к языческим¹⁰⁷ (Линевский II, Покровский IV могильники). Конечный вывод исследователя о том, что традиционная (языческая) погребальная обрядность среди кочевников Волго-Донских степей сохранялась до начала XV в., а

¹⁰⁷ При условии, конечно, что между ними существует какой-то хронологический разрыв.

повсеместное распространение ислама произошло у них уже после распада Золотой Орды (Мыськов, 2014, с.106; 2015, с.260), на мой взгляд, полностью подтверждается имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалом.

Резюме: исходя из археологического материала, совершенно очевидно, что «триумфальное шествие» ислама по золотоордынской степи в XIII-XIV вв. не стоит гиперболизировать. Процесс этот был длительным и первой половиной XIV в. не ограничивался. Судя по частоте встречаемости и широте распространения языческих, «раннемусульманских» и мусульманских погребений, еще и во второй половине-конце XIV в. Золотая Орда являлась поликонфессиональным государством, в котором язычество (анимизм, шаманизм, культ предков¹⁰⁸) вполне «толерантно» сосуществовали, возможно, даже среди представителей одного и того же родового подразделения. Поэтому следует полностью согласиться с мнением исследователей – сторонников поздней (конец XIV – начало XV вв.) исламизации кочевников Золотой Орды (Гарустович, 2012, с.60; Мыськов, 2014, с.106). В историческом контексте это объясняется тем, что генераторами «исламского импульса» являлись золотоордынские города: «Города, где оказалась сосредоточена основная масса носителей ислама в лице купцов и различного рода ремесленников, первоначально насильственно перемещенных в места зимников своих новых хозяев, стали настоящей опорой ислама как формы общественной идеологии» (Крамаровский, 2012, с.128). Однако произошло это не вдруг, поскольку культурное и идеологическое влияние города на кочевников-степняков ослабевало пропорционально их удаленности от города и его округи, о чем речь пойдет ниже.

Наиболее адекватно объясняющим причину «конфессионального запаздывания» золотоордынской кочевой степи по сравнению с

¹⁰⁸ Тенгрианство, надо полагать, тоже присутствовало, но оно не имеет археологически фиксируемого проявления. Во всяком случае, по письменным источникам, в ближайшем окружении хана Берке были и шаманы-волхвы (Крамаровский, 2012, с.129).

золотоордынским городом мне представляется заключение В.П.Костюкова о том, что «кочевой быт вообще не создает подходящей почвы для глубокого укоренения прозелитических религий. Хорошо известно, что там, где степняки оказывались более или менее прочно привязанными к монотеистическим государственным центрам, таким как Хорезм или Византия, процесс утверждения мировых религий совершался значительно скоротечнее и глубже. В иной ситуации каноны новой веры, не напоминаемые регулярным миссионерским наставлением, самым причудливым образом преломлялись в сознании кочевников и либо вовсе не допускались в важнейшие области ритуальной практики, либо присутствовали в них фрагментарно, в парциальном виде» (Костюков, 2010, с.82).

Глава 5. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ГОРОД – СТЕПЬ» КАК ПРИЧИНА КРИЗИСА И РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Как уже было сказано выше, до настоящего времени историческая география Золотой Орды (Улуса Джучи) рассматривалась в контексте географии городов, возникших и существовавших на территории этого государства в XIII-XIV вв. Это направление в современном золотоордынведении изучено хорошо. Начало ему было положено В.Л.Егоровым, фактически создавшим обширный историко-географический атлас золотоордынских городов (Егоров, 1985, с.75-150). А своеобразным апофеозом является 3-й том фундаментальной «Истории татар с древнейших времен» (История..., 2009, разд. IV, гл.1).

Однако хорошо известно, что культурный облик Улуса Джучи не исчерпывался только городами, но представлял собой синкретическое явление, состоявшее, как считал Г.А.Федоров-Давыдов, из двух культурных компонентов: синкретической городской культуры и культуры кочевников-степняков. Два тесно связанных между собой тезиса ученого совершенно адекватно и исчерпывающе отражают эту, по-своему уникальную, историческую ситуацию. Тезис первый: « в Золотой Орде сосуществовали две основные стихии – степные кочевники и оседлое городское население. **Борьба и взаимосвязь этих двух стихий и начал** (выделено мной – В.И.) нашли выражение, с одной стороны, в политических взаимоотношениях золотоордынских ханов – представителей кочевой знати – и оседлых поработанных периферийных стран, с другой стороны, в культурных и экономических взаимоотношениях кочевой степи и золотоордынских половецких городов. При этом между степью и городом наступали периоды то политического и экономического сближения, то резкого разрыва. И в зависимости от этих периодов золотоордынские ханы в своей политике выступают во взаимоотношениях с оседлыми периферийными районами то как представители кочевой аристократии, традиционного кочевого быта, то как представители государства, в котором уживаются и находятся в

равновесии кочевники и города, то как покровители городов и торговли... В XIV в. **материальная культура кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения** (выделено мной – В.И.). Объединяет эти два вида населения главным образом общая принадлежность к Золотой Орде, т.е. **общая деспотическая ханская власть**» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 210-211).

Тезис второй: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается **совершенно чуждаяномадам** (выделено мной – В.И.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи** (выделено мной – В.И.)» (Федоров-Давыдов, 1976, с.118).

В настоящее время можно говорить о наличии еще, как минимум, трех концепций роли и места «городской цивилизации» в истории и культуре Золотой Орды. Одна из них выражена в тезисе Э.С.Кульпина¹⁰⁹, согласно которому город не только являлся неотъемлемой компонентой кочевнической истории, но и признаком духовно-психологического (ментального) единения кочевого общества и государства: «Тот факт, что города возникали там, где до того и много после не возникали, сам по себе свидетельствует о мощи и организованности государства, его **способности спланировать общество и готовности общества идти навстречу государству** (выделено мной – В.И.)». А коль скоро, по мнению исследователя, «процесс постепенного оседания тюрков на землю к моменту создания Золотой Орды насчитывал несколько столетий говорить об абсолютной чуждости для степняков городской культуры вряд ли возможно» (Кульпин, 2008, с.55).

¹⁰⁹ Я определяю его как «романтический дискурс».

Фактически данный тезис являет собой дальнейшее развитие трехстадиальной концепции кочевания, разработанной С.А.Плетневой. Согласно этой концепции, «третья стадия кочевания по существу уже не является «кочеванием» в полном смысле этого слова. **Основная масса населения перешла на этой стадии к оседлости, занялась земледелием и освоила многочисленные ремесла** (выделено мной – В.И.). Ограничение территорий кочевания, определение путей перекочевов и постоянных мест зимовок и летовок привело прежде всего к тенденции оседлости» (Плетнева, 1982, с.77). Здесь, правда, присутствует один нюанс: третью стадию кочевания С.А.Плетнева иллюстрировала упоминаниями кочевнических городов, которые пока вообще никак не представлены археологически (как, например, хакасские или кимкские), или их «городской статус» подвергается сомнению (как, например, «города» хазарские) (Флёрв, 2011). А что касается городов Золотой Орды, то сама исследователь оценивала их как явление, с кочевничеством не связанное: «Характерно, что завоеватели так и оставались кочевниками. Они не оседали на землю, т.е. не приобщались к земледельческому труду (за редкими исключениями) ... Арабы и монголы остались как этническое целое (как народ) только на собственной территории – в степях и полупустынях, откуда они начали свои многотысячекилометровые стремительные рейды и завоевания» (Плетнева, 1982, с.121-122).

Альтернативная концепция соотношения кочевников и городов в историческом пространстве степной Евразии, выдвинутая А.М.Хазановым, фактически развивает концепцию Г.А.Федорова-Давыдова. Прежде всего, в тезисе об отсутствии преемственности между кочевнической и городской культурами Золотой Орды и о прямой зависимости городов от состояния центральной власти: «Возникновение и преуспевание степных городов было прямо связано с превратностями политической власти в степных государствах. Когда эта власть была сильна и была заинтересована в их существовании, города процветали. Когда она ослабевала или сменяла

приоритеты, города приходили в упадок или погибали. Так произошло с Карабалгасуном, Итилем, Каракорумом. Та же судьба постигла города Золотой Орды» (Хазанов, 2008, с.427).

В контексте археологического источниковедения проблемы соотношения «город – кочевая степь», на мой взгляд, весьма конструктивной является концепция М.Г.Крамаровского, вносящая реалистическую тональность в характеристику соотношения города и степи Золотой Орды как в социально-культурном, так и в этнополитическом аспектах. Прежде всего, предлагаемой исследователем периодизацией динамики развития городов Золотой Орды, основанной на монетной чеканке. Первый период – это первые полвека существования Золотой Орды, как государства, в контексте влияния города на степь на археологическом материале степных памятников проследить невозможно. Прежде всего, потому, что археология золотоордынской степи такими короткими временными категориями не располагает и не оперирует. Поэтому как воспринимали кочевники первые города, возникающие посреди степи на пустом месте, и как они влияли на культуру кочевой степи нам неизвестно. Нам известен общий итог этой антитезы, обусловленный подчиненностью жизненного ритма и энергоресурсов золотоордынского города ритму степной (кочевнической) империи¹¹⁰, чем и объясняется стремительное обрушение городской цивилизации Золотой Орды (Крамаровский, 2009, с.567-568).

На втором этапе урбанизации Золотой Орды (это – вторая половина XIII в.) город «уже воспринимается кочевнической элитой Золотой Орды как необходимый инструмент социальной жизни» (Крамаровский, 2009, с.577). По мнению исследователя, появление городов в золотоордынской степи, во-первых, привело к формированию новой золотоордынской культуры, не имевшей ни политического, ни, тем более, этнического окраса, во-вторых – к окончательному оформлению оппозиции «город – степь», ибо «основная масса кочевого населения и в меньшей степени деревня оставались все же за

¹¹⁰ Каковой, в общем-то, Золотая Орда и была.

порогом цивилизационных достижений города. Контраст между ними достиг удручающей силы, особенно к концу XIV в.» (Крамаровский, 2009, с.578).

Последний тезис автора, как нельзя более, соответствует той историко-археологической эмпирике, на которой выстраивается картина взаимоотношения золотоордынского города и кочевой степи.

Однако начнем мы не с эмпирики, а с рассмотрения жизненного *credo* кочевника, которое можно определить одним словом – «вечный бой». Бой за пастбища и скот (*барымта*), кровная месть (*карымта*), за добычу и пленных (*дуван, ясырь*) и т.п. В «Великой Ясе» Чингисхана – «основном законе» бытия кочевников Монгольской империи – это *credo* сформулировано предельно четко: «... Настоящее наслаждение и блаженство мужа в том, чтобы подавить и победить возмущившегося врага, отобрать у него все, чем он владеет, заставить истошно вопить его слуг и обливаться горячими слезами его жен, [в том чтобы] оседлать его быстроногих меринов, [в том чтобы] возлежать, словно на постели, на телах его прекрасных жен, лицезреть красоту их и целовать в сладкие, алые губы» (Чингисиана, 2009, с.485). А чем должен заниматься воин в свободное от воинских подвигов время – об это также сказано в соответствующем разделе Великой Ясы: «Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только сама охота, а больше то, чтобы воины привыкали и закалялись и осваивались со стрелометанием и упражнением» (Чингисиана, 2009, с.465). Можно продолжить: «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» (Доманин, 2005, с.406). Заветы Великого «Потрясателя Вселенной» для его потомков и подданных не были пустым звуком, но законом, «ратифицированным» решениями курултая 1269 г.: **«Царевичи решили жить в горах и степях, не подходить к городам, не выпускать своих стад на пашни** (выделено мной – В.И.), не брать с жителей ничего, кроме законных податей...» (Бартольд, 1963, с. 583).

И вот при такой ментальности что видел кочевник-степняк, когда он приезжал в золотоордынский город? Ответ на этот вопрос мы находим в работах исследователей городов Золотой Орды.

Характерной особенностью золотоордынских городов Нижнего Поволжья являлось отсутствие организующего центра – укрепленной цитадели: «структура городского ландшафта была организована регулярной застройкой, основанной на сетке улиц в центральной нуклеарной части и иррегулярной, рассредоточенной на окраинах» (Блохин, Яворская, 2006, с.141); «...усадыбы хана и других представителей социальных и административных верхов **располагаются по степи без видимого порядка** (выделено мной – В.И.), не создавая определенного городского центра» (Зеленева, Курочкина, 2009, с.215). То есть, обитателю степи, привыкшему к четкой организации пространства кочевья (юрта старшего – или крайняя с запада (справа) в ряду, или в центре), плутание по узким (от 3 до 10 м) улицам и переулкам, в поисках нужного ему объекта, едва ли доставляло эстетическое удовольствие и психологический комфорт. Во-первых, если судить по предлагаемым реконструкциям, «кварталы нижеволжских городов представляли собой замкнутый уличным контуром жилой массив, состоящий из нескольких жилых домовладений» (Блохин, Яворская, 2006, с.142). В визуальной реальности это, надо полагать, означает, что вдоль всей улицы тянулись однообразные глинобитные стены с калитками или глухими воротами во дворы, периодически прерываемыми еще более узкими переулками. Во-вторых, центральные 10-метровые улицы (ширина улицы заурядной русской деревни) были «переполнены людьми» (Ибн-Батута). А если учесть, что уличная сеть золотоордынского города, кроме своей чисто магистральной функции «являлась еще и матрицей, на которую накладывались дренажные и арычные системы. Она являлась основным способом водоснабжения средневекового золотоордынского города на Нижней Волге» (Блохин, Яворская, 2006, с.143), то плутать по этим тесным, забитыми людьми, зауженными еще и арыками, из которых нельзя было

напиться без риска подцепить какую-нибудь кишечную заразу, улицам («Открытый характер неукрепленных каналов и арыков **исключает использование подающейся по ним воды в качестве питьевой** (выделено мной – В.И.). Арыки, как гидротехнические сооружения, могли использоваться для подачи воды, употреблявшейся в технических и хозяйственных целях») (Там же), для привыкшего к открытым пространствам степняка удовольствие было «ниже среднего».

Едва ли есть смысл сомневаться в том, что рядовой кочевник-орат не имел доступа в усадьбы зажиточных горожан и уж, тем более, в усадьбы городской знати (хотя в Степи Великая Яса Чингисхана такую возможность, хотя бы формально, ему предоставляла: «Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это...» (Доманин, 2005, с. 404)). Ну а что он мог увидеть в домах своих «товарищей по классу», представителей городского плебса? Землянки небольших размеров, с земляными же полами и перекрытые камышовой кровлей. Отапливались они открытыми очагами-кострищами, иногда обложенными кирпичом или обмазанные глиной, печами, сложенными из обожженного или сырцового кирпича¹¹¹, канами. Как там жилось внутри – это вопрос. Но в чем можно не сомневаться, так это в том, что, в отличие от войлочной юрты, паразитов там хватало. Лепящиеся к внешним стенам усадеб зажиточных горожан – ремесленников и феодалов или сгрудившиеся впритык друг к другу (на городище Шареный бугор на площади около 150 м² выявлены 22 землянки (Блохин, Яворская, 2006, с.134; рис.14) подобные жилища, олицетворяющие городской стиль жизни, вряд ли могли вдохновить кочевника-степняка на добровольное переселение в город.

В определенный период времени (улучшалось материальное благосостояние горожан?) землянки засыпались и на их месте строились наземные однокомнатные дома на сырцовом цоколе, с глинобитными или

¹¹¹ Где у них там были дымоходы и вообще – были ли они, из материалов раскопок понять невозможно.

сырцовыми полами. Зачастую являвшиеся частью усадьбы (Зеленеев, Курочкина, 2009, с.221). Они являлись «основным модулем квартальной застройки и иррегулярной застройки пригородов», в которых проживало рядовое население золотоордынских городов» (Блохин, Яворская, 2006, с.154). Площадь их была невелика – в среднем 16 м².

Усадьбы горожан среднего достатка, исследованные Э.Д.Зиливинской, на Селитренном (Сарай-Бату) и Царевском (Сарай-Берке) городищах снаружи хотя и представляли собой довольно внушительные сооружения (20х20 м – Селитренное городище, раскоп XV; 14х12 м – Царевское городище), но изнутри это были «соты» с комнатами-ячейками в 20-25 м². Показательна в этом отношении усадьба зажиточного горожанина из раскопа XV Селитренного городища, в которой находилось девять жилых комнат (судя по наличию в них канов и суфы) размером от 7,4х5,6 м (помещение 3) до 3,5х1,8 м (помещение 11) (Зиливинская, 2008, с.10-42). Близкие размеры жилых площадей (6х4 м) имела аристократическая усадьба на Царевском городище (Зиливинская, 2011, с.105). То есть, достаточно отсчитать 7х5 или 5х5 шагов – вот это будет реальное жизненное пространство одной комнаты многокомнатного зажиточного дома. Естественно, без окон и вентиляции. Кроме как спать, там вряд ли что можно было еще делать

Усадьбы социальных верхов золотоордынского города а priori должны были являться притягательным объектом для кочевой степной знати, часть которой, как считают исследователи, уже переселилась в города. Характеристику феодальной усадьбы золотоордынского города я приведу словами археологов, эти самые усадьбы исследовавшие непосредственно: «По основным конструктивным особенностям он (дом владельца усадьбы – В.И.) не отличается от домов городского плебса. Так же как и при строительстве домов рядового населения города, в качестве основного строительного материала используется сырцовый кирпич. **Главным отличием усадебных построек социальной верхушки от построек городского плебса являются их размеры, использование при**

строительстве жженого кирпича и наличие архитектурного декора (выделено мной – В.И.). ... Несмотря на значительную площадь построек и наличие архитектурного декора, усадебные дома, видимо, **были невысокими и не очень удобными для жизни** (выделено мной – В.И.)» (Зеленеев, Курочкина, 2009, с.222-223).

Справедливости ради необходимо отметить, что и для золотоордынского горожанина быт, облик и нравы кочевников едва ли выглядели притязательно. Одной из важных составляющих облика города и городской жизни составляли общественные бани. На нижеволжских городах – Водянское, Селитренное городища – к настоящему времени раскопано три таких сооружения (Блохин, Яворская, 2006, с.162-163). Естественно, что для горожан¹¹² неприятие кочевниками мытья и стирки, узаконенное в биликах Чингисхана (Чингисиана, 2009, с.474), выглядело дикостью. Европейские путешественники, в частности – Плано Карпини – при всей своей внешней лояльности к монголам, в своих записках, тем не менее, отмечали, что «посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. **У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи** (выделено мной – В.И.), отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок. Платя свои они также не моют и не дают мыть...» (История монголов, 2005, с.255). Поэтому вполне объясним и традиционный монгольский обычай забоя животного без пролития крови: «Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное не умрет, и тогда можно есть мясо его; **но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого** (выделено мной – В.И.)» (Чингисиана, с.473). Тогда как мусульманский *забх* (забой животного)

¹¹² Среди них большинство были мусульмане, для которых регулярные омовения – неперенный атрибут бытия.

должен проводиться по хадису, гласящему: «**То, из чего выпущена кровь** (выделено мной – В.И.) и над чем упоминалось имя Аллаха, **ешьте**, но не закалывайте животное зубами или когтями [животного]». Разница очевидная.

Вместе с тем, в трудах исследователей истории и культуры Золотой Орды «красной нитью» проходит мысль о перманентном культурном и экономическом влиянии золотоордынского города на золотоордынскую степь. В итоге все это выливается в некую ораторию на тему «города Золотой Орды сами в себе». В археологическом контексте это все вполне объяснимо, поскольку именно археология золотоордынских городов дает яркую, разнообразную и визуально эффектную массу артефактов, на фоне которых монотонный и не очень выразительный материал степных памятников явно проигрывает.

Начнем с того, что, если на время отрешиться от археологических источников, то в средневековых нарративах мы вообще не найдем свидетельств культурно-экономического влияния города на степь. Скорее наоборот – Ибн Фадлаллах ал-Омари (первая половина XIV в.) вообще рисует нам облик эдакого степного «дикаря», обеспечивающего самого себя необходимым прожиточным минимумом: «Большая часть его¹¹³ подданных обитатели шатров, [живущие] в степях. Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы. Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются и по части произведений земли в нем [т.е. в просе, заключается] все их [богатство]. ... У тех из них, которые живут в степи, мясо не продается и не покупается. Большая часть их еды [состоит] из мяса, [добываемого посредством] охоты; из молока; сала и проса... Рассказывал мне почтенный Джемаледдин Абдаллах Эльхисни, купец, что многие из степных жителей этого государства одеваются в шкуры [животных], не разбирая заколоты ли были они [животные] или сдохли, дубленая ли это кожа или не дубленая, от животного чистого или от

¹¹³ Хана Узбека.

животного нечистого. В еде они не отличают скверного от нескверного и запрещенного от дозволенного» (Золотая Орда..., 2003, с.102-103). Если учесть, что ал-Омари был единственным из восточных нарративистов, который вообще уделил внимание золотоордынским кочевникам, то из его сочинения мы можем заключить, что золотоордынские кочевники к городу относились *никак*. Это при том, что, со слов толмача Шуджаеддина Абдеррахмана Эльхarezми, ал-Омари описывает Сарай, как «город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары».

Аналогичным образом Ибн-Баттута (1304-1377 гг.), описывая Сарай и другие города Золотой Орды, в которых он побывал, ни словом не упоминает о кочевниках, пользовавшихся благами городской цивилизации. Кроме только того, что кочевники, без различия возраста и социального положения, собирают кизяк для топлива (Золотая Орда..., 2003, с.125).

И вместе с тем, мы имеем многочисленный археологический материал, само присутствие которого в кочевнических погребениях *a priori* предполагает его поступление из городских ремесленных центров. На элитарных эксклюзивах, типа доспехов, поясов или шелковых и парчовых одеждах мы здесь останавливаться не будем: все они, безусловно, поступали в степь с городских рынков. Но не они определяли облик золотоордынской степной культуры, поэтому говорить о каком-то серийном и массовом поступлении изделий подобного типа в степь говорить не приходится. М.Г.Крамаровский, например, рассматривая элитные (наградные) пояса из кочевнических погребений Золотой Орды (Олень-Колодезь, Красный Яр, Лисья балка и др.), вообще считает их маркёрами союзнических альянсов родовой элиты Дешт-и-Кипчак с носителями имперской монгольской власти. И, соответственно, путем количественного сопоставления элементов наградных монгольских поясов и трудозатрат на их изготовление исследователь убедительно показывает, что производство подобных изделий было возможным только в специализированных мастерских, которых в

степных кочевьях быть просто не могло¹¹⁴ (Крамаровский, 2000, с.146-158; 2002, с.68; 2012, с.104-105).

Следующая (и наиболее часто встречаемая) категория вещей из кочевнических погребений, имеющая заведомо ремесленное происхождение – бронзовые зеркала. Они встречены чуть не в каждом пятом из рассматриваемых погребений (19,2% - рис.13) и потому, вполне естественно, являются объектом повышенного внимания исследователей. Кроме изначальной типологии зеркал, разработанной Г.А.Федоровым-Давыдовым и немного дополненной В.А.Кригером и автором этих строк (Федоров-Давыдов, 1966, с.78-84; Иванов, Кригер, 1988, с.19), существует типология зеркал с территории Волжской Булгарии (Полякова, 1977, с.78-82; 1996, с.154-257; Руденко, 2004), зеркал с Увекского городища (Недашковский, Ракушин, 1998), типология зеркал, как элементов костюмного декора, из кочевнических погребений Золотой Орды (Каримова, 2013, с.65-76; Мыськов, 2015, с.81-110). Вообще-то любые типологии разрабатываются с какой-то конкретной целью и традиционно – с целью выделения хронологических или датирующих типов. В принципе, все исследователи, так или иначе обращавшиеся к анализу золотоордынских зеркал, однозначно считают их органичным элементом золотоордынской культуры, не имевшим местных истоков, а появившимся и распространившимся только после образования Золотой Орды (Полякова, 1996, с.228; Недашковский, Ракушин, 1998, с.41; Руденко, 2004, с.125; Каримова, 2013, с.73). Их широкое распространение в золотоордынской степи есть следствие торговли с городом (Руденко, 2013, с.213), а популярность – результат не только культурных инноваций, но и традиции предшествующего времени: металлические зеркала иногда встречаются в половецких/кипчакских погребениях домонгольского периода¹¹⁵ и изображаются на половецких статуях (Плетнева, 1974, с.49). Признавая это, тем не менее, никто из

¹¹⁴ В золотоордынских городах Поволжья их, правда, пока тоже не обнаружено.

¹¹⁵ По моим данным – 4,2% от 428 учтенных мною погребений.

предшественников Е.П.Мыськова не додумывался записать традицию помещать зеркала в могилу только на счет кипчаков и уж тем более – связывать с ними формирование каких-то «художественно-технологических школ». Принимая во внимание принципиальность момента, вынужден привести вначале сентенцию рассматриваемого автора полностью: «Принимая во внимание все эти факты¹¹⁶ следует признать крайне **неубедительной** точку зрения о том, что **формирование художественно-технологической школы изготовления золотоордынских зеркал типов АІ, АП, АШ, БІ и БП каким-то образом связано с кипчацкими культурными традициями домонгольского времени** (выделено мной – В.И.)...¹¹⁷. Изображения зеркал типа БІа на средневековых каменных изваяниях и их находки в некоторых погребениях домонгольского времени **не могут являться убедительным доказательством производства подобных изделий именно в кипчацкой или половецкой кочевой среде** (выделено мной – В.И.)» (Мыськов, 2015, с.107). Подобная вольная трактовка высказываний и выводов предшественников¹¹⁸ вызывает, по крайней мере, изумление. Поэтому следом я позволю себе привести выдержки из «первоисточников» дословно. На страницах монографии В.А.Кригера и автора этих строк, на которые ссылается Е.П.Мыськов, описываются типы зеркал из кочевнических погребений XIII-XIV вв. Южного Приуралья (с.19), пряжки и поясные накладки (с.20) и каменные изваяния, известные в регионе (с.21-24), на которых вообще никаких костюмных аксессуаров не изображено. Естественно, что никаких наших рассуждений по поводу того, что зеркала являлись культурным наследием домонгольских кипчаков в книге нет вообще.

¹¹⁶ Приводимые Е.П.Мыськовым аналогии и параллели некоторым сюжетам орнаментики золотоордынских зеркал в позднесарматских и аланских зеркалах.

¹¹⁷ Далее следует ссылка на Иванов, Кригер, 1988; Недашковский, Ракушин, 1998; Недашковский, 2000; Руденко, 2013.

¹¹⁸ Пока, слава Богу, живущих и здравствующих.

В статье Л.Ф.Недашковского, А.И.Ракушина 1998 г.¹¹⁹ говорится о том, что в орнаментике золотоордынских зеркал прослеживаются мотивы, привнесенные из Китая (рыбы, драконы, иероглифы, дети с цветами), Средней Азии (растительный орнамент, арабески), Ближнего Востока (ал-Бораки, «гон зверей», плетенка). Что касается половецко-кипчакского влияния, то по этому поводу у авторов сказано ясно: «Зеркала с геометрическим орнаментом, имеющимся на увекских изделиях, как уже отмечалось, широко бытовали в восточноевропейских степях в половецкое время, сохраняется этот орнамент на зеркалах и в золотоордынский период. Происхождение половецких изделий **непосредственно связано с алао-кавказской и салтово-маяцкой традицией изготовления зеркал; стоит лишь оговорить, что некоторые элементы орнамента (например насечки по краю изделия) появляются еще на зеркалах позднесарматского времени** (выделено мной – В.И.)» (Недашковский, Ракушин, 1998, с.38-40).

Пожалуй, только К.А.Руденко прямо указывает на кипчаков, как на источник традиции использования зеркал в погребальной обрядности, хотя и считает, что, кроме кипчакского, в орнаментике золотоордынских зеркал прослеживается еще и исламская традиция, пришедшая с востока. К ней исследователь относит зеркала, украшенные сложным орнаментом с изображениями цветов, растений. С кипчакской же традицией он связывает орнамент арочный, розеточный, геометрический, скелетные изображения рыб: «Зеркала, встреченные в Дешт-и-Кипчак, интересны тем, что там, во-первых, достаточно большой процент изделий, приобретенных в золотоордынских городах, то есть, зеркал, которые кочевники сами не делали. Во-вторых, **те, что изготавливали сами кипчаки** (выделено мной – В.И.), отличаются специфическими чертами – устойчивыми, так сказать, «любимыми» сюжетами и их трактовкой...». Первую группу зеркал

¹¹⁹ Опубликованной, кстати, на стр.32-51, поэтому с.94 (это – в ссылке Е.П.Мыськова) там не может быть по определению.

исследователь датирует временем правления хана Узбека, вторую – второй половиной XIV в. (Руденко, 2013, с.213).

Затем то же самое делает Е.П.Мыськов, с той, правда, разницей, что кыпчакские мотивы в орнаментике зеркал объявляет принадлежащими к «аланской художественно-технологической школе»¹²⁰, ссылаясь при этом на авторитетное мнение Г.А.Федорова-Давыдова (Мыськов, 2015, с.106). В первоисточнике это мнение звучит так: «Орнаментированные зеркала делятся на несколько групп. Встречаются зеркала с простыми геометрическими орнаментами: в виде концентрических окружностей, в виде радиально-круговых композиций; с крестовидным орнаментом; с орнаментом в виде мальтийского креста; с крестовидно-арочным орнаментом, в некоторых случаях с валютообразными завершениями; в виде розетки из пересекающихся дуг; в виде розетки, окруженной ромбическими ячейками с точками; в виде креста с розетками между концами и со спиралями по краю; с зигзаговидным орнаментом между концентрическими окружностями и т.п. **Перечисленные композиции собственно золотоордынские, но некоторые восходят к старой традиции аланских зеркал VIII-X вв. Эти зеркала отличаются меньшими размерами и наличием по краю высокого валика**» (выделено мной – В.И.) (Федоров-Давыдов, 1994, с.202-203). Но что значит «размеры большие – меньшие; валик высокий – низкий» никто из названных авторов не поясняет.

Еще одной категорией изделий, поступавшей к кочевникам из городских мастерских, являлись богато орнаментированные резьбой и раскрашенные в яркие цвета костяные накладки на колчан. Из всех кочевнических погребений с оружием они встречаются в 17,5% и обнаруживают высокий коэффициент корреляционной связи с берестяными колчанами (см. гл.3), что вполне естественно. Предшествующие исследователи – Н.В.Малиновская и Г.А.Федоров-Давыдов – костяные колчаные накладки относили к продукции городского ремесленного производства. Учитывая сложность

¹²⁰ Допуская, правда, некоторую условность этого определения.

самой обработки костяного материала – заготовок для самого изделия, нанесение на него тонкой и сложной резьбы, раскрашивание специальными стойкими красками, едва ли стоит в этом сомневаться.

Но так, в свойственной ему манере «низвергать устои», не считает Е.П.Мыськов, в своей монографии посвятивший большой раздел анализу колчанных накладок (Мыськов, 2015, с.134-156). Я не буду разбирать здесь все доводы автора, представляющиеся мне в ряде случаев надуманными¹²¹, но на логике его окончательного вывода остановлюсь: «Можно не сомневаться в том, что в Золотой Орде колчаны с орнаментированными костяными накладками изготовляли мужчины, поскольку вплоть до настоящего времени у всех народов Сибири резьба по кости продолжает оставаться исключительно мужским занятием (а кто бы сомневался – В.И.). **Ни о каком городском, ремесленном производстве таких колчанов не может быть и речи, подавляющее большинство из них было изготовлено кустарным способом в условиях кочевого быта** (выделено мной – В.И.), причем реальная возможность этого надежно подтверждается многочисленными археологическими и этнографическими материалами. Можно лишь теоретически допустить, что единичные **нетипичные образцы колчанных накладок** (Верхне-Погромное, 8/1)¹²² (выделено мной – В.И.) изготовлялись в золотоордынских городах Нижнего Поволжья, хотя **никаких убедительных доказательств этого в нашем распоряжении до сих пор нет**» (выделено мной – В.И.) (Мыськов, 2015, с.155). По логике рассуждений автора, доспехи, описание которых следует за описанием колчанных

¹²¹ Это касается, в частности, вопросов т.н. «стандартизации производства» колчанных накладок, недостаточность которой сам же автор и объясняет принадлежностью колчанов с орнаментированными костяными накладками представителям состоятельных слоев тюрко-монгольских кочевников (Мыськов, 2015, с.156), которые, наверное, могли заказывать и «эксклюзивы». Хотя определенные орнаментальные стандарты на накладках присутствуют: мотивы растительные, геометрические и зооморфные. Последние могли быть связаны и с кочевническим язычеством, что в этноконфессиональных условиях Золотой Орды не являлось «смертным грехом». Вспомним, как активно болгарские ювелиры в XI-XII вв. снабжали украшениями в виде уточек, коней, замков-собачек своих финно-угорских соседей.

¹²² Чем она «нетипична», если и композиционно, и стилистически эта накладка ничем не отличается от прочих подобных изделий?

накладок, также изготавливались в степных кочевьях, поскольку в кочевнических погребениях они есть, а «убедительных доказательств» их производства в городах тоже пока нет.

Вне всякого сомнения, городским изделием (вполне возможно, что из городов Булгарского Улуса), по частоте встречаемости в кочевнических погребениях занимающим второе, после зеркал, место, являются бусы из стекла, поделочных камней, янтаря (Каримова, 2013, с.42-51; Мысков, 2015, с.166-173). И так далее. То есть, если исходить из археологического контекста рассматриваемой темы, то по его формальным показателям-признакам, контакты между кочевой степью и золотоордынским городом осуществлялись в основном в сфере торгового обмена между городскими ремесленниками и оратами-кочевниками. В этом ничего нового нет.

Итак, делаем логический вывод: кочевники были «привязаны» к городу, прежде всего, материально, в плане получения там предметов роскоши и оружия, в первую очередь – высокотехнологичного. Являлось ли это фактором, обуславливающим территориальную «привязку» кочевников к городу? Ответ на этот вопрос дает география кочевнических курганов и курганных могильников и золотоордынских городов.

Совмещая рассматриваемые памятники с современной административной картой Западного Казахстана, России и Украины, получаем следующую картину (табл.1; рис.3). Из приведенных в таблице данных следует, что явной территориальной связи между золотоордынскими городами и синхронными кочевническими памятниками не прослеживается (во всяком случае, в контексте современного административного деления Восточноевропейских степей). То есть, большинство региональных коллег-археологов «обречены» изучать культуру Золотой Орды или в ее городском, или в степном кочевническом вариантах. Соответственно, трудно рассчитывать и на наличие топографической связи между городами и кочевническими могильниками рассматриваемого периода. И действительно, ближайший к городу Сарайчик район наибольшей концентрации

золотоордынских кочевнических погребений – низовья Узеней (Мокринский I, оз.Раим, Джангала (Нов.Казанка), Джангала (Кара-Оба) и др.) – расположен от города на расстоянии 240 км по прямой, что предполагает не менее 5-6 дней конного пути.

Таблица 1.

Распределение погребений кочевников периода Золотой Орды по современным областям

	Область	Количество погребений	% от общего количества	Количество городов ¹²³
1	Павлодарская	3	0,26	-
2	Челябинская	12	1,0	-
3	Оренбургская	92	8,2	-
4	Башкортостан	18	1,6	-
5	Актюбинская	15	1,3	-
6	Гурьевская	-	-	1
7	Астраханская	79	7,0	5
8	Волгоградская	177	15,8	2
9	Саратовская	140	12,5	2
10	Самарская	24	2,1	2
11	Татарстан	7	0,62	11
12	Калмыкия	94	8,4	-
13	Ставропольский край	13	1,1	3
14	Краснодарский край	51	4,5	-
15	Ростовская	95	8,5	1
16	Воронежская	9	0,8	2
17	Донецкая	10	0,9	-
18	Луганская	4	0,35	-
19	Харьковская	7	0,62	-
20	Днепропетровская	56	5,0	-
21	Запорожская	18	1,6	1
22	Херсонская	11	1,0	-
23	Крым	2	0,17	7
24	Киевская	8	0,71	-
25	Черкасская	2	0,17	-
26	Одесская	40	3,5	2
27	Молдова	6	0,5	2
28	Андижанская	4	0,35	-
29	Алтайский край	75	6,8	-
30	Астана	7	0,62	1
31	Джамбульская	1	0,09	-
32	Джезказганская	2	0,17	-
33	Карагандинская	3	0,27	-

¹²³ Включая и те не идентифицированные городища, на которых, по данным В.Л.Егорова, присутствуют остатки кирпичных построек.

34	Каракалпакия	5	0,44	-
35	Кзыл-Орда	1	0,09	-
36	Киргизия	1	0,09	-
37	Кокчетавская	1	0,09	-
38	Красноярский	5	0,44	-
39	Николаевская	1	0,09	-
40	Полтавская	2	0,17	-
41	Сев. Осетия	10	0,9	1
42	Тыва	7	0,62	-
	<i>Всего:</i>	1118 ¹²⁴	100	43

Следует отметить, что г.Сарайчик, основанный во второй половине XIII в. (Егоров, 1982, с.124; Бурханов, 2009, с.245), расположен в зоне прикаспийских пустынь, где никаких кочевнических памятников до сих пор не выявлено. С точки зрения современных ландшафтно-климатических характеристик это вполне закономерно и объяснимо – данный район представляет собой безводную зону солончаковых пустынь и полупустынь. Однако, по данным почвоведов, на XIII в. приходится пик гумидизации Урало-Поволжских степей, в процессе которой происходил рост увлажненности и сдвиг ландшафтных рубежей к югу. То есть, прикаспийские пустыни и полупустыни представляли собой хотя и сухую, но степь (Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с.62).

Еще более удалены могильники на Узенях от Мавлибердинского городища на р.Уил (320-340 км по прямой), на месте которого отмечены остатки кирпичных стен 30-40 построек и оросительные каналы (Егоров, 1982, с.127-128).

Возле города Хаджитархан (гор.Шареный Бугор), возникшего в XIV в. (Пачкалов, 2010, с.349-351), кочевнических могильников не могло появиться по определению. Во-первых, сам город расположен в дельте Волги, поэтому самый ближайший к нему курганный могильник – Сеитовский (30 км к северо-востоку)¹²⁵ – расположен на левом берегу Ахтубы, в зоне

¹²⁴ Остальные 60 погребений, главным образом из раскопок конца XIX нач. XX вв., к современному административному делению привязать не удалось.

¹²⁵ Могильник не исследовался, поэтому его золотоордынская принадлежность определяется только по находкам на памятнике кирпичей (Недашковский, 2010, с.154).

полупустынь.¹²⁶ Во-вторых, сама эта зона (в рассматриваемое время – сухая степь) едва ли располагала кочевников к ее интенсивному освоению. Поэтому абсолютное большинство известных на территории современной Астраханской области кочевнических погребений XIII-XIV вв. (Никольское, Черный Яр, Кривая Лука, Солёное Займище, Старица и др.) найдены значительно севернее, за пределами Прикаспийских пустынь и полупустынь.

Естественно, мы не можем не упомянуть о 528 бескурганых погребениях золотоордынского времени, открытых и исследованных в окрестностях городища Шареный Бугор (Недашковский, 2010, с.137-154). Но что в данном случае означает «в окрестностях»? Самое крупное скопление бескурганых захоронений золотоордынского времени (более 370 погребений) – могильники Барановка (Калмацкий Бугор), Вакуровский Бугор I и II, Маячный Бугор I-III, Мечетный Бугор I и II находится в 30 км к востоку от городища, на левом берегу протоки Бузан (Недашковский, 2010, с.124, рис.4). Такая территориальная удаленность очень затрудняет восприятие перечисленных могильников, как элемент социокультурной структуры города Хаджи-Тархан (не смотря на то, что погребения в основном мусульманские).

Город Сарай ал-Махруса (гор.Селитренное) в своей округе кочевнических курганов не имел вообще. Ближайшее (единственное) кочевническое погребение – Енотаевское – находится в 35 км к северо-западу на правом берегу Волги (Недашковский, 2010, с.91, рис.3) и к городскому комплексу отношения явно не имеет.

Здесь не лишне вспомнить о том, что первая столица Золотой Орды была основана ханом Бату в начале 50-х гг. XIII в. (Измайлов, Зеленева, 2009, с.217), когда ислам отнюдь не являлся еще основополагающей религией этого государства. Поэтому с точки зрения конфессиональных «тонкостей»

¹²⁶ Тогда, видимо, еще сухой степи.

для пребывания в окрестностях города кочевников-язычников препятствий не было.

В ближайших окрестностях г.Бельджамен (Водянское гор.) (Егоров, 1985, с.109-110) кочевнические курганы золотоордынского времени также не выявлены. Шесть погребений из могильника у с.Верхнее Погромное расположены на левом, противоположном от городища берегу Волги. Погребение в кургане у с.Гусевка – в 70 км севернее Водянского городища (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с.83).

Аналогичная картина наблюдается и в окрестностях г.Увек (окраина современного г.Саратова). Ближайшие к городу курганные захоронения – Покровск, Зауморие, Скатовка – расположены на левом берегу Волги, а Аткарский грунтовый могильник – в 70 км к северо-западу.

На территории современного Восточного Татарстана, где сосредоточено наибольшее количество городов, существовавших в эпоху Золотой Орды, известны всего четыре кочевнических захоронения из Балымерского могильника, которые могут трактоваться не более как случайное явление на данной территории.

В степях к западу от Волги наблюдается аналогичная картина: в ближайших окрестностях золотоордынских городов Маджары, Азак, Шехраль-Джадид (Старый Орхей), Ак-Керман, Килия кочевнических курганов не выявлено.¹²⁷

На этом фоне необычно выглядят окрестности города Сарай ал-Джадид (Царевское городище), возникшего не ранее 40-х годов XIV в. (Блохин, Яворская, 2006, с.80). В радиусе 20 км от него вверх и вниз по левому берегу Ахтубы (чуть более часа верховой езды рысью) расположены 18 курганных могильников золотоордынского времени: Заплавное II, Бахтияровка I-III, Ленинск I и II, Маляевка I, V, VI, Солодовка I-III, Царев, Колобовка I-IV,

¹²⁷ Самые ближайшие к г. Азаку курганы Русский Колодец и Мануйловка расположены в 50 км от него через Таганрогский залив, а самый близкий к г.Килия Траповский могильник расположен в 60 км к северо-востоку на восточном берегу оз.Сасык (Кундук).

Зубовка. В общей сложности – 158 погребений (85,2% от всех золотоордынских кочевнических погребений Нижнего Поволжья).

Данному «феномену» имеются несколько объяснений. Первое – «некоторая часть некрополей начала функционировать в золотоордынское время еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Основным занятием населения на этой территории до возникновения города было, по-видимому, кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников к полукочевому» (Блохин, Яворская, 2006, с.97).

Второе – «в округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира...» (Недашковский, 2010, с.237).

В принципе оба эти предположения не противоречат друг другу, а никакой другой альтернативы мы предложить не можем.

Л.Ф.Недашковский рисует обоснованную и убедительную схему динамики потенциальных экономических зон поселений округи Царевского городища.¹²⁸ Из приведенных исследователем данных следует, что на всем протяжении истории этого города (с 1266 по 1395 гг.) очертания границ его экономических зон менялись незначительно и кочевники, представленные большим скоплением погребений в этом районе, стабильно находились рядом с этими зонами. Это и привело автора к совершенно справедливому выводу «о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой» (Недашковский, 2010, лл. 10-14; с.246). Едва ли есть смысл сомневаться в том, что так оно и было, и в том, что связи эти имели выраженный экономический, но не социальный характер. Под

¹²⁸ Он ее рисует для всех крупных городов Нижнего Поволжья, но нас в данном случае интересует именно Царевская.

последним подразумеваются различия в динамике социального развития золотоордынских городов и «кочевой степи».

И здесь мы опять обратимся к кочевническим погребениям с монетами, составляющим 9,5% от всех погребений нашей выборки. Главным образом это монеты ханов Узбека (1312-1341), Джанибека (1342-1357) и Бердибека (1357-1359), на время правления которых приходится утверждение ислама, как государственной религии Золотой Орды. 8,8% от указанных погребений – языческие, т.е. содержат конские захоронения и сопутствующие погребенному вещи (табл.2). Они встречаются в могильниках, расположенных в окрестностях городов (Бахтияровка II, III, Царевский, погребение в Саратове), но преобладают в степи.

Таблица 2.

Языческие погребения с монетами золотоордынских ханов.

	Могильник	№ погр.	Сопутствующие вещи
1	Абганерово III	1	Бусы, браслет, ножницы
2	Августовка	1	Удила, стремяна, кресало, нож
3	Андреевский	1	Стремяна, удила, нож, кости животного
4	Афанасьевский	1	Наконечники стрел, берестяной колчан.
5	Ают	2	Серьги, ножницы.
6	Балкин Хутор	1	Стремяна, удила, поясные накладки, стрелы, колчан, нож, кресало, кости овцы.
7	Бахтияровка II	46	Шкура коня, кости овцы, стремяна, удила, стрелы, лук, колчан, нож, кресало.
8	Бахтияровка II	47	Шкура коня, кости овцы, нож, кресало.
9	Бахтияровка II	49	Шкура коня, кости овцы, стремяна, удила, седло, бокка
10	Бахтияровка II	51	Нож
11	Бахтияровка II	61	Кости овцы, нож, кресало, бокка.
12	Бахтияровка II	63	Кости овцы, стремяна, накладки, нож, колчан
13	Бахтияровка II	72	Шкура коня, удила, стремяна, седло, бокка, зеркало, ножницы, пряслице.
14	Бахтияровка II	30	Стрелы, сабля, нож, кресало.
15	Бахтияровка II	25	Кости овцы, пряжка, нож, кресало.
16	Бахтияровка II	70	Серьги, «бокка», зеркало, бусы, амулет, ножницы, пряслице.
17	Бахтияровка II	24	Стремяна, стрелы, колчан, нож, медный сосуд.
18	Бахтияровка III	95	Шкура коня, удила, седло, стрелы, колчан, пряжка, нож
19	Бахтияровка III	87	Серьги, бусы, амулет, нож.
20	Бахтияровка III	110	Серьги, бусы.
21	Бахтияровка III	108	Нож, кресало
22	Бахтияровка III	92	Серьги, бусы, ножницы.
23	Белокаменка	Д-40	Кости жив., колчан, нож.

24	Бережновский I	43	Остов коня, стремяна, удила.
25	Блюменфельд, гр.Б	2	Кости жив., удила, стремяна, стрелы, нож, кресало.
26	Боаро	Д-26	Удила, стремяна, седло, нож, стрелы.
27	Большой Царын I	2	Кости овцы, стремяна, удила, седло, стрелы, колчан.
28	Геленджик	4	Глиняный сосуд, стрелы, нож.
29	Городище Бозок	оградка, п.3	Стрелы.
30	Градешка	0	Остов коня, бусы, бокка, амулет.
31	Гува I	2	Стремяна, глиняный сосуд, стрелы, колчан, кресало.
32	Гува II	4	Кости овцы, удила, стремяна, стрелы, пряжка, нож, кресало.
33	Гува II	5	Кости овцы, стремяна, удила, стрелы, колчан, пряжка, нож, кресало, гребень.
34	Гува II	7	Удила, стремяна, седло, стрелы, колчан.
35	Давыдовка III	4	Наконечники стрел, колчанные накладки, пряжка.
36	Даниловка	1	Остов коня, стремяна, седло, стрелы, сабля.
37	Джангала	1	Зеркало, нож.
38	Джангала (Нов.Казанка)	1	Зеркало, нож.
39	Джангала. Сарайдин	1	Зеркало, нож.
40	Дюна Лапас	0	Поясная пряжка
41	Жарсуат I	4	Нож
42	Жартас	5	Кости жив., стремяна, удила, седло, лук, стрелы, нож, сумка, пояс.
43	Зауморье	3	Стрелы.
44	Зергента II	3	Серьги.
45	Иловля	2	Шкура коня.
46	Королевка	0	Кости жив., стремяна, удила, пряжка, стрелы, колчан, нож.
47	Кривая Лука	5	Стремяна, стрелы, колчан, пряжка, бусы, нож, медный сосуд
48	Купцын-Толга	12	Кости овцы, стрелы.
49	Лески	0	Шкура коня, кости овцы, серьги.
50	Марьевка	0	Стремя, жел. наконечники стрел
51	Марьевка	0	Стремяна, костяная пуговица.
52	Маячный бугор	мавзоле й	Серьги, перстень, «бокка».
53	Маячный-1	93	Кости овцы, зеркало, гребень.
54	Маячный-1	94	Колчан, серьга, кресало, сумка.
55	Маячный-1	103	Кости овцы, серьги.
56	Маячный-1	105	«Бокка».
57	Маячный-1	106	«Бокка», зеркало, ножницы.
58	Маячный-1	163	Пряжка, гребень.
59	Маячный-1	188	Серьги, перстень, «бокка», зеркало.
60	Маячный-1	189	Серьги.
61	Маячный-1	215	Серьги, «бокка».
62	Миновка	3	Остов коня, стремяна, удила, кости жив., пряжка, стрелы, колчан, нож, кресало.
63	Миновка	3	Остов коня, кости овцы, стремяна, удила, стрелы, пряжка, нож.
64	Мокринский I	10	Бусы, берестяная бокка.
65	Мокринский I	13	Шкура коня, серьги.

66	Мокринский I	14	Шкура коня, серьги, бусы, перстень, амулет.
67	Мордово	0	Остов коня, сосуд, сабля.
68	Новая Меловатка	1	Удила, стремяна, стрелы, колчан, нож.
69	Новая Меловатка	6	Ножницы.
70	Новая Молчановка	6	Ножницы.
71	Новоорский II	1	Пряжка и другие.
72	Озеро Раим	1	Зеркало, нож.
73	Плоское	15	Шкура коня, седло, стрелы, сабля.
74	Пскент	0	Стремяна, седло, бусы, нож, ножницы, зеркало.
75	Пскент	0	Стремяна, седло, стрелы, колчан, нож, кресало, медный сосуд.
76	Ровное	Д-40	Нож
77	Саратов	0	Стремяна, удила, стрелы, накладки, нож, кресало.
78	Сенной	5	Кости овцы, стремяна, удила, пряжка.
79	Совхоз им.Луначарского	0	Шкура коня, стремяна, стрелы, кресало.
80	Суслы	40	Серьги, бусы, нож
81	Тасмола IV	2	Удила, стремяна, стрелы, колчан, серьги, нож, кресало.
82	Тлягуловский	1	Остов коня, стремяна, удила, седло, стрелы, нож, медный сосуд.
83	Халчаян	0	Стремяна, седло, стрелы, накладки, медный сосуд.
84	Харьковка I	13	Удила, стремяна, стрелы, нож, кресало.
85	Харьковка, гр.Б	2	Удила, стремяна, колчан, нож, кресало, сумка, медный сосуд
86	Царевский	16	Пояс, бусы, амулет, кости животного.
87	Шахтерск	8	Шкура коня, удила, стремяна, стрелы, нож, кресало.
88	Шихан на р.Иловле	2	Остов коня, зеркало.
89	Шихан на р.Медведице	1	Кожаная сумка и другие.

И здесь опять есть смысл вспомнить и об «исламском факторе» в отношениях между золотоордынским городом и кочевой степью, который также мог способствовать территориальному отдалению кочевников от города: мы не знаем, насколько «толерантны» были городские мусульмане к своим соседям-язычникам. И наоборот.

Что касается концентрации кочевнических курганов в округе Царевского городища (город Сарай ал-Джедид), то здесь уместно будет вспомнить и о том, что в предшествующее время, в частности, в X-XI вв. на этой территории наблюдалась аналогичная картина – могильники Бахтияровский, Калиновский, Царевский, Солодовка, Ленинск (в общей сложности 20,1% от всех учтенных погребений огузо-печенежского

времени). Это дает нам основание предполагать, что данное место издревле являлось местом традиционных зимовок кочевников Урало-Поволжья¹²⁹. И не стоит исключать и того обстоятельства, что появление здесь города (и вообще степных городов Нижнего Поволжья) явилось дополнительным (если не основным) диссонансом в отношениях «кочевой степи» с центральной ордынской властью. На наш взгляд, все это емко объяснено Э.С.Кульпин-Губайдуллиным: «Появление человека сделало степной гомеостаз менее устойчивым по ряду причин. Степные города создавались на пустом месте. Люди, их заселившие, не знали, как вести себя в степи, **не знали, что навыки, выработанные предками в других природных условиях, могут оказать на новом месте плохую услугу** (выделено мной – В.И.). Зачастую не знали новую степь и кочевники. Она казалась им несравнимо более богатой их прежних родных мест, но они не знали границ ее возможностей, за которыми следует экологический кризис или локальная экологическая катастрофа» (Кульпин, 2009, с.71).

В целом же совершенно очевидно, что в географическом и, соответственно, ментально-психологическом отношениях золотоордынские города и «кочевая степь» представляли собой два параллельных явления в социально-политической и этноконфессиональной жизни Золотой Орды (рис. 1). Связь между ними была чисто экономической: материальная культура кочевников регулярно «подпитывалась» продуктами городского ремесла – дорогие одежды, «элитное» оружие, некоторые виды и типы украшений – что и превратило золотоордынскую культуру в «имперскую», т.е. надэтническую. Тогда как «золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи» (Недашковский, 2010, с.221). Что же касается духовной связи между золотоордынским городом и степью, то ее вряд ли стоит преувеличивать. И «ордынская замятня» 60-х – 80-х гг. XIV в. – наглядный тому пример.

¹²⁹ Так же, как, впрочем, и вообще все Ахтубинско-Волжское левобережье.

Об «ордынской замятне» (смуте) 1360-х – 1380-х гг. написаны такие «монбланы» исследований, что пересказывать в очередной раз средневековые нарративы, описывающие этот период в истории Золотой Орды, было бы просто не серьезно. Тем более что в данном случае нас она, «замятня» интересует, прежде всего, в контексте реакции и участия кочевников-степняков в этих событиях.

Сразу же следует оговориться: ни в одном из известных средневековых нарративах мы не найдем никакого конкретного сообщения о том, какую роль играли именно обитатели золотоордынской степи в ходе и перипетиях «великой замятни». И едва ли есть смысл заниматься здесь источниковедческой критикой этих самых нарративов в интересующем нас контексте. Их авторы – в большинстве своем чиновники различного ранга – все свое внимание уделяли основным «vip-персонам» «замятни», многочисленная, но «безлика» масса кочевников, чьими саблями и копьями свершались бесконечные перевороты и осуществлялась борьба за сарайский трон, их не интересовала¹³⁰.

Попробуем представить *виртуальную* реакцию кочевой знати и идущих за ней рядовых кочевников-оратов на политическую ситуацию, сложившуюся в Золотой Орде (Улусе Джучи) к середине XIV в. К этому времени аристократическая верхушка государства уже расслоилась на знать городскую, проводившую политику исламизации и покровительства торговле городов, и знать степную, продолжавшую чтить билики Великой Ясы и жить по ним (Федоров-Давыдов, 1973, с.103-104). Поэтому, с одной стороны, степные нойоны (эмиры) смогли позволить себе ответить отказом хану Узбеку на его требование принять ислам («Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?»), с другой – расправа Узбека над этими несогласными не

¹³⁰ Что вполне логично и естественно – историю «делают» вожди, овладевшие сознанием масс.

вылилась в смуту, поскольку это было наказание непокорных подданных¹³¹ представителем «золотого рода» Чингизидов. Более того, начинается почти 30-летний период наивысшего могущества Золотой Орды (этакий «золотой век» Узбек-хана). И хотя, судя по письменным источникам, эмиры своим мнением могли влиять даже на решение матримониальных вопросов ханской семьи (Федоров-Давыдов, 1973, с.107), но едва ли в данном случае эти нюансы были известны за пределами ханского дворца. И даже борьба дворцовых группировок за власть после Узбека – это были сугубо дворцовые перевороты, к которым кочевая Степь, по-видимому, оставалась индифферентной.

Ситуация начинает рушиться после кровавого переворота, устроенного Бердибеком в 1357 году. Вырезав своих 12 братьев, Бердибек пресек Батуидскую ветвь клана Джучидов, что абсолютно не означало отсутствие других претендентов на сарайский трон из числа других, уже не Узбековой ветви, Батуидов. После «мутных» в генеалогическом и социальном отношениях Кульны и Науруса в Сарай приходит Хызр-шейбанид, который «во главе своих войск ... двинулся на Сарай, захватил Науруса, преданного сарайскими эмирами и занял трон» (Почекаев, 2012, с.139-148). А что это значит «со своими войсками»? Только то, что сторонников Науруса и его войска громили кочевники из Улуса Шибана – язычники-тенгрианцы, самой пестрой этнической принадлежности – для которых убить сарайского мусульманина следовало уже хотя бы за то, что он резал барана не по билику Великой Ясы.

С этого времени (1361 г.) до 1377 г. начинается «игра в ханы» (Почекаев, 2012, с.140) на сарайском престоле, среди участников которой выделяются как самозванцы (Ордумелик, Кильдибек, Бюлек, Хаджи-Черкес), так и общепризнанные Шейбаниды (Тимур-Ходжа, Мюрид, Азиз-шейх, Ильбек, Каганбек, Арабшах) (Почекаев, 2012, с.151, 158, 162; Сорогин, эл.

¹³¹ Строптивые в вопросах веры эмиры не были Чингизидами (Федоров-Давыдов, 1973, с.101-102). Тем более, еще и заговорщики.

ресурс). В контексте нашей темы последнее означает (с наибольшей долей вероятности), что ханы-Шейбаниды приходили в Улус Бату со «своими войсками», состоявшими из кочевников – найманов, карлуков, кушчи, буйрак (по В.П.Костюкову) – хотя и тюркоязычных, но этнически кыпчакам-половцам восточноевропейских степей не тождественных. А главное – с явным преобладанием языческой ментальности¹³². Для них золотоордынский город являл собой источник всяческого зла, ибо, во-первых, по Великой Ясе «запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете»¹³³. Во-вторых (и это главное), любое забвение Ясы влечет за собой упадок Великого Государства, оставленного Великим Чингисханом своим потомкам: «Если вельможи, богатыри и военачальники, находящиеся на службе у детей Ханов, которые наследуют мне, не будут крепко соблюдать Ясу, то дело государства испытает потрясение и прервется. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут» (Чингисиана, 2009, с.475, 479).

Поэтому и утверждение в правом (западном) крыле Золотой Орды беклярибека Мамаю с его игрушечными «ханами» - Абдуллахом и Мухаммедом (Кучкин, 2010) – по-видимому не произвело ожидаемого впечатления ни на эмиров правого и уж тем более левого крыла. Первые почему-то не успели собраться в назначенное время для похода на Русь в 1380 г.¹³⁴, поэтому «узнав о подходе русских буквально за несколько дней до сражения, бекляри-бек проделал поистине титаническую работу: ему удалось на последние имеющиеся средства (а возможно и в доле) нанять войска армянских и северокавказских князей, генуэзских наемников и других

¹³² Может быть, наличие на Дону и Левобережной Украине погребений под каменными конструкциями обозначает приход туда этих самых войск, утверждавших своего очередного хана на золотоордынском троне?

¹³³ Какое тут может быть со стороны кочевника-степняка почтение и уважение к ханам, неизвестно откуда бравшимся?

¹³⁴ Хотя, может быть у них и сил-то для этого не было: ведь перед этим был 1378 г. – жестокий погром русскими войсками мамоевой конницы на р.Воже.

степных авантюристов и выставить против русских армию, вряд ли меньшую по численности.

Однако, в отличие от собственных войск Мамай, которые так и не успели к битве¹³⁵... наспех собранные наемники представляли собой многочисленную, но совершенно неорганизованную массу людей, которых бекляри-бек так и не успел превратить в полноценную армию» (Почекаев, 2012, с.170-171).

Вторые в это же самое время получили себе нового сильного сюзерена – Урус-хана, которого современные исследователи¹³⁶ воспринимают едва ли ни как русского по матери (Мухаметов, 2000, с.260; Злыгостев, 2012, с.42). Так это или не так – для нас не суть важно. Важно, что в то время, когда Мамай устраивал свою авантюру с походом на Русь, Золотая Орда уже не представляла собой политически монолитного государства и ею правили сразу два правителя – Урус-хан к востоку от Волги, Мамай – к западу. История взлета и падения Мамай изучена очень подробно. С Урус-ханом все будет посложнее. Будучи выходцем то ли из Белой, то ли из Синей Орды¹³⁷ (в любом случае – из «Орды Заяицкой»), Урус-хан мог опираться только на кочевую знать и нукеров Восточного Дешт-и-Кыпчака. А это были язычники-тенгрианцы, равно индифферентные и к исламу, и к городской культуре. Тем более, что с территорией «Заяицкой Орды» были связаны только города Сыгнак и Сауран в низовьях Сырдарьи, которые до монгольского завоевания принадлежали кыпчакам-язычникам (Бартольд, с.252), быстро сумели оправиться после монгольского погрома, но в конце XIII-XIV вв. оставались едва ли не единственными островками городской жизни в кочевой степи «Восточного Дашта». Поэтому говорить о каком-то духовном и культурном влиянии золотоордынского города на ментальность кочевников «Заяицкой Орды» просто не приходится, она оставалась «антигородской» и «антимусульманской».

¹³⁵ А не преднамеренно ли? – В.И.

¹³⁶ Вслед за Г.В.Вернадским (Вернадский, 2001, с.252).

¹³⁷ Подробно этимология этих названий рассмотрена К.З.Ускенбаем (Ускенбай З.К., 2002, с.46-62).

Едва ли способствовала укреплению авторитета и, соответственно, власти Урус-хана в глазах степных эмиров и нойонов расправа, которую он учинил над огланом Туйходжой (Тукатимуридом) за отказ того идти походом на Сарай. С точки зрения Уруса, такой демарш вполне мог расцениваться как отказ признать власть нового хана, с точки зрения эмиров Кок-Орды (Синей Орды), это могло быть обусловлено отсутствием веской мотивации для их участия в «семейных разборках» джучидских династов (Варваровский, 2008, с.119-120; Злыгостев, 2012, с.44). Как бы то ни было, очевидно одно – сепаратизм улусбегов Улуса Джучи набирал силу. И хотя «уставшие от многолетнего хаоса беки и народ» (Трепавлов, 2010, с.62) вначале поддержали Тохтамыш («Нового Чингисхана») в его идеалистически-авантюрной попытке возродить единовластие и порядок в Улусе Джучи, исчерпывающе, на мой взгляд, освещенной и даже, я бы сказал, воспетой в трудах современных исследователей (Миргалеев, 2003; Злыгостев, 2012; Почекаев, 2012, с.189-211), но и в этом случае они не выступали единым фронтом: история борьбы Едигея/Идику – еще один выходец из Синей Орды – с Тохтамышем наглядное тому подтверждение.

Финал исторической драмы Золотой Орды в XIV в. хорошо известен: погром золотоордынских городов, учиненный Тимуром в 1395-1396 гг. положил конец городской цивилизации Золотой Орды. Кочевники Правого крыла (кыпчаки) палец о палец не ударили, чтобы их восстановить, а кочевникам Левого крыла (мангытам) они и вовсе не были нужны.

Коль скоро выше мною было предложено воссоздать *виртуальную ситуацию* в золотоордынской степи во второй половине XIV в., попытаемся продолжить этот дискурс. С одной стороны, утверждение Тохтамыша на джучидском троне и его государственная деятельность явились, по мнению исследователей, «ренессансом» ордынского великодержавия (Миргалеев, 2009, с.706-712; Злыгостев, 2012, с.175-184). Действительно, если следовать историческим дискурсам, созданным современными исследователями жизни и деятельности Тохтамыша, то в его время «ремесленное производство и

внутренняя торговля, благодаря возобновлению правопорядка в стране, получили возможность восстановиться... во время правления Тохтамыша экономика (в т.ч. торговля золотоордынских городов переживает подъем» (Миргалеев, 2009, с.707). «Тохтамышем были предприняты попытки по возрождению былого имперского блеска городов Нижнего Поволжья, выражавшегося не только в виде возвращения им статуса крупнейших ремесленных и торговых центров – он хотел вновь сделать главные золотоордынские города центрами духовности, культуры и просвещения, коими они являлись тридцать лет назад» (Злыгостев, 2012, с.182).

Вполне допускаю, что в городах именно так и было, и что городская знать не только поддерживала Тохтамыша, но и оказала решающее влияние на формирование не только внутренней, но и внешней политики хана (Шамси, 2008, с.90-91). Прямых свидетельств описанных явлений мы не имеем, поэтому дискурсный подход к их освещению может быть принят. Но когда мы обращаемся к нарративам, то получаем не меньше свидетельств того, что степная знать к тохтамышевскому «ренессансу» оставалась, если не враждебной, то индифферентной. Как относились кочевые эмиры к походам Тохтамыша на Москву, Кавказ и в Мавераннахр (1382, 1386-1387 гг.) и участвовали ли они в них со своими войсками, мы точно не знаем. Наверное, участвовали, поскольку потенциальная добыча – мотив серьезный. Но как только ситуация изменилась и войска Тимура вторглись в Дешт-и-Кыпчак (1391 г.) среди степных эмиров обнаружили не только откровенные «коллорабационисты» типа Едигея/Идику и его приспешников, но и «пятая колонна», объективно способствовавшая поражению Тохтамыша. Это и огланы и эмиры Бекбулат, Коджа-медин, Бекиш, Турдучак-берди, Давуд – ближайшее окружение Тохтамыша («головни мои были слуги») – тайно сотрудничавшие с Тимуром, а затем и открыто предавшие своего хана (Миргалеев, 2007, с.35; Злыгостев, 2012, с.447-448). В сражении на Кондурче – это знаменосец хана, подкупленный Тимуром и своими действиями (уронил ханское знамя) усиливший панику в ордынском войске. В битве на

Тереке (1395 г.) это эмир Актау, перед сражением затеявший кровную месть с другим эмиром и в итоге со всеми своими нукерами покинувший войско Тохтамыша. Его примеру последовали еще несколько эмиров (Миргалеев, 2003, с.62-63; 2007, с.64; Злыгостев, 2012, с.333-334).

Последующие метания разгромленного Тохтамыша по степи в поисках верных эмиров и сбора нового войска для войны теперь уже с изменником Едигеем, по-видимому, только усугубляли сумятицу в головах степных эмиров и нойонов. Поэтому десятилетняя, по сути, гражданская война 1396-1405 гг. между двумя правителями вполне логично закончилась поражением и гибелью Тохтамыша, окончательно лишившегося опоры в лице степных эмиров и победой Едигея/Идику, как раз на кочевников Синей Орды и Мангытского юрта и опиравшегося. Итогом этой войны явился окончательный распад Золотой Орды. И вот здесь как раз образование на развалинах Золотой Орды Большой Орды (Тахт эли), «отцом-основателем которой фактически стал Едигей, является весьма красноречивым историческим фактом, опираясь на который можно резюмировать все, сказанной в данной главе: «В правом крыле государства (Золотой Орды – В.И.) в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, действовали оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Явно наблюдалась этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала эпидемия чумы в середине столетия, а затем **войны и миграции кочевников с востока** (выделено мной – В.И.) прервали этот процесс.

Эти пришлые носители архаичных социальных и культурных норм, ордынцы левого крыла, свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными» (Трепавлов, 2010, с.20).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следуя «закону жанра», в заключение настоящей работы следует привести обобщенные тезисы, отражающие историческую географию, типологию погребального обряда и материальной культуры кочевников Золотой Орды в их хронологической динамике, их религиозные верования и этнополитическую историю. Но поскольку основной акцент исследования был сделан на источниковедческий контекст истории и культуры населения золотоордынской степи, подведем итоги критики, анализа и синтеза археологических источников, имеющихся в нашем распоряжении. Тем более что других мы просто не имеем.

География распространения курганов и курганных могильников XIII-XIV вв. в степях Восточной Европы показывает, что их локализация привязана к бассейнам крупных рек, пересекающих степь с севера на юг: Урал, Волга, Дон, Днепр. Это притом, что, как было сказано в первой главе, в эпоху Золотой Орды степи Восточной Европы переживали период климатического оптимума, когда современные пустыни и полупустыни той же самой Прикаспийской низменности – самой гиблой территории современной Восточноевропейской степи – представляли собой хотя и сухую, но степь. Однако здесь археологических памятников рассматриваемого периода и типа мы не находим. Что, на мой взгляд, может объясняться только тем обстоятельством, что для кочевников Золотой Орды сухие степи все равно оставались территориями с экстремальными условиями жизнеобеспечения и если и использовались, то очень непродолжительное время.

Этот вывод может быть распространен и на глубинные территории Степи, «орошаемые» мелкими степными реками с сезонным стоком вод. По их берегам кочевнические памятники рассматриваемого периода хотя и встречаются, но в количестве, значительно уступающем количеству памятников в бассейнах крупных рек. Исключение составляют низовья рек

Большой и Малый Узень. В их низовьях (т.н. Чижинские разливы) выявлены 2,4% от общего количества известных сейчас кочевнических погребений Золотой Орды. Однако здесь следует иметь в виду, что Чижинские разливы – это своеобразный степной оазис в междуречье Урала и Волги, изобилующий водой и пастбищами: «разливом называются заливаемые избытком речной и снеговой воды степные низины – иногда в несколько десятков верст в диаметре. От разлития весенних вод рек двух Чижей образуются громадные чижинские разливы, дающие сотни стогов сена из чистого как бы посевного «аржаника». В зимнее время более низкие части разливов, недоступные по своей болотистости летом, служат очень удобным убежищем для скота... Таким образом, не имея особого значения по своей малой величине и потому, что протекая по солонцеватой почве, к концу лета имеют во многих местах горько-соленую воду, эти степные речки имеют громадное значение для орошения громадных лугов, а следовательно, и для скотоводческого хозяйства» (Брокгауз и Ефрон – Эл. ресурс). Но это были очень небольшие, в масштабах степи, территории – 3000 км² – из-за которых еще в середине XIX в. шли бесконечные тяжбы между уральскими казаками и казаками Букеевской орды (Кортунов и др., 2014). Едва ли следует сомневаться в том, что и в эпоху Золотой Орды эти территории могли быть предметом "разборок" между кочевыми родами. Можно также предположить, что подобные "разливы" и заливные поймы больших рек являлись регуляторами географии расселения кочевников, но и факторами, определяющими численность кочевых сообществ. Последняя, например, как это показано Н.Э.Масановым для казахов рубежа 18-19 вв., во многом зависела от количества и качества водных источников. Именно источники¹³⁸ и прилегающие к ним пастбищные угодья определяли то обстоятельство, что в теплое время года на летовках-йайляу кочевники рассыпались по степи отдельными семьями, а к зиме, подобно шарикам ртути, «скатывались» к местам зимовников-кышлау (Масанов, 1984, с.99-105). И этот факт

¹³⁸ Местонахождение которых подчас тщательно скрывалось от соседей.

необходимо учитывать, во-первых, и при дальнейших уже целенаправленных поисках памятников средневековых кочевников, во-вторых, при анализе сведений нарративов относительно «бесчисленности» кочевых орд.

Обратимся к географии типов кочевнических погребений Золотой Орды. Мы убедились в том, что среди них отчетливо выделяются две группы: захоронения, совершенные в земляных курганах и захоронения под каменными конструкциями («каменные курганы»). Их морфология и география показывают, что они оставлены различными по своей этнической принадлежности группами кочевников. И если земляные курганы по большинству своих морфологических признаков дают основание настаивать на кыпчакской/половецкой принадлежности оставившего их населения, то «каменные курганы» в силу своей малочисленности и «эксклюзивности» в степях Восточной Европы открывают самые широкие возможности для создания этноисторических дискурсов. Однако в этой ситуации открывается один весьма любопытный момент. Хотя никто из современных исследователей уже не сомневается в том, что кочевники, оставившие эти памятники, своим происхождением связаны с тюрко-монгольским миром Центральной Азии, но восточная граница ареала исследованных к настоящему времени «каменных курганов» XIII-XIV вв. проходит по степям Южного Зауралья. Вместе с тем, известно, что аналогичные (внешне) курганы известны и в Казахстане, но они абсолютно не исследованы. И я беру на себя смелость предложить заинтересованным коллегам создать такую *виртуальную ситуацию*: допустить, что каменные курганы, по своему внешнему виду (каменная или каменно-земляная насыпь, небольшие размеры – не более 6-8 м) также датируются XIII-XIV вв. Картографировав их, мы получаем замечательную по своей выразительности картину: абсолютное большинство из взятой случайно выборки памятников (Археологическая карта Казахстана, 1960), отвечающих приведенным выше признакам, расположены на северной периферии степи, по северным склонам Тургайского плато и Кокшетаусской возвышенности и наиболее плотно

локализуются в районе озер Иртышско-Ишимского междуречья. На западе, в верховьях р.Тобол, они практически смыкаются с ареалом «каменных курганов» Южного Предуралья (рис. 27). Может кто-нибудь доказательно опровергнуть¹³⁹ предположение, что все это – территория обитания кочевников одного и того же этнокультурного массива?

С «имперской культурой» кочевников Золотой Орды тоже, по-моему, все достаточно ясно. Если считать таковой наконечники стрел-срезни, серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала и «бокка», то она у кочевников Золотой Орды действительно была. И «имперской» она может определяться, прежде всего, потому, что в степи Восточной Европы была принесена монголами-завоевателями. Они-то и определили моду на вооружение (нельзя забывать о строгой военной регламентации в империи Чингисхана), женский костюм и его аксессуары. Но также не следует забывать и о том, что свой имперский характер эта культура сохраняла только в территориальных и этнокультурных пределах Золотой Орды и не распространялась на территории, подвластные или зависимые от Золотоордынской империи – Русь, Лесное Поволжье и Прикамье, Южный Урал.

Еще один важный момент: едва ли будет научно верным, если в последующих дискурсах, касающихся конфессиональной истории Золотой Орды, археологический материал не будет учитываться в полной мере. И пусть он не может дать достоверной информации о скорости превращения Золотой Орды в полностью исламское государство (так же, как, впрочем, и известные нарративы), но то, что процесс этот не был одномоментным и имел разную динамику в двух культурных средах этого государства – городской и степной – сейчас совершенно очевидно. В этой связи будет не корректным не уделять должного внимания как кочевническим языческим погребениям, имевшим место в течение всего 14 в., так и сообщениям более поздних нарративистов – Георги, Паллас, Лепехин, Рычков и др. – о казахах

¹³⁹ Кроме конечно, того довода, что все эти курганы пока не исследованы.

(киргиз-кайсаках) и башкирах, как о "плохих магометанцах". Все эти данные - археологические и историко-этнографические - тесно между собой связаны, поскольку последовательно отражают *реальную историю* распространения и утверждения ислама в духовной культуре кочевой Степи, а не видение этого процесса современными дискурсантами.

По результатам анализа археологического материала мы имеем возможность убедиться и в том, что археологические данные не только подтверждают, но и усиливают классический тезис о бикультурном облике Золотой Орды. Для этого государства было характерно наличие двух культурных пространств, различающихся как в материальном плане (образ жизни и хозяйствования), так и в духовно-психологическом (ментальном)¹⁴⁰. Большую часть географического пространства Золотой Орды занимал традиционный для Монгольской империи мир кочевой Степи. Искусственно созданная городская среда являлась в нем чужеродным элементом. Подобно элементам даосского символа «инь-янь» оба эти мира соприкасались друг с другом, взаимодействовали, дополняли друг друга, но до тех пор, пока существовало скрепляющее их «кольцо» в лице сильной ханской власти. «Кольцо» распалось и взаимодействие элементов структуры вылилось в бесконечные походы кочевников на золотоордынские города с целью посадить на трон своего очередного хана. И я не думаю, что победители не грабили и не разоряли горожан. То есть, как бы то ни было, но объективно они также подрывали устои городской культуры Золотой Орды.

Четыре пункта совершенно отчетливо обозначают отношение кочевников к городу. *Первый* – Тимур в 1395-1396 гг. стер с лица земли городскую культуру Золотой Орды и она более никогда в полном объеме не восстановилась, а кочевая Степь продолжала жить. *Второй* – широко цитируемая реплика «татарского купца» на вопрос И.Барбаро (1436 г.) – нравится ли ему надвратная башня г.Таны (Азов) – «башни строит тот, кто трусит». Частный случай, но он имеет свое развитие в *третьем пункте* –

¹⁴⁰ Что гораздо более важно.

отсутствии стольных городов в составе Большой Орды – Тахт эли (XV в.) (Трепавлов, 2010, с. 44). *Четвертый* (завершающий аккорд) – в конце XIX в. из числа казахов (самый многочисленный кочевой этнос в составе Российской империи) только 1,1% проживали в городах (Масанов, 1995, с. 248, табл. 1). То есть, город и кочевая Степь – понятия и явления не интегрируемые. Поэтому дальнейшие дискуссии (и дискурсы) по поводу естественноисторической тяги кочевников к оседлости и городской жизни не имеют смысла.

Подводя итог всему сказанному выше, приходится констатировать, что археология кочевников Золотой Орды, в том ее виде, как она существует сейчас, подошла к порогу своих информационных возможностей. Типология вещевого материала и погребального обряда, разработанная в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым, современными исследователями используется только в плане пополнения ее новыми артефактами. А поскольку в основном это пополнение происходит с территории степей Восточной Европы, то имеющийся комплекс археологических источников – это, по сути, гомогенная структура, которая уже исчерпала свой информационный потенциал. По этой причине перестала работать и хронология кочевнических древностей Золотой Орды: вторая половина XIII-XIV вв. – это единственное, что мы можем предложить для определения места того или иного памятника в истории Золотой Орды. И это тоже понятно и объяснимо, поскольку ни одной даты, установленной с помощью методов естественных наук, для золотоордынских памятников мы не имеем. В области этногенеза и этнокультурной истории Золотой Орды мы опять-таки «барахтаемся» в гомогенном пространстве памятников Восточной Европы и пытаемся каждое погребение интерпретировать с помощью средневековых нарративов, которые сообщают нам о чем угодно, только не об археологической морфологии населения, попавшего в сферу внимания нарративистов. Тогда как к востоку от Мугоджар простирается необозримое пространство, усеянное археологическими памятниками, содержащими ответы на многие

вопросы, так и остающимися «дискуссионными». Поэтому, очевидно, не случайно известный историк-тюрколог Д.М.Исхаков, прослушав мой доклад на очередном форуме по истории Золотой Орды в Казани в 2015 г.¹⁴¹, обратился ко мне с таким вопросом, в котором я даже уловил некоторые нотки печального недоумения: «а может быть кочевнических памятников к востоку от Урала нет потому, что они уже жили в городах»? Гипотеза, конечно, интересная. Вот только проверить ее, к сожалению, у меня нет ни средств, да, наверное, уже и времени.

¹⁴¹ Доклад опубликован в виде статьи (Иванов, 2016).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Golden P.B. Religion among the Qipčaq̣s of Medieval Eurasia // CAJ 42/2 1996. P.180-237.

Kortunow A.I., Ivanov W.A., Prosjenko A.S. Die politik der Russischen gehören zur regelung der territorialen streite ywischen den Uralkosaken und den Kasachen ("Bukeev-Kirgisen") in den 40-50 jahren des XIX jahrhunderts // Sammlung der Werke der internationalen wissenschaftlich-historischen Akademimitglied L. Blumentrost Konferenz 2014. C. 42-50.

Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII-начале XV вв. (историко-археологическое исследование) / И.В.Антонов. – Уфа, 2006. – 226 с.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. – 450 с.

Атлас Tartarica. Казань-М.-СПб, 2005.

Бабенко В.А. Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 / В.А.Бабенко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. – Донецк: ДонГУ, 2008. – С.157-198.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Маячный Бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология) / М.А.Балабанова, Е.В.Перерва. – Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС, 2013. – 213 с.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года / Ф.В.Баллод. – Казань, 1923. – 102 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т.I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В.Бартольд. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 759 с.

Бартольд В.В. Туркестан и турки. Сочинения. Т.II. Ч.1. / В.В.Бартольд. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 239-256.

Белавин А.М. Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому

комплексу) / А.М.Белавин // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов, 1999.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М.Белавин. – Пермь, 2000. – 200 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века / Г.Н.Белорыбкин. – Пенза, 2003. – 203 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / Г.Н.Белорыбкин. – СПб. – Пенза: Издательство, 2001. – 198 с.

Бермишева М.А., Иванов В.А., Киньябаева Г.А. и др. / Антропология башкир / М.А.Бермишева, В.А.Иванов, Г.А.Киньябаева, Н.А.Лейбова (Суворова), А.С.Лобов, А.П.Пестряков, Н.С.Савельев, В.А.Спицын, Н.Х.Спицына, Т.П.Чижикова, Н.И.Халдеева, Р.И.Хусаинова, Э.К.Хуснутдинова, Б.Б.Юнусбаев, Р.М.Юсупов. – СПб.: Алетей, 2011 – 496 с.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.) / А.А.Бисембаев. – Уральск, 2003. – 232 с.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья / В.Г.Блохин, Л.В.Яворская. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 268 с.

Бобров Л.А. Источники поступления сабель в казахские войска XVII – середины XIX в. / Л.А.Бобров // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана: Фолиант, 2012. – С.346-362.

Бойл Дж.Э. Формы жертвоприношения лошади у монголов в XIII-XIV веках / Дж.Э.Бойл // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. – Донецк, 2008. – С.305-308.

Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья / С.Г.Боталов // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С.210-244.

Боталов С.Г., Бабенков К.Н. Комплексы Агаповских гор и низовий реки Кирса / С.Г.Боталов, К.Н.Бабенков // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006. – С.414-435.

Булгаков Р.М. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р.Урал / Р.М.Булгаков // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 98-101.

Бурханов А. Сарайчук и поселения Волго-Уральского междуречья / А.А.Бурханов // История татар с древнейших времен. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. – С.244-250.

Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Городские ремесла / С.И.Валиуллина, Л.Ф.Недашковский // История татар с древнейших времен. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-середина XV в. Казань, 2009. – С.271-276.

Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века / Ю.Е.Варваровский. – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2008. – 128 с.

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени / Д.В.Васильев // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – Вып.6. – С.101-112.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование / Д.В.Васильев – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 192 с.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование) / Д.В.Васильев. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 179 с.

Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил / Д.В.Васильев // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М.А. Усманова. Казань, 29-30 марта 2011 г. /

Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011 С. 64-72.

Васильев Д.Д. и др. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии / Д.Д.Васильев, М.В.Горелик, С.Г.Кляшторный // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.33-44.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Г.В.Вернадский. – Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2001. – 480 с.

Винников А.З., Цыбин М.В. Материалы Новохарьковского могильника / А.З.Винников, М.В.Цыбин // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – С.10-105.

Власкин М.В. и др. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI / М.В.Власкин, А.И.Гармашов, З.В.Доде. – М., 2006. – 232 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры / Г.Н.Гарустович. – Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1998. – 27 с.

Гарустович Г.Н. Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников / Г.Н.Гарустович // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С.73-97.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга) / Г.Н.Гарустович. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. – 222 с.

Гарустович Г.Н. Средневековые авторы о распространении ислама в Улусе Джучи / Г.Н.Гарустович // Вестник Академии наук РБ. 2012, т.17, №3. – С.55-61.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX - XV вв. н.э.) / Г.Н.Гарустович, В.А.Иванов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 328с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях / Г.Н.Гарустович, В.А.Иванов. – Уфа: «Гилем», 2001. – 211 с.

Гарустович Г.Н. и др. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / Г.Н.Гарустович, А.И.Ракушин, А.Ф.Яминов. – Уфа: «Гилем», 1998. – 336 с.

Гарустович Г.Н. и др. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкортостане / Г.Н.Гарустович, С.В.Рязанов, А.Ф.Яминов. – Уфа: Тау, 2005. – 152 с.

Генинг В.Ф. и др. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / В.Ф.Генинг, Е.П.Бунятян, С.Ж.Пустовалов, Н.А.Рычков. – Киев: Наук. Думка, 1990 – 304 с.

Голден П.Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии / П.Б.Голден // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. – Донецк, 2008. – С.309-340.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Военское искусство, оружие, снаряжение / М.В.Горелик. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.

Горелик М.В. Кочевники-золотоордынцы Восточного Приазовья (заметки к реконструкциям) / М.В.Горелик // Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир-Москва, 2011. – Приложение.

Горелик М.В. Куликовская битва 1380 г. Русский и золотоордынский воины. 2007 / М.В.Горелик. – Эл. ресурс. Реж. доступа: <http://topwar.ru/6940-den-voinskoy-slavy-rossii-kulikovskaya-bitva-1380-g.html>

Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII-XIV веках: традиции имперской культуры / М.В.Горелик // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009. Вып.1. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С.450-462.

Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) / М.В.Горелик // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С.155-160.

Горелик. М.В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV - начала XV вв. / М.В.Горелик // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. Эл. ресурс. Реж. доступа: http://www.kitabhona.org.ua/libwar_armor/gorelikmongolarmor.html

Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону / С.В.Гуркин // Советская Археология, 1987, №4. – С.100-109.

Демкин В.А. и др. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований) / В.А.Демкин, А.В. Борисов, Т.С.Демкина, Т.Э.Хомутова, Б.Н.Золотарева, Н.Н.Каширская, С.Н.Удальцов, М.В.Ельцов. – Пушкино: SYNCHROBOOK, 2010. – 120 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества / В.А.Демкин, Т.С.Демкина // Археология восточноевропейской степи. Электронный ресурс www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf

Джованни дель Плано Карпини, История Монгалов/ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны/ Книга Марко Поло. – М.,Мысль, 1997.

Джувейни А.М. История завоевателя мира // Чингисиана: свод свидетельств современников / А.М.Джувейни – М.: Эксмо, 2009. – 728 с.

Добролюбский А.О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья / А.О.Добролюбский. – Киев: Наукова думка, 1986 – 160 с.

Добролюбский А.О., Гребенников Ю.С. Группа памятников кочевой знати первой половины XIV века в северо-западном Причерноморье / АО.Добролюбский, Ю.С.Гребенников // Древности юго-запада СССР(I-середины II тысячелетия н.э.). – Кишинев, 1991. – С.224-239.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования / З.В.Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. – Донецк: ДонГУ, 2005. – С.305-330.

Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 / З.В.Доде // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001. – С.117-127.

Доманин А.А, Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники / А.А.Доманин. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.

Дружинина И.А. и др. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / И.А.Дружинина, В.Н.Чхаидзе, Е.И.Нарожный. – Армавир-Москва, 2011. – 266 с.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета / А.В.Евглевский // Донецкий археологический сборник. Вып.1. – Донецк, 1992.

Евглевский А.В. и др. "Рядовое" позднекочевническое погребений с нерядовым обрядом из кургана 2 группы Токовские могилы на правобережье Днепра / А.В.Евглевский, Н.М.Данилко, С.А.Куприй // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. – Донецк, 2008. – с.199-214.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья / А.В.Евглевский, В.К.Кульбака // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк: ДонГУ, 2003. – С.363-404.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли / А.В.Евглевский, Т.М.Потемкина // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. – Донецк: ДонГУ, 2000. – С. 117-179.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / В.Л.Егоров – М.: Наука, 1982. – 234 с.

Зеленеев Ю.А. Формирование основ материальной культуры Золотой Орды / Ю.А.Зеленеев // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.І. – Казань, 2007. – С.164-170.

Зеленеев Ю.А. Этнокультурные традиции золотоордынского города / Ю.А.Зеленеев // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) – Казань, 2005.

Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994-2000 гг.) / Ю.А.Зеленеев, С.А.Курочкина. – Йошкар-Ола, 2009. – 264 с.

Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды / Э.Д.Зиливинская // Археология, этнография и антропология Евразии 2(46). 2011. – С.102-112.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов / Э.Д.Зиливинская. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 172 с.

Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную / В.А.Злыгостев. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2011. – 396 с.

Злыгостев В.А. Тохтамыш / В.А.Злыгостев. – Уфа: ДизайнПресс, 2012. – 472 с.

Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения / Сост., вводная статья и комм. Р.П.Храпачевского. М., 2003. – 448 с.

Иванов В.А. Археологическое источниковедение кочевников Золотой Орды или стагнация диалектики / В.А.Иванов // Золотоордынское обозрение. №1. 2016. – С.182-192.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р.Урал / В.А.Иванов // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. – С.75-97.

Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах / В.А.Иванов // Золотоордынское наследие.

Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып.1. – Казань: Изд. «Фэн АН РТ, 2009. – С. 15-23.

Иванов В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в центральном Оренбуржье / В.А.Иванов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. – Оренбург, 2004. – С.74-83.

Иванов В.А. Химеры и миражи Золотой Орды / В.А.Иванов // Золотоордынское обозрение. №1(3). Казань, 2014 – С. 190-211.

Иванов В.А. и др. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии / В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович, Я.В.Пилипчук. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.

Иванов В.А., Горбунов В.С. Раскопки в Оренбуржье и Южной Башкирии / В.А.Иванов, В.С.Горбунов // Археологические открытия 1983 года – М., «Наука», 1984. – С.148-149.

Иванов В.А., Исмагилов Р.Б. Исследования в междуречье Урала и Сакмары / В.А.Иванов, Р.Б.Исмагилов // Археологические открытия 1980 года – М., «Наука», 1981. – С.133.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.) / В.А.Иванов, В.А.Кригер. – М.: Наука, 1988. – 90 с.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Раскопки курганов в Южном Зауралье / В.А.Иванов, Г.Т.Обыденнова // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1985. – С.129-130.

Иванова М.Г. Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989-1992) / М.Г.Иванова // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. – Ижевск, 1995. – С.4-55.

Иванова М.Г. Иднакар - древнеудмуртское городище IX-XIII вв. / М.Г.Иванова. – Ижевск, 1998. – 294 с.

Измайлов И., Усманов М. Ислам в Улусе Джучи / И.Л.Измайлов, М.Усманов // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 599-617.

Измайлов И.Л. Военное искусство / И.Л.Измайлов // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (золотая Орда). XIII-середина XV в. – Казань, 2009. – С.422-431.

Измайлов И.Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде) / И.Л.Измайлов // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Издательство «Фэн», 2006. – С.53-88.

Измайлов И.Л. Организация войска / И.Л.Измайлов // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (золотая Орда). XIII-середина XV в. – Казань, 2009а. – С.409-421.

Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации / И.Л.Измайлов // Ислам и власть в Золотой Орде – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С.98-116.

Измайлов И.Л., Зеленева Ю.А. Нижнее Поволжье и столицы / И.Л.Измайлов, Ю.А.Зеленева // История татар с древнейших времен. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С.215-225.

История башкирского народа. В семи томах. Т.II. Уфа: Гилем, 2012. – 416 с.

История монголов. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 476 с.

История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1051 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) / Д.М.Исхаков, И.Л.Измайлов. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Вып.16 / Р.Р.Каримова. – Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.

Клейн Л.С. Этногенез и археология. Том 1: Теоретическое исследование / Л.С.Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 528 с.

Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е.А.Кожемякин // Научные ведомости. №15 (55) 2008. – С. 5-12.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI-начала XV в. / Н.А.Кокорина. – Казань, 2002. – 383 с.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий / И.Г.Коновалова. – М.: Вост. лит., 2006 – 328 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий / И.Г.Коновалова. – М.: Вост. лит., 2009. – 223 с.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды / В.П.Костюков // Тюркологический сборник 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – 2009. – С.189-236.

Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? / В.П.Костюков // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006а. – С.199-237.

Костюков В.П. Комплекс поздне-тюркских оградок Солончанка VIII / В.П.Костюков // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.VII. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2005. – С.113-117.

Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. / В.П.Костюков // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) – Челябинск, 2006. – С.444-457.

Костюков В.П. Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье / В.П.Костюков // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №2 / 2008. – С.194-210.

Костюков В.П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья / В.П.Костюков // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции – Самара, 1998. – С.311-320.

Костюков В.П. Одиночный курган у «Третьего Плеса» (К проблеме конфессиональной идентификации погребальных памятников кочевников

Золотой Орды) / В.П.Костюков // История и культура Улуса Джучи. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2007. – С.144-168.

Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале / В.П.Костюков // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994. – С.138-156.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. / В.П.Костюков. – Казань, 2010. – 200 с.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / В.В.Кравец. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 206 с.

Кравец В.В. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье / В.В.Кравец – Эл. ресурс. Реж. доступа: http://www3.vspu.ac.ru/historic/russian_hist/publish/amee_2002/kravetz.htm

Кравец В.В. и др. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе "Высокая гора" на юге Воронежской области / В.В.Кравец, В.Д.Березуцкий, А.А.Бойков // Донская археология. 2000. №3-4.

Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII - первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) / М.Г.Крамаровский // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. - Казань, 2001. С. 43-75.

Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде / М.Г.Крамаровский // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С.567-589.

Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: джучидская сокровищница / М.Г.Крамаровский // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С.132-201.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) / М.Г.Крамаровский // Источниковедение

истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556 – Казань, 2002. – С. 43-81.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия / М.Г.Крамаровский. – СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012. – 496 с.

Красильников К.И. К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье / К.И.Красильников // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.15. – Воронеж, 2001. – С.214-224.

Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X-XIV вв.) / В.А.Кригер. – Уральск, 2012. – 200 с.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у п.Лебедевка Уральской области / В.А.Кригер // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. С. 102-116.

Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) / В.А.Кригер // СА, № 3, 1983. – С.171-187.

Кригер В.А., Заседателева С.Н. Исследование могильника Новый Кумак / В.А.Кригер, С.А.Заседателева // АО – 1979. М., 1980. – С.151-152.

Кротков Е. Научный дискурс / Е.А.Кротков // Современный дискурс-анализ. Эл. журнал. 2010. Вып.2. Т.1. – С.4-19. Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada2_1.pdf

Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского дискурса / Е.А.Кротков, Т.В.Носова // Эпистемология & Философия науки. Т.XXI, №3. 2009. – С.41-60.

Крупа Т.Н. Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские могилы / Т.Н.Крупа // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время – Донецк, 2008. – С.215-268.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю / Р.Г.Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 347 с.

Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде / Ю.А.Кулешов // Золотоордынская цивилизация. 2014. №7. – С.199-251.

Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения / Ю.А.Кулешов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.73-97.

Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства / Э.С.Кульпин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.

Кучкин В.Л. Ханы Мамаевой Орды / В.Л.Кучкин // Мамай. Опыт историографической антологии – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.119-128.

Кушкумбаев А.К. История военного дела кочевников Золотой Орды XIII-XV вв. / А.К.Кушкумбаев. – Автореф. дисс. д.и.н. Алматы, 2010. – 50 с.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе / Р.С.Липец. – М.: Наука, 1984. – 262 с.

Лэн-Пуль Стэнли. Монголы XIII-XVIII вв. / Стэнли Лэн-Пуль // История монголов. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 476 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. / Н.А.Мажитов. – М.: Наука, 1981. – 162 с.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 годов / Н.Е.Макаренко // Изв. Имп. археол. комиссии. Вып. 43. – СПб., 1911. – 130 с.

Макуров Ю.С. Погребальные комплексы казахов Урало-Казахстанского региона как элемент «народного ислама» в степях Евразии / Ю.С.Макуров // Аркаим: между прошлым и будущим. Челябинск, 2011. – С. 138-152.

Малов Н.М. и др. Религия в Золотой Орде / Н.М.Малов, А.Б.Малышев, А.И.Ракушин – Саратов, 1998. – 127 с.

Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине р.Нуры / А.Х.Маргулан // ТИИАЭ, т.7. Археология – М.,АН СССР, 1959. – С.248-261.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества / Н.Э.Масанов. –Алматы «Социнвест»—Москва «Горизонт», 1995.— 320 с.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX веков / Н.Э. Масанов. – Алма-Ата: «Наука», 1984. – 176 с.

Матюшко И.В. Классификация погребального обряда кочевников IX-XIV вв. н.э. степей Приуралья / И.В.Матюшко. – Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2008. – 23 с.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX-XIV вв. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 211 с.

Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром / И.М.Миргалеев. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 88 с.

Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура / И.М.Миргалеев. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007 – 108 с.

Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана / И.М.Миргалеев // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1051 с.

Михайлова В.Т. Шаманские культовые места и "онгоны" – маркеры этнической культуры бурят / В.Т.Михайлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-137.

Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII-XV вв / А.И.Михеева // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Йошкар-Ола, 2007.

Моргунова Н.Л. и др Курганный могильник Мустаево V / Н.Л.Моргунова, Л.А.Краева, И.В.Матюшко // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2005. – С.5-49.

Мухаметов Ф.Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII-XIV вв.) / Ф.Ф.Мухаметов. – Челябинск: МРТ, 2000. – 346 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды / Е.П.Мыськов // Инновационные технологии в обучении и производстве. Материалы конференции. Т.2. – Камышин, 2014. – С.106-110.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды / Е.П.Мыськов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015 – 484 с.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона / Е.И.Нарожный // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время – Донецк, 2003. – С.245-274.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды) / Е.И.Нарожный. – Армавир: АГПУ, 2005. – 210 с.

Научный архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. № 407. Л.223-233. Протокол №17 заседания сектора археологии, этнографии и народного искусства ИИЯЛ БФ АН СССР 15 ноября 1977 г.

Научный архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №423. Л.1-20. Протокол №1 заседания сектора археологии, этнографии и народного искусства 23 января 1978 г.

Научный архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №441. Л.70-82. Протокол №13 заседания сектора археологии 5 декабря 1980 г.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л.Ф.Недашковский. – М.: Вост. лит., 2010. – 351 с.

Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища / Л.Ф.Недашковский, А.И.Ракушин // Татарская археология. №1 (2), 1998. – С.32-51.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья / С.П.Нестеров. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 143 с.

Нечвалода А.И. Лицом к лицу. Каталог скульптурных и графических антропологических реконструкций А.И.Нечвалоды / А.И.Нечвалода. – М.: Старый Сад, 2015. – 106 с.

Никитина Т.Б. Мари / Т.Б.Никитина // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. – С.161-206.

ОАК, 1895. – СПб., 1897. – 201 с. Перечень курганов, раскопанных проф. Н.И.Веселовским в Кубанской области и найденных в них древностей – Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897. – 201 с.

Овсянников В.В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала / В.В.Овсянников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии – Новосибирск, 1990. – С.141-149.

Пачкалов А.В. О времени возникновения города Хаджи-Тархан / А.В.Пачкалов // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 349-351.

Пигарёв Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды / Е.М.Пигарёв // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. – Донецк, 2000. – С.283-301.

Пилипчук Я.В. Дешт-и-Кыпчак на стыке цивилизаций / Я.В.Пилипчук. – Уфа: Уфимский филиал МГГУ им.М.А.Шолохова, 2015. – 247 с.

Плетнева С.А. Донские половцы / С.А.Плетнева // «Слово о полку Игореве» и его время – М.: Наука, 1985. – С.249-281.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей / С.А.Плетнева. – М.: Наука, 1982. – 187 с.

Плетнева С.А. Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья / С.А.Плетнева. – Воронеж, 2003. – 248 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / С.А.Плетнева. Археология СССР. Свод археологических источников. Е4-2. – М.: Наука, 1974. – 200 с.

Поло М. Книга о разнообразии мира // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло / Пер. И. М. Минаев. — М.: [Мысль](#), 1997. — 464 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов / Г.Ф.Полякова // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ, 1996. – С.154-257.

Полякова Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии / Г.Ф.Полякова // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977. – С.78-82.

Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты / Т.М.Потемкина, Ю.А.Кулешов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. Золотоордынское время. – Донецк: ДонГУ, 2010. – 511 с.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом / Р.Ю.Почекаев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2006. – 350 с.

Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / Р.Ю.Почекаев. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 464 с.

Путешествие Амвросия Контарини, Посла Светлейшей Венецианской Республики к знаменитому Персидскому Государю Узун-Гассану, совершенному в 1473 году // Библиотека иностранных писателей о России. Отдел-е первое. Том первый – СПб., 1836.

Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. В.С. // Библиотека иностранных писателей о России. Отдел-е первое. Том первый – СПб., 1836.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Государственное изд-во географической литературы, 1957. – 270 с.

Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – 464 с.

Ракушин А.И. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Поволжья XIII-XIV вв.) / А.И.Ракушин // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.4. – Саратов, 2006. – С.214-239.

Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII-XIV веках / А.И.Ракушин. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1998. – 18 с.

Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки / К.А.Руденко // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Вып.1. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С.282-294.

Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды в правление хана Узбека (по археологическим материалам) / К.А.Руденко // Золотоордынская цивилизация. 2013. №6. – С.209-220.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан / К.А.Руденко // Татарская археология. №1-2 (12-13), 2004. – С.111-156.

Руденко С.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог / К.А.Руденко – Казань: «Заман», 2003. – 512 с.

Рыков П.С. Археологические раскопки курганов в урочище "Три Брата" в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. / П.С.Рыков // Советская археология. 1936, №1. – с. 156.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / А.М.Сагалаев, И.В.Октябрьская – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 209 с.

Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э / С.В.Святкин. – Саранск, 2001. – 147 с.

Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV веках / Ю.В.Селезнёв. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. – 472 с.

Сорогин Е.И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой Замятни» / Е.И.Сорогин. – Эл. ресурс. Режим доступа: <http://refdb.ru/look/2910991-pall.html>

Супруненко А.Б., Маевская С.В. Погребение золотоордынского времени с остатками костюма девочки-кочевницы на Нижнем Псле / А.Б.Супруненко, С.В.Маевская // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. – Донецк, 2010. – С.295-340.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) / А.А.Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) / А.А.Тишкин. – Автореф. дис. д.и.н. Барнаул, 2006 – 54 с.

Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории / В.В.Трепавлов. – Тула: «Гриф и К», 2010. – 112 с.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии / В.В.Трепавлов. – М.: Квадрига, 2010. – 72 с.

Ускенбай З.К. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды / З.К.Ускенбай. – Дисс. канд. ист. наук. – Алматы, 2002. – 160 с.

Федоров_Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского университета, 1973. – 179 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1994. – 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: «Искусство», 1976. – 189 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 179 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды / Г.А.Федоров-Давыдов // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М., 1998.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по специальности «История» / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Высшая школа, 1987. – 216 с.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность / В.С.Флёров. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – 264 с.

Фэклоу Н. Диалектика дискурса / Н.Фэклоу // Современный дискурс-анализ. Методология, концептуальные обоснования. Эл. журнал. Вып.1, т.1, 2009.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир / А.М.Хазанов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 512 с.

Хохлов А.А. и др. Антропологические материалы могильника Мустаево V / А.А.Хохлов, И.Р.Газимзянов, С.Ю.Фризен // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2004. – С.105-112.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана / Р.П.Храпачевский. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004 – 557 с.

Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Р.П.Храпачевский. – М.: ЦИВОИ, 2013. – 125 с.

Худяков Ю.С. Военное дело восточных кыпчаков Центральной Азии и южных районов Сибири в эпоху развитого средневековья / Ю.С.Худяков // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана: Фолиант, 2012. – С.72-83.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды / Ю.С.Худяков // Золотоордынская цивилизация. Вып.2. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С.169-180.

Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А.Мелехина. – М.: Эксмо, 2009. – 728 с.

Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. / В.Н.Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. – Армавир, 2009. – С.116-126.

Чхаидзе В.Н. Средневековое кочевническое погребение из Нижнего Прикубанья / В.Н.Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.6. – Краснодар, 2006. С.270-274.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников Степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии / В.Н.Чхаидзе, И.А.Дружинина // Поволжская Археология, 2013. №2(4). – С.171-178.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребений кочевника XIII-1-й пол. XIV в. у села Лосево в степном Прикубанье / В.Н.Чхаидзе, И.А.Дружинина // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. – Донецк, 2010. – С.425-436.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка / В.Н.Шалобудов // Древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н. э.). – Донецк, 1982. – С. 60-68.

Шалобудов В.Н., Лесничий П.П. Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья) / В.Н.Шалобудов, П.П.Лесничий // Степи Европы в эпоху

средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время – Донецк, 2003. – С.193-206.

Шамси С. Золотая Орда накануне распада: историческое повествование / С.Шамси. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 223 с.

Швецов М.Л. Половецкие святилища / М.Л.Швецов // Советская Археология, 1979, №1. – С.199-209.

Шутова Н.И. Удмурты XVI- первой половины XIX в. / Н.И.Шутова. – Ижевск, 1992. – 264 с.

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / М.Элиаде. – Киев: «София», 2000. — 480 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – Эл. реурс. Режим свободного доступа http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/113769/Чижи

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... / В.П.Юдин // Чингиз-наме. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Юсупов, Р. М. Антропологический состав башкир и его формирование / Р. М. Юсупов // Антропологический состав башкир и его формирование // Бикбула-тов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 21-45.

Яворская Л. В. Повозки в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья / Л.В.Яворская. // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2004. – С.319-321.

Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) / Л.В.Яворская. // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – С.242-270.

Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды / А.Ф.Яминов. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006. – С.435-443.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет

АН РБ – Академия наук Республики Башкортостан

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АО – Ежегодник «Археологические открытия»

БашГУ – Башкирский государственный университет

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им.

М.Акмуллы

БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ДонГУ – Донецкий государственный университет (с 2000 г. – Донецкий национальный университет)

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

СА – ж.»Советская археология»

УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН

ИЛЛЮСТРАЦИИ

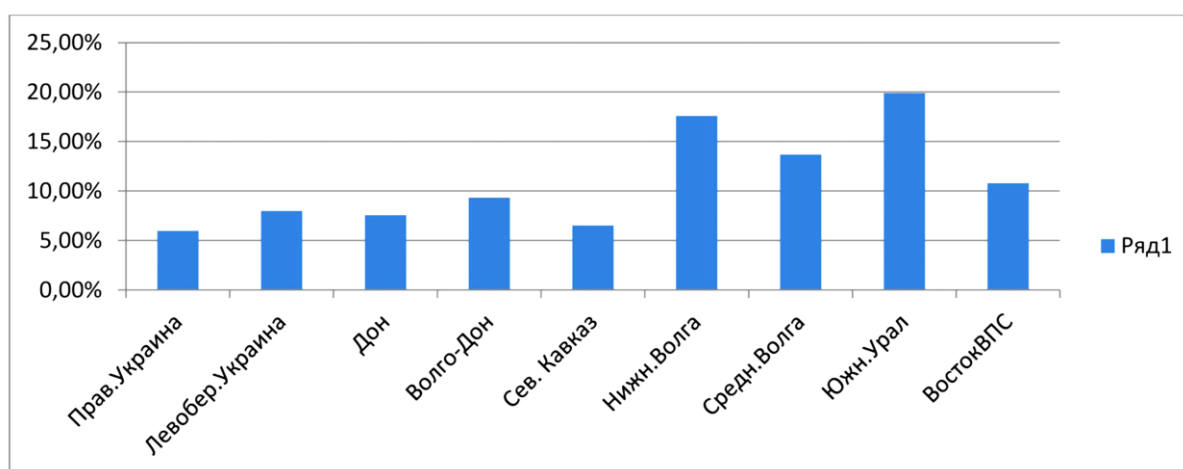

Рисунок1. Гистограмма распространения курганов кочевников Золотой Орды по условно-локальным группам

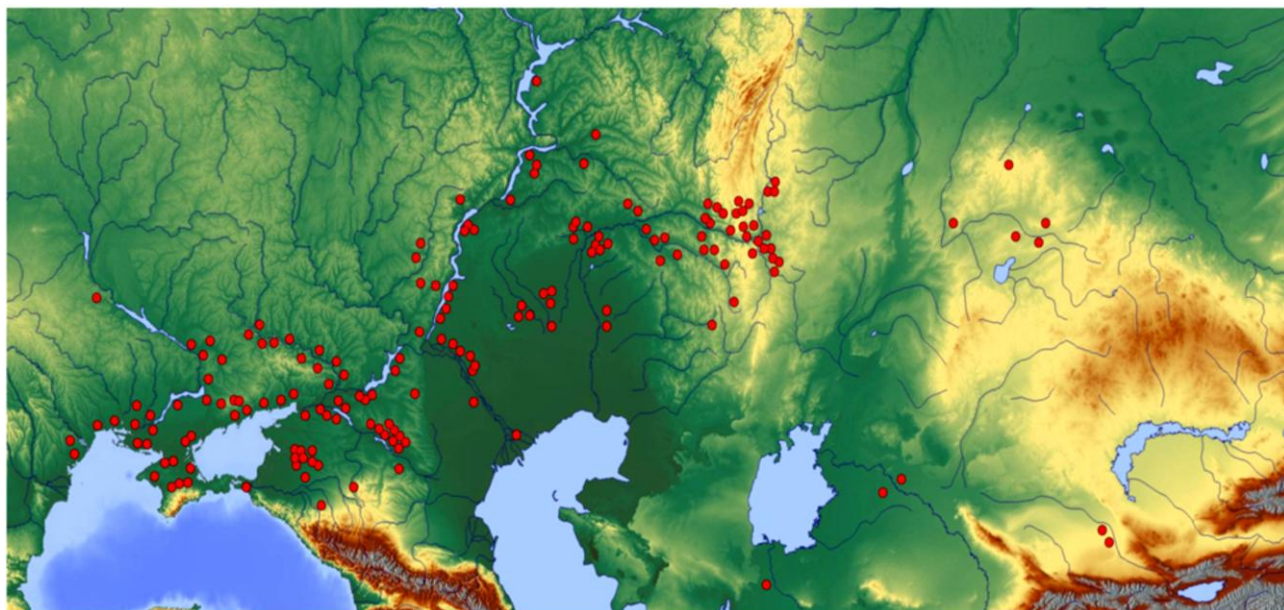

Рисунок 2. Карта-схема курганов кочевников Золотой Орды

Нумерация памятников сделает карту не читабельной, поэтому ниже дается общий список по локальным группам

Восток ВПС: Аймырлыг-2, Гилево I-IX; Гилево XI-XVI; Корболиха II-X; Кураевка I; Павловка I-II; Сарыг-Хая; Сарыг-Хая III; Суханиха; Сухие Гривы; Хемчик-Бом VI; Часовенная гора; Черновая; Кызган IV,V; Кызган-2, гр.3; Кызган-5; Некрополь г.Баба-Ата; Пскент; Уйгарак; Халчаян; Чордон.

Южное Приуралье: Ишкуловский II; Тлявгуловский; Новый Кумак; Новый Кумак II; Новый Кумак III; Покровский IV; Большевик II; Большевик III; Комсомольский VI; Хабарный I; Новочеркасский VII; Андреевский; Агаповский I; Агаповские горы 10; Агаповские горы 19; Жаксы-Каргала; Жарсуат; Жаман-Каргала I; Линеvский одиночный; Шпаки II; Алебастрово II; Мертвецовский; Пчельник; Худай-Берген III; Худай-Берген IV; Тамар-Уткуль; 2-я верста от Илецкой защиты; Озерновский III; Алабайтал; Башкир-Беркутово; Башкирское стойло; Бугуруслановский I; Кардаиловский; Жанаталапские; Жанаталапский II; Кардаиловский; Жанаталапские; Жанаталапский II; Жарсуат I; Ивановские IV; Имангулово II; Каменно-Озерный; Каратугайская волость; Линеvский; Новый Кумак; Урал; Покровский; Ишкуловский; Лебедевка II,IV,VI,VIII; Новая База II; Озеро Раим; Мокринский I; Базар-Тюбе I; Джангала, Сарайдин; Джангала; Джангала (Нов.Казанка); Джангала, Кара-Оба; Джангала, Сарайдин II; Мамбеталы; Мамбетбай; Новая База; Челкар IV,V; Мустаево V.

Поволжье: Березовский V; Пугачев; Федоровка; Салтак I; Бахтияровка II; Бахтияровка III; Колобовка; Маляевка; Зауморье; Маячный бугор; Ровное; Абашевский; Августовка; Александровский; Аткарский; Балымерский; Байджигит; Барановский; Белокаменка; Белый Ключ; Бережновский; Бережновский I; Бережновский II; Блюменфельд; Блюменфельд, гр.А; Блюменфельд, гр.Б; Боаро; Болхуны; Буранчи I; Верхне-Погромное; Визенмиллер II; Визенмиллер III; Выгон г.Петровска; Гвардейцы; Гусевка; 74-Заплавное; Курнаевка; Заяры; Зеленый; Золотушинская. Сев.гр.: Иловля; Казенная мельница; Камышин; Кировский III; Колобовка; Колобовка IV; Ленинское; Лиман.

Дон и Волго-Донское междуречье: Ают; Вербовый Лог VIII; Высокая гора; Елизаветинское городище; Каменная балка; Караяшник; Карповка; Колпачки; Красный Кут; Кулешовка; Лакедемоновка; Мануйловка; Марок; Нижняя Кундрючинская; Новая Меловатка; Первомайский VII; Русский колодец; Рябичевские; Семенкин; Сенной; Таганский; Хвощеватка; Хутор Московский; Черемшино; Чиковский; Адрин; Архаринский II; Аткарский; Балкин Хутор; Большой Царын; Большой Царын I-II; Гашунский; Гува I-III; Джангар; Западнее Эвдыка; Зергента II; Ики-Бурлинский; Ики-Зегиста; Иловля; Канал Волга-Чограй; Кермен-Толга; Кривая Лука; Купцын-Толга; Лола II-III; Машевка; Му-Шарет-1; Петровский; Сенной; Станция №5 (гр.1); Станция №8 (Белая гора); Три Брата I,III; Элистинский; Цаган-Усн III,VII; Цаган-Эльсин; Царевщина; Шихан на р.Медведице; Яшкуль, Яшкуль III; Яшкуль-86.

Украина, Крым: Александровка; Афанасьевский; Благодатный; Бражновский; Бузовка; Васильевский; Верхний Степок; Волошино; Градешка; Григорьевка; Грушевка; Дымовка; Житенко; Занудовка; Имение Н.А.Гана; Имение П.П.Высоцкого; Каменка; Камышевахы; Кислица; Колония Рыбальская; Котовка I,III; Красная могила; Красное; Лески; Липовец; Макеевка; Максимовка; Малая Камышевахы; Мамай-Гора; Миновка; Нижняя Дуванка; Николаевка; Новогригорьевка; Новогригорьевка III; Новониколаевка I; Ново-Подкряж;

Рясные могилы; Сарта; Сербка; Совх.Красный; Станция Битумная; Степной; Сукля; Татарбранка; Траповка; у Березового Лимана; у кладбища с.Россава; у Разсыпного леса; Урочище Лучки; Филя; Херсонский уезд; Холодный Яр; Чауш; Череев; Шахтерск.

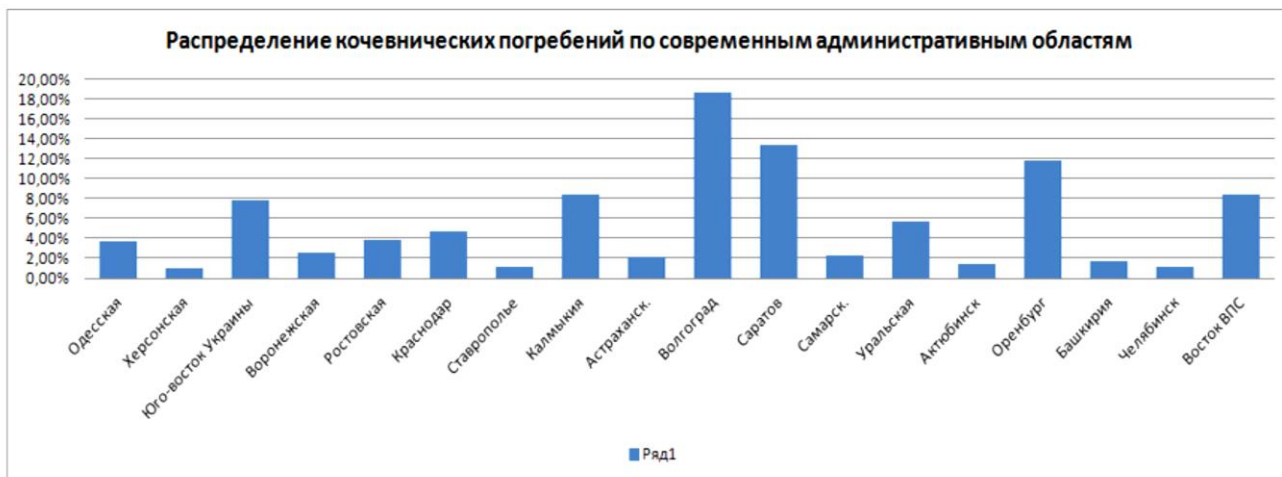

Рисунок 3.

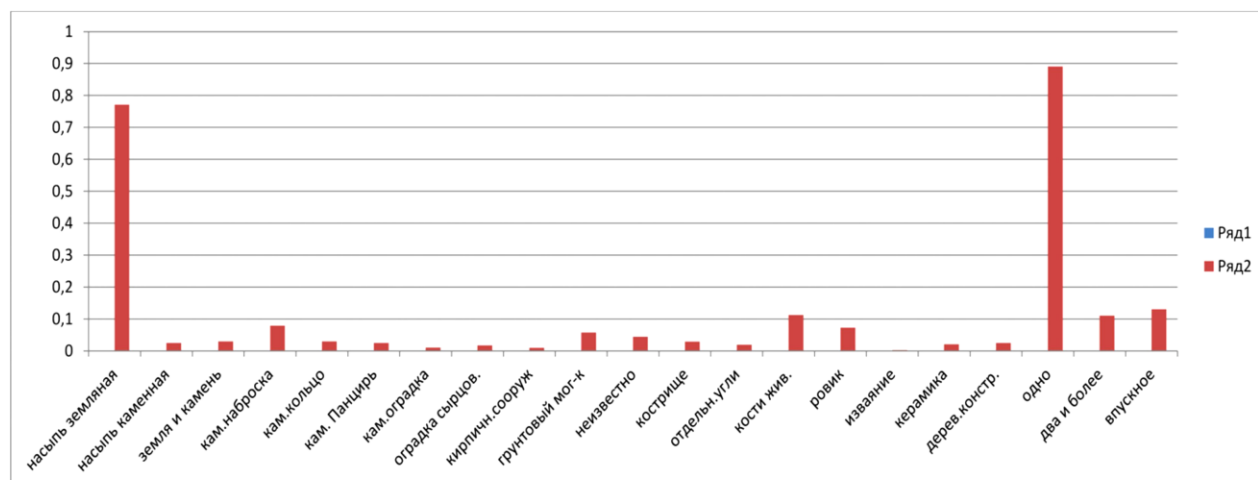

Рисунок 4. Гистограмма признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды: типы надмогильных сооружений.

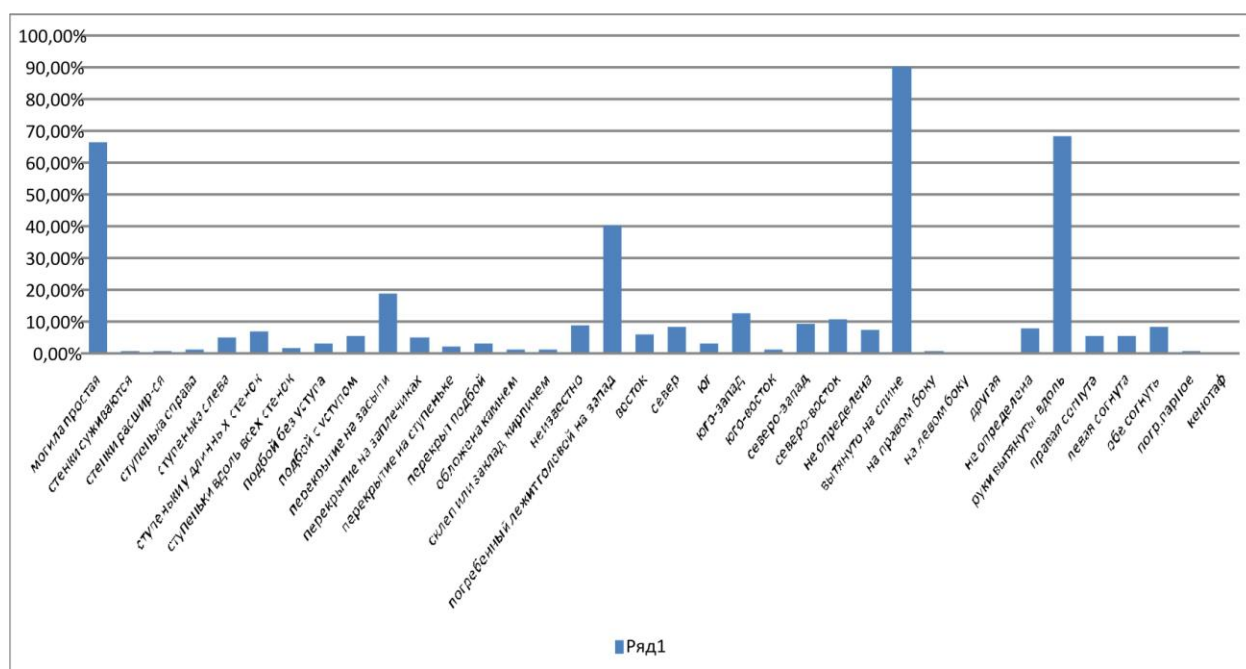

Рисунок 4а. Гистограмма признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды: конструкция могильной ямы, ориентировка и поза погребенного.

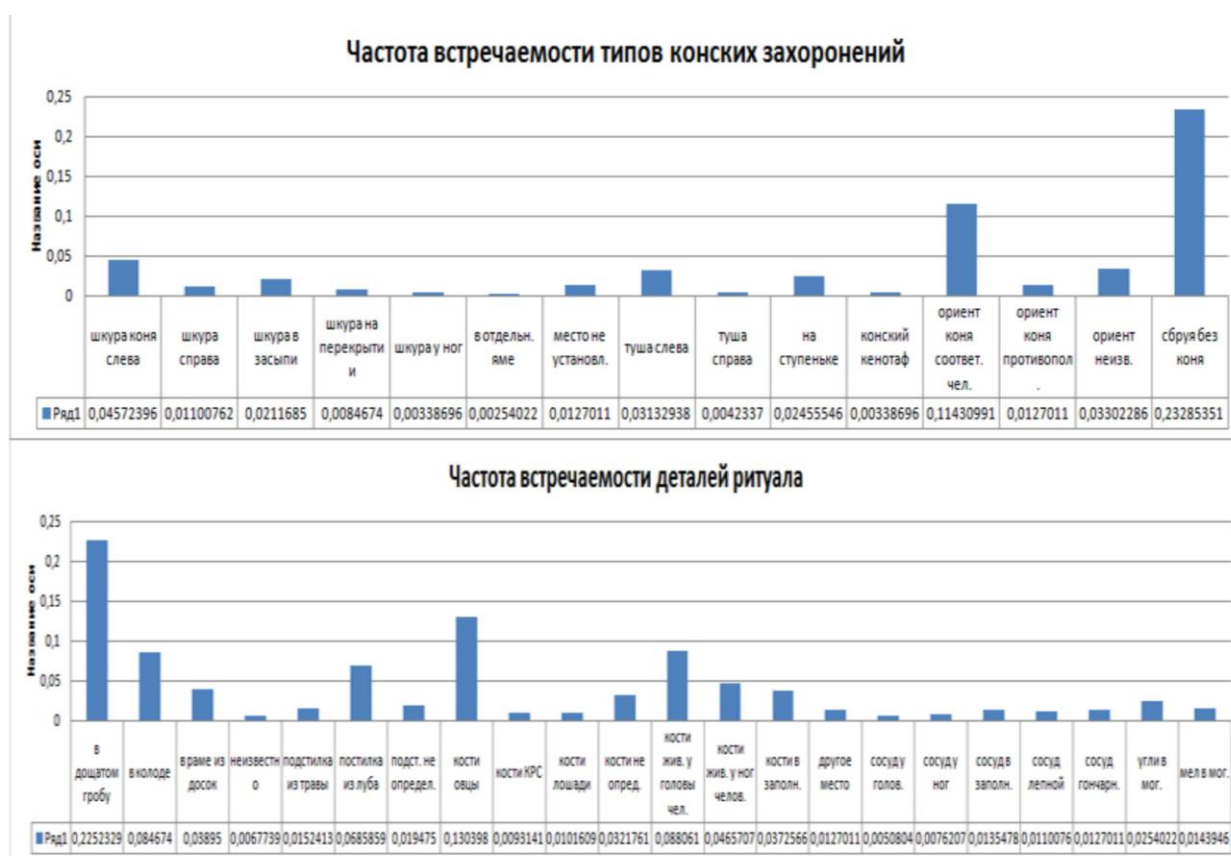
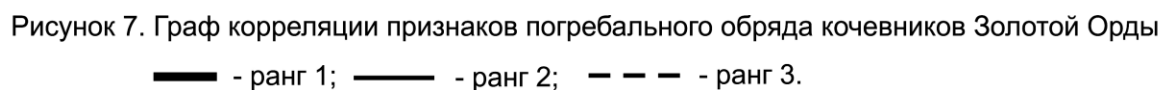
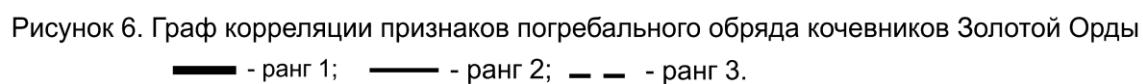

Рисунок 5. Гистограмма признаков погребального обряда кочевников Золотой Орды

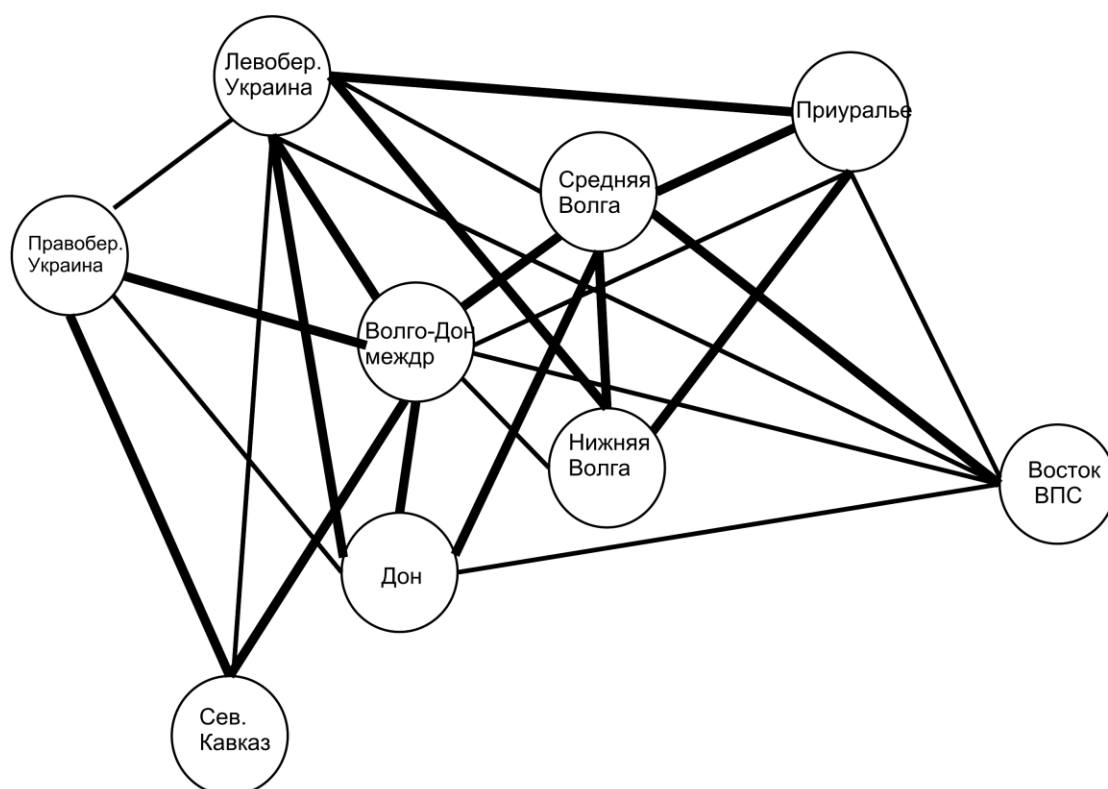

Рисунок 8. Граф формально-типологического сходства курганов кочевников Золотой Орды при критерии значимости (R) равном 0,85.

—— - 0,85 - 0,72 ——— - 0,68 - 0,52

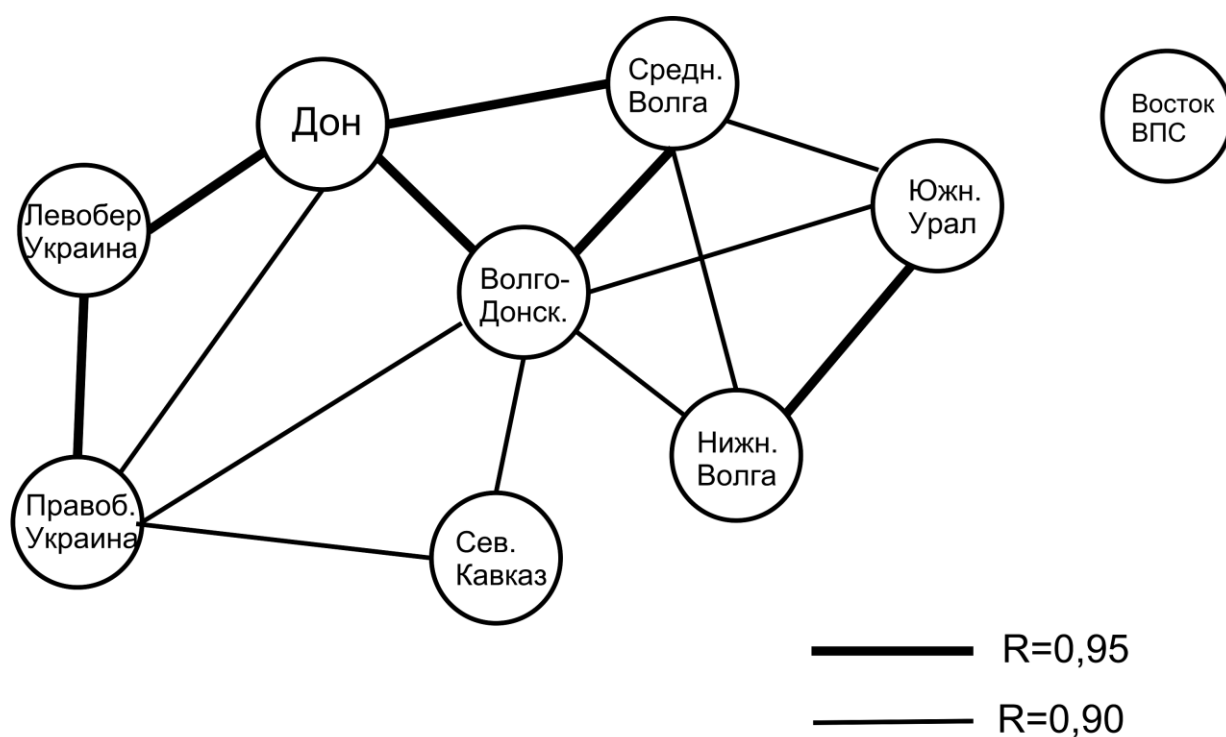

Рисунок 9. Граф формально-типологического сходства курганов кочевников Золотой Орды при повышенных критериях значимости (R).

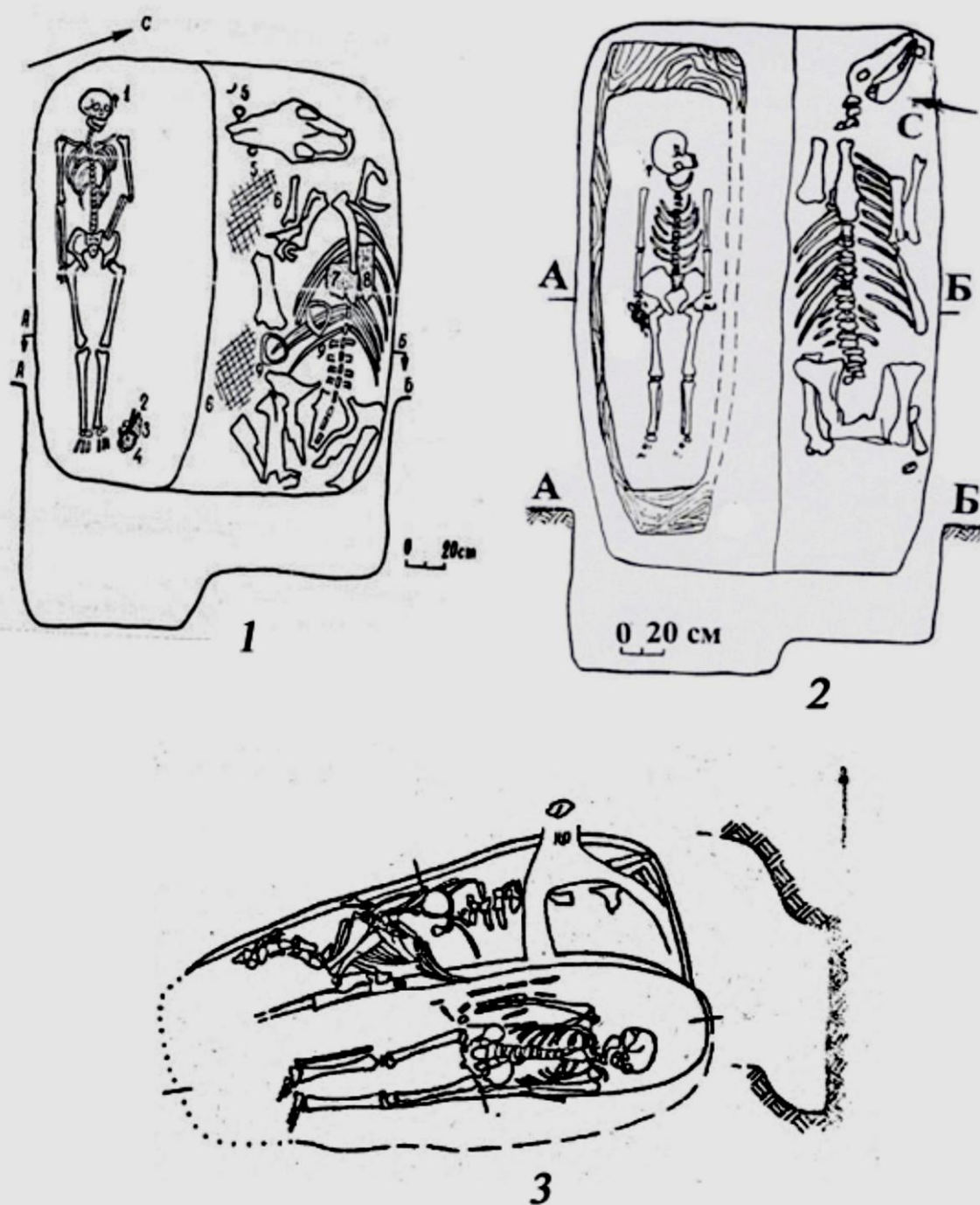

Рисунок 10. Погребения, обнаруживающие повышенное значение корреляции Пирсона с каменно-земляными насыпями.

**1 - у пос.Большевик, к.1; 2 - Нов. Кумак, к.14; 3 - Житенко, к.5
(по А.В.Евглевскому).**

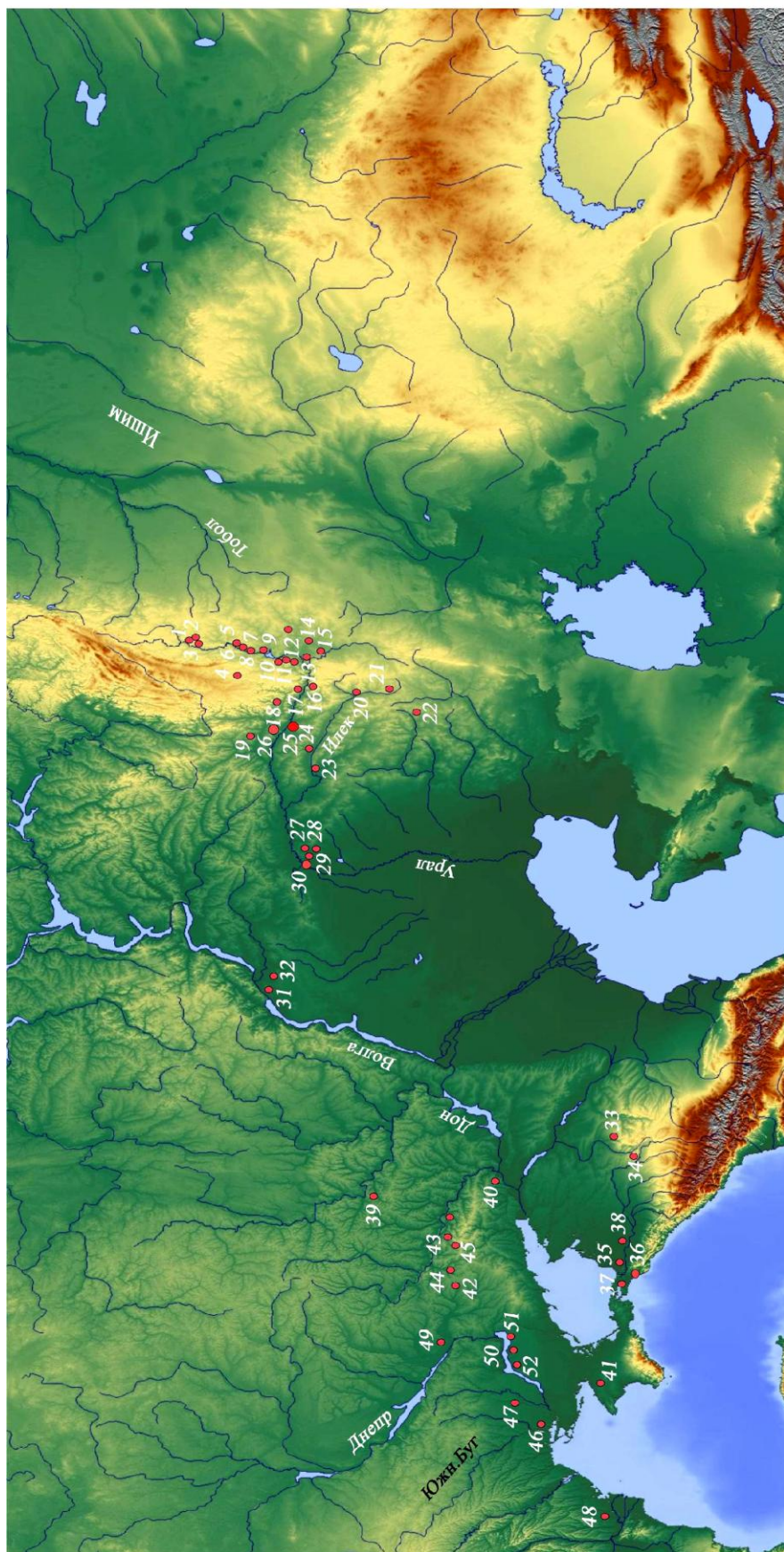

Рисунок 11. Карта-схема распространения «каменных курганов» XIII-XIV вв. в Восточной Европе

- 1- Агаповский I; 2 - Агаповские горы 10; 3 - Агаповские горы 19; 4 - Ишкулковский II; 5 - Покровский IV; 6 - Большой II; 7- Большой III;
8 - Березовский V; 9 - Новоорский; 10 - Новый Кумак; 11- Новый Кумак II; 12- Новый Кумак III; 13 - у Обелиска Славы (г.Орск); 14 - Озерновский III;
15 - Комсомольский VI; 16 - Худай-Берген III и IV; 17 - Хабарный I; 18 - Тлягуловский; 19 - Андреевский; 20 - Жаксы-Каргала; 21- Шпаки II;
22 - Новая База II; 23 - Тамар-Уткуль; 24 - 2-я верста от Илецкой защиты; 25 - Урал; 26 - Новочеркасский VII; 27 - Лебедевка IV; 28 - Лебедевка VI;
29 - Лебедевка VIII; 30 - Жарсуат; 31 - Пугачев; 32 - Зауморье; 33 - Три брата; 34 - Цаган-Эльсин; 35 - гора Дооб; 36 - Имение Борисово;
37 - Раевская (у городища); 38 - Псебайская II; 39 - Высокая гора; 40 - Черемшино; 41 - Станция Битумная; 42 - Каменка; 43 - Шахтерск;
44 - Макеевка; 45 - Полковое; 46 - Марьянское; 47 - Дымовка; 48 - Коржевский; 49 - Пески; 50 - Новогригорьевка III; 51 - Камышеваха;
52 - Рясные могилы.

График частоты элементов ритуала (1)

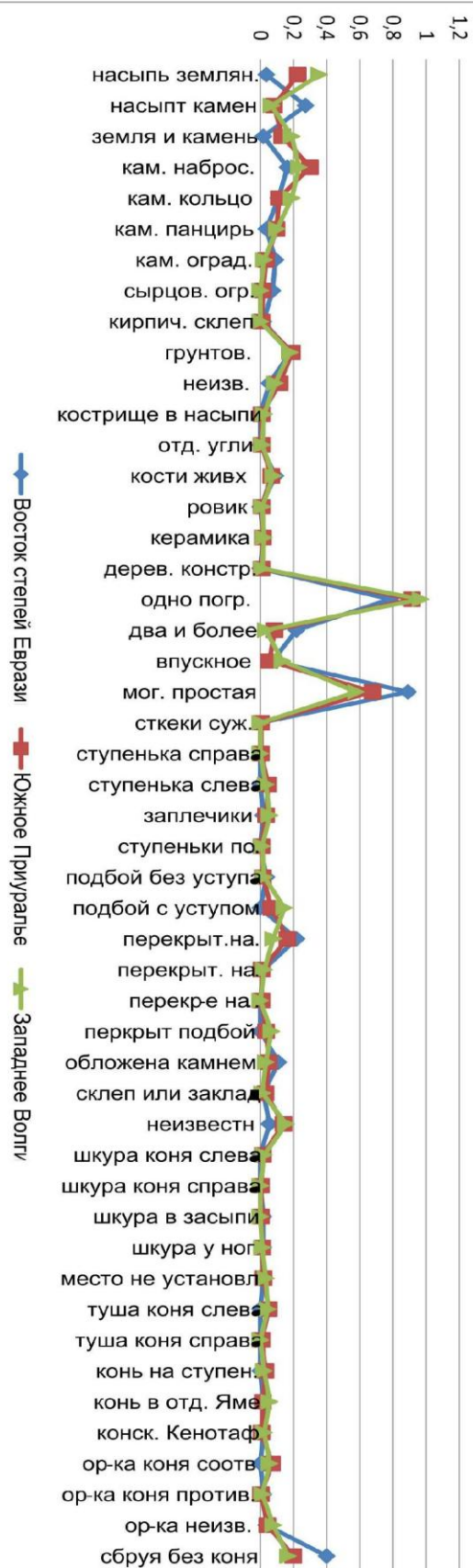

График частоты элементов ритуала (2)

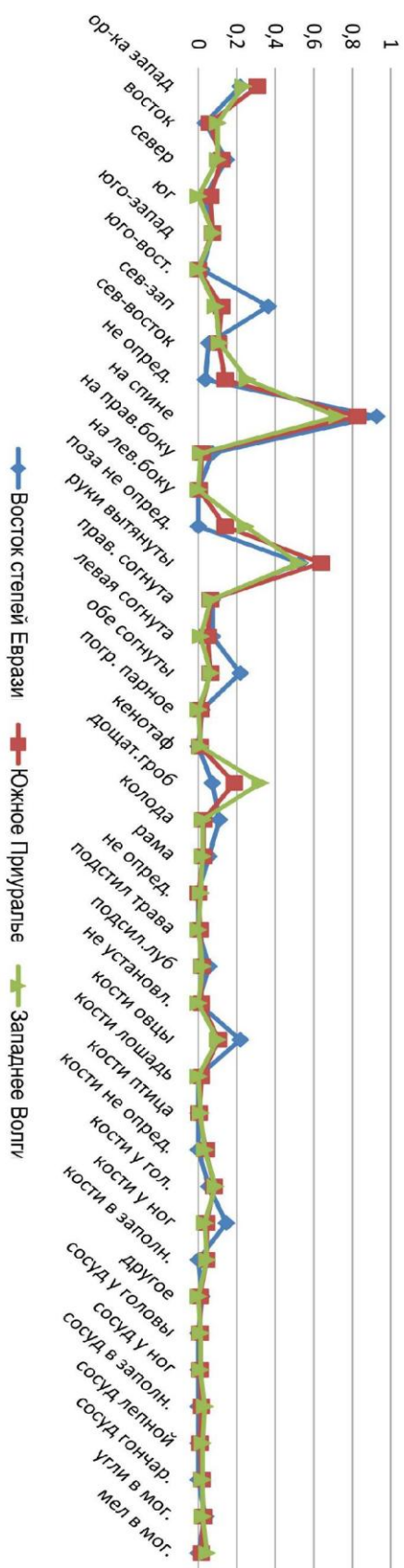

Рисунок 12. График частоты встречаемости признаков погребального обряда «каменных курганов» Золотой Орды.

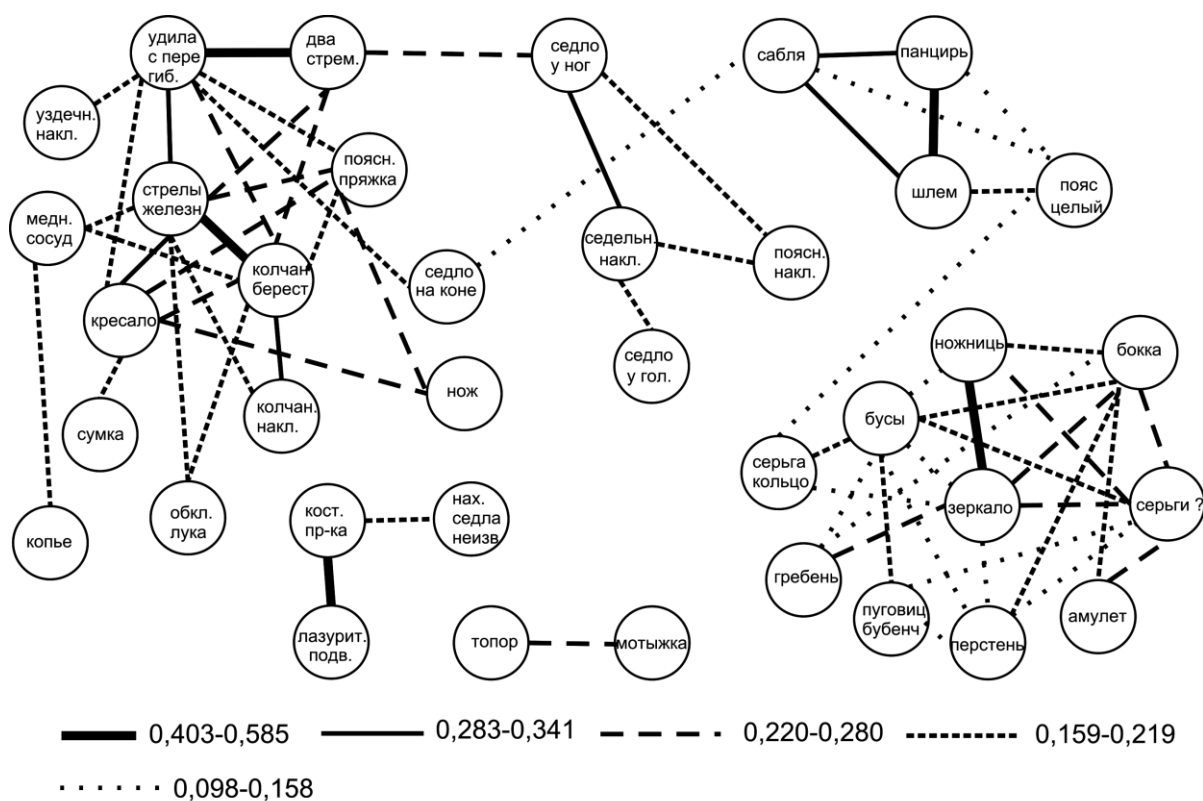

Рисунок 13. Граф значений корреляции Пирсона для погребального инвентаря кочевников Золотой Орды

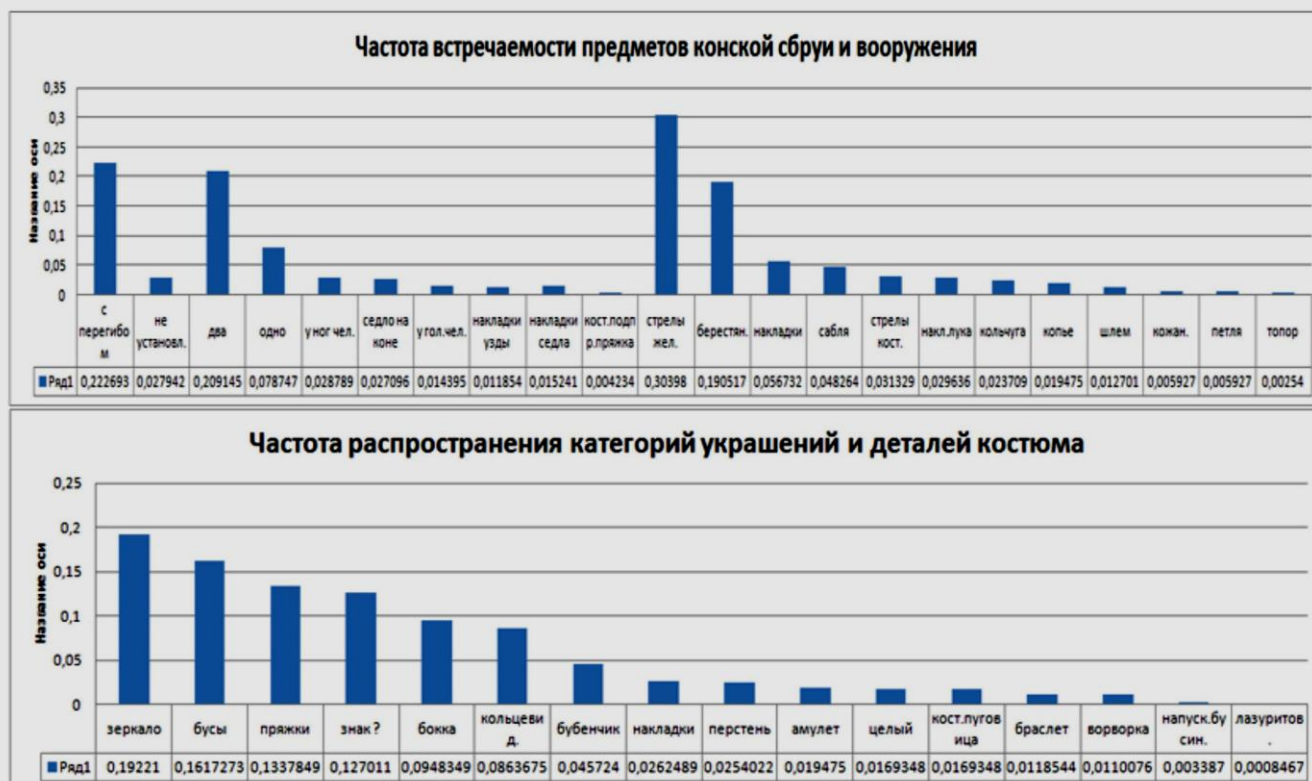
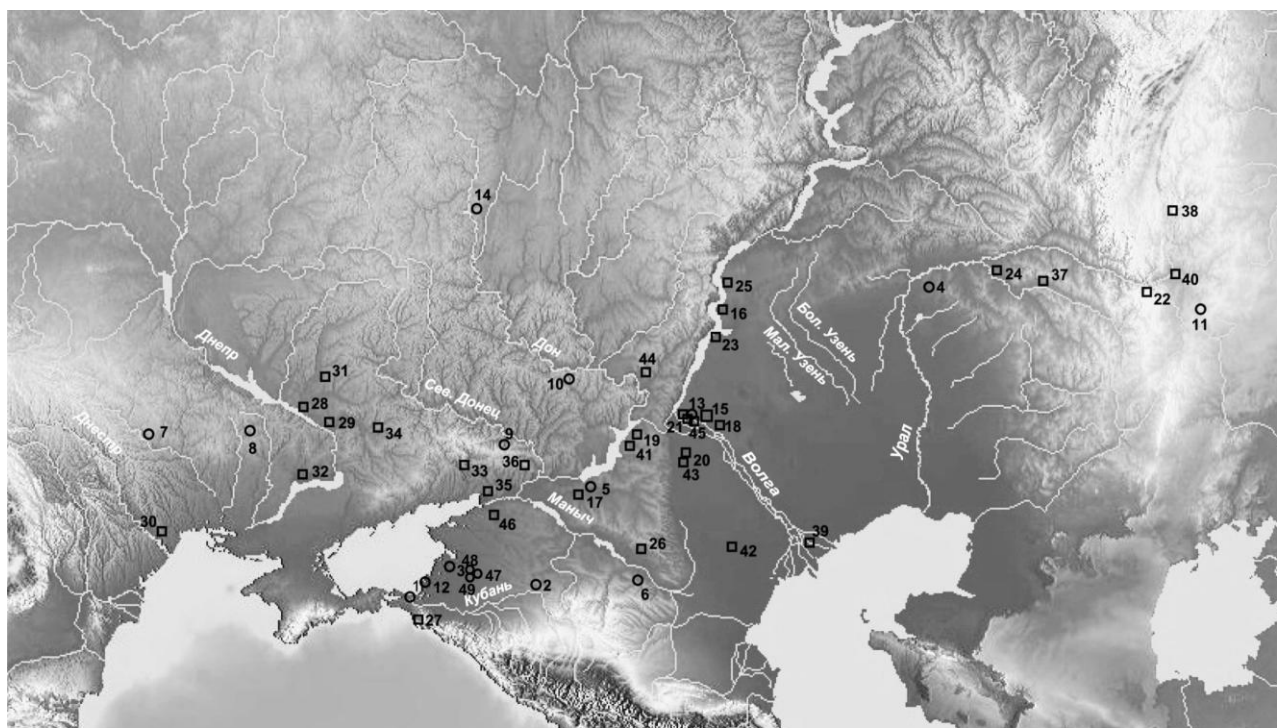

Рисунок 14. Гистограмма частоты встречаемости категорий вещей в погребениях кочевников Золотой Орды

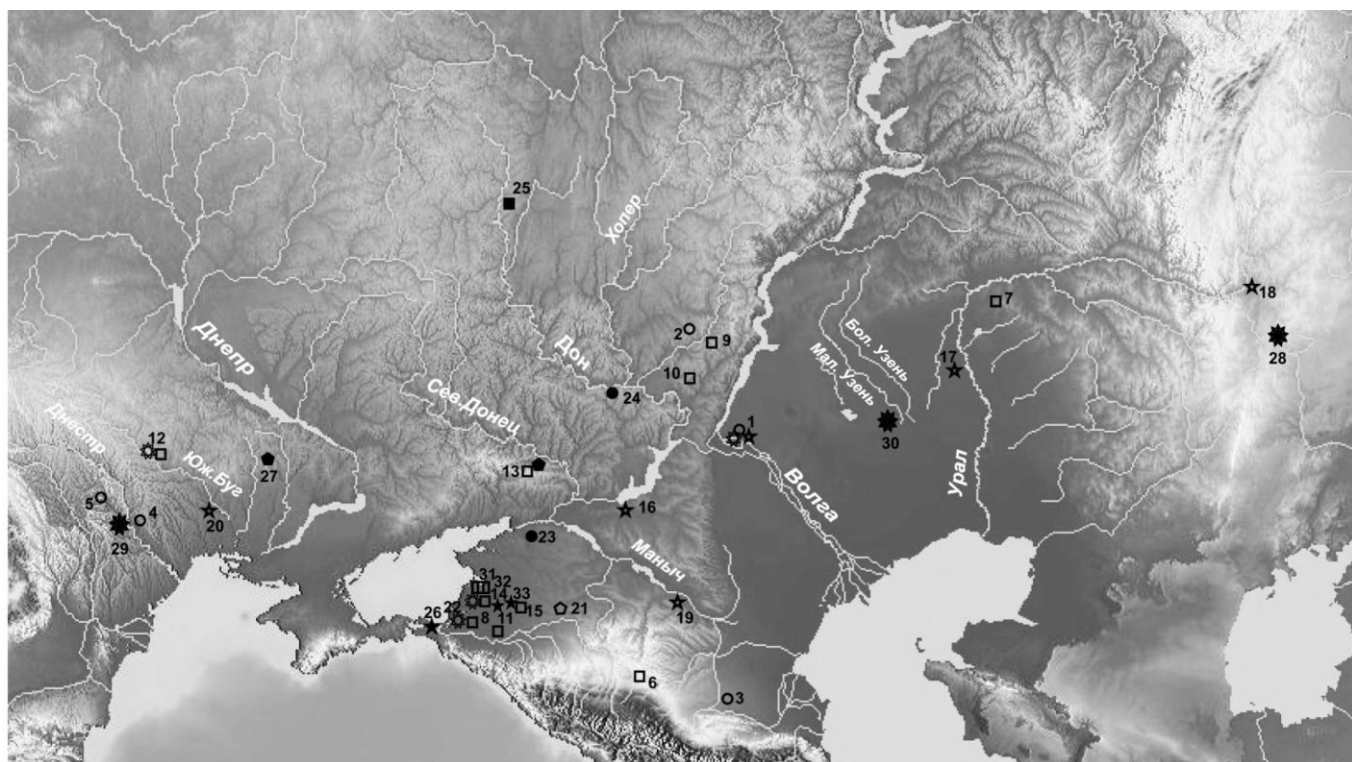
Условные обозначения:

○ - Сабля+шлем+доспех (кольчуга, панцирь)

□ - Берестяной колчан с костяными накладками

Рисунок 15. Карта погребений кочевников Золотой Орды с саблей, шлемом, доспехом и колчаном, украшенным накладками

1-Курчанская; 2-Лосево; 3-Старонижестеблиевская; 4-Лебедевка II;
5-Вербовый Лог; 6-Прикалаусские высоты; 7-Плоское; 8-Урочище Лучки;
9-Черемшино; 10-Высокая гора; 11-Озерновский III; 12-Новокореунская;
13-Бахтияровка I; 14-Олень-колодезь; 15-Ленинское; 16-Ровное;
17-Семенкин хут.; 18-Царевский; 19-Шебалино; 20-Гува; 21-Бахтияровка III;
22-Худай-Берген; 23-Бережновский; 24-Лиман; 25-Скатовка; 26-Элистинский;
27-Мыс Хако; 28-Пески; 29-Александровка; 30-Сукля; 31-Котовка; 32-Острая могила;
33-Рай-городок; 34-Николаевска; 35-Недвиговка; 36-Чиковский; 37-Тамар-Уткуль;
38-Покровка; 39-Маячный-1; 40-Новокумакский; 41-Первомайский VII; 42-Цаган Усн;
43-Гува II; 44-Хмелевой; 45-Бахтияровка I; 46-Высочино; 47-Останний; 48-Греки III;
49-Пилипенковский.

Условные обозначения:

○ - Лук+колчан+наконечники стрел	● - Доспех+шлем+наконечники стрел+накладки лука+наконечник копья
□ - Наконечники стрел+сабля	■ - Доспех+шлем+наконечники стрел+колчан+топор
☆ - Доспех+шлем+наконечники стрел+колчан	★ - Доспех+шлем+сабля
◊ - Доспех+шлем+наконечники стрел+накладки лука+сабля	◆ - Доспех+наконечники стрел+сабля
⊗ - Доспех+наконечники стрел+колчан+сабля	⚡ - Доспех+шлем

Рисунок 16. Карта погребений кочевников Золотой Орды с комплексами вооружения.

1 - Бахтияровка I, II; 2 - Калиновский - 4; 3 - стан. Моздок; 4 - Парканы; 5 - Трумушика; 6 - Горячеводский; 7 - Лебедевка II; 8 - Имение Борисово, к.2, 10; 9 - Даниловка; 10 - Нов. Молчановка; 11 - Псебайская II; 12 - Плоское; 13 - Черемшино, к.3; 14 - Старонижестеблиевская; 15 - Верхний; 16 - Вербовый Лог VIII; 17 - Мамбетбай; 18 - Новый Кумак; 19 - Прикалаусские высоты; 20 - Сербка, к.180; 21 - Лосево; 22 - Новокорсунская; 23 - Высочино II; 24 - Высокая гора; 25 - Олень-Колодезь; 26 - Курчанская; 27 - Урочище Лучки; 28 - Озерновский III; 29 - Сукляя; 30 - оз. Раим; 31 - Лебеди I, к.3, VI, к.1; 32 - Греки, к.45; 33 - Останний, к.2.

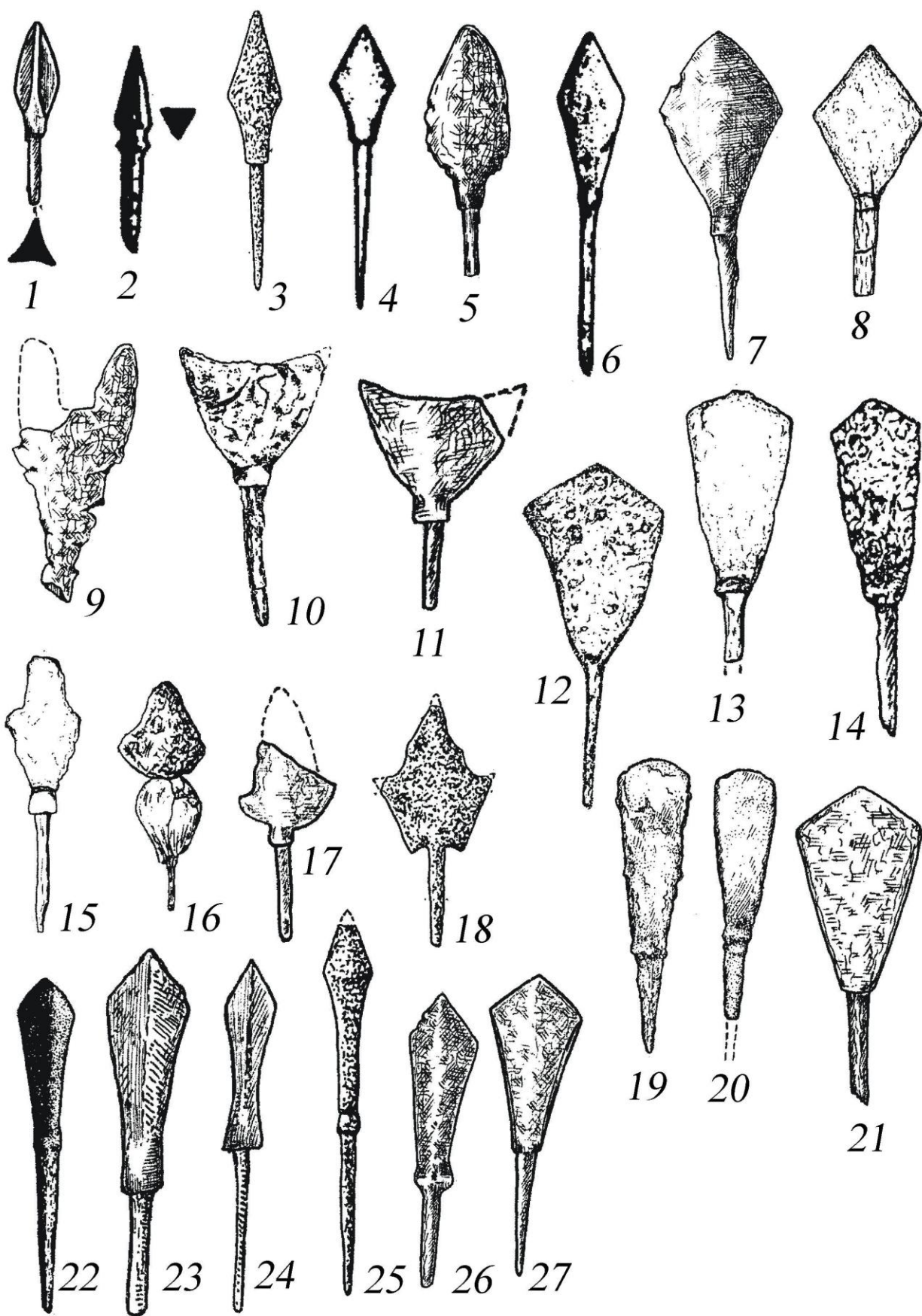

Рисунок 17. Наконечники стрел кочевников Золотой Орды

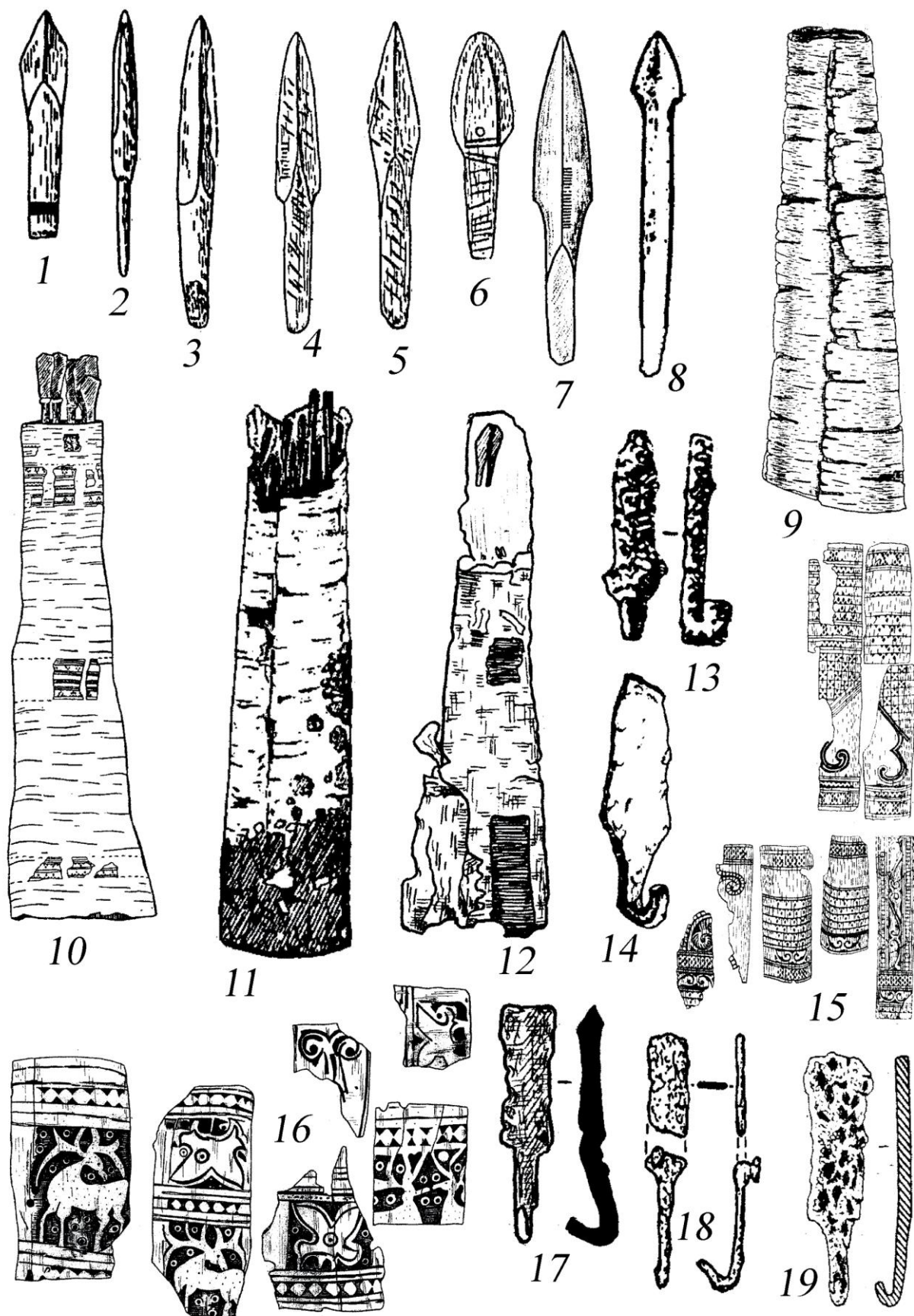

Рисунок 18. Костяные наконечники стрел (1-8), берестяные колчаны (9-12), колчаные крючки (13, 14, 17-19) и резные колчаные накладки (15-16) кочевников Золотой Орды.

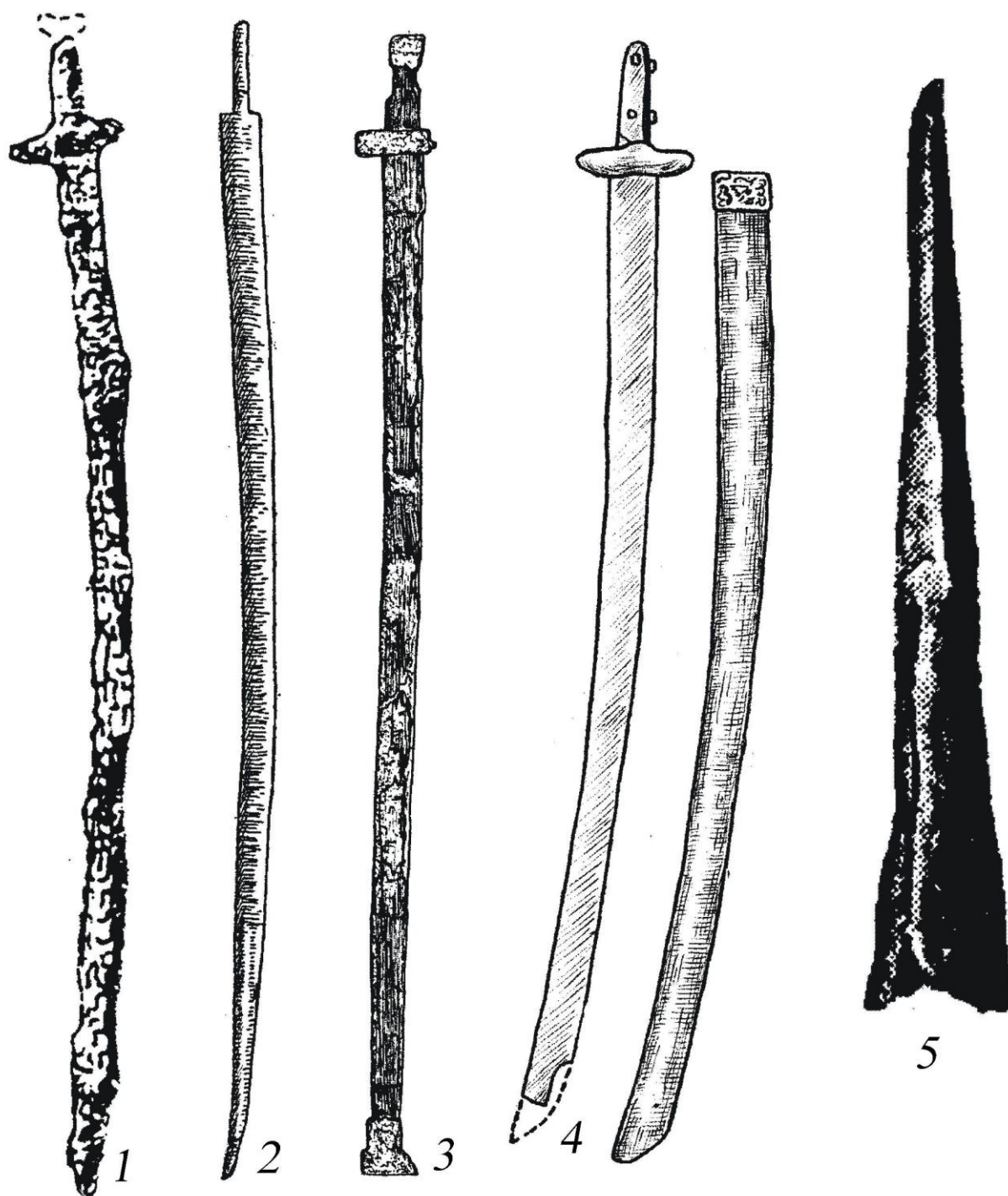
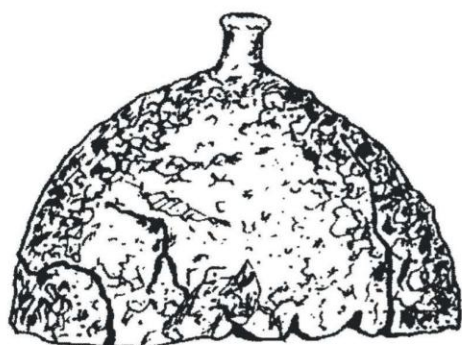

Рисунок 19. Сабли (1-4) и пика (5) из курганов кочевников Золотой Орды Урало-Поволжья.

1

2

3

4

Рисунок 20. Доспехи из курганов кочевников Золотой Орды
Южного Приуралья.

1 - Лебедевка II; 2-4 - Озерновский III

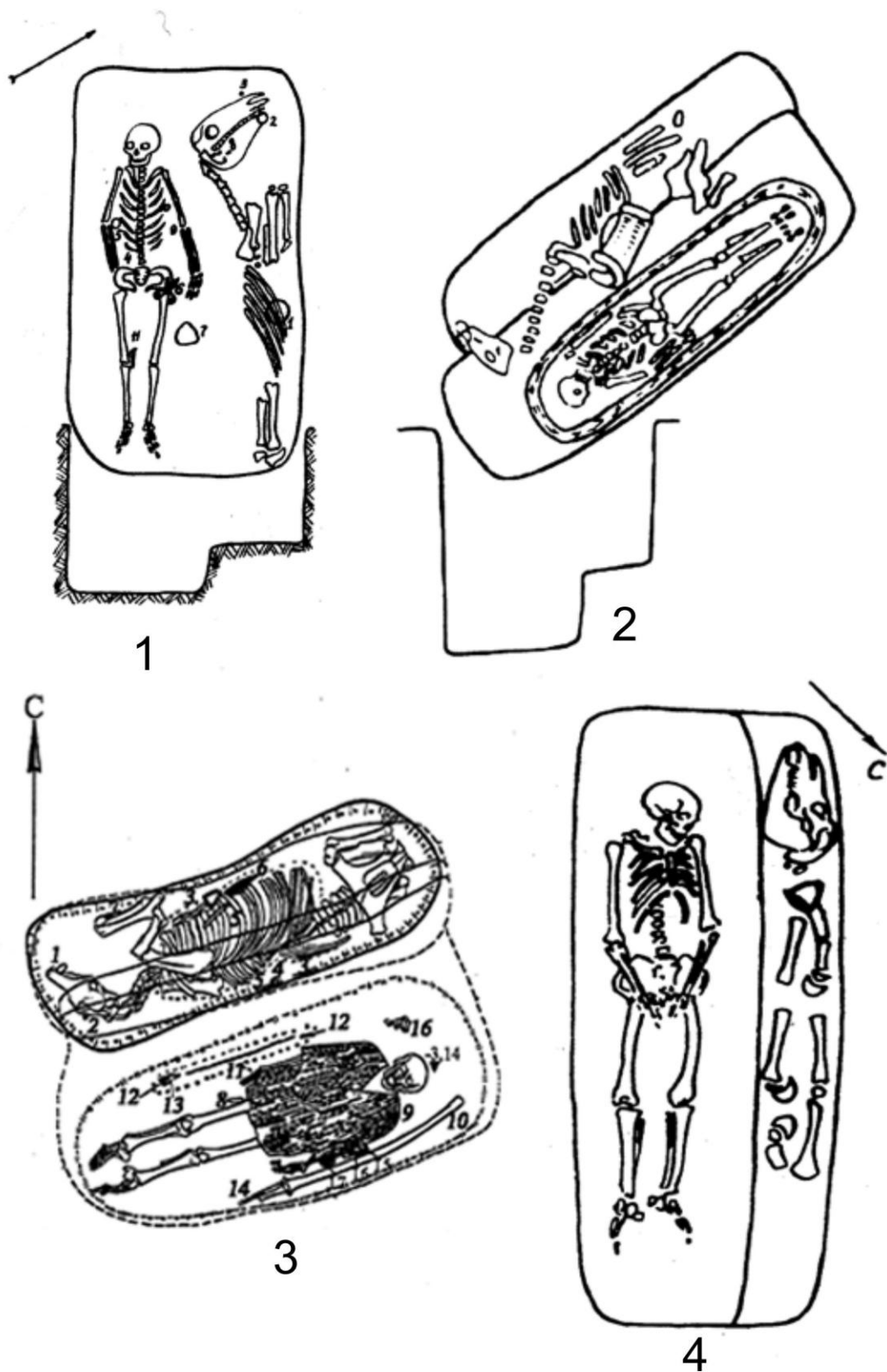

Рисунок 21. Погребения с жертвенными конями.

1 - у пос.Урал, к.5; 2 - Новый Кумак, к.29;
3 - Ново-Корсунская, к.3; 4 - Казицкое

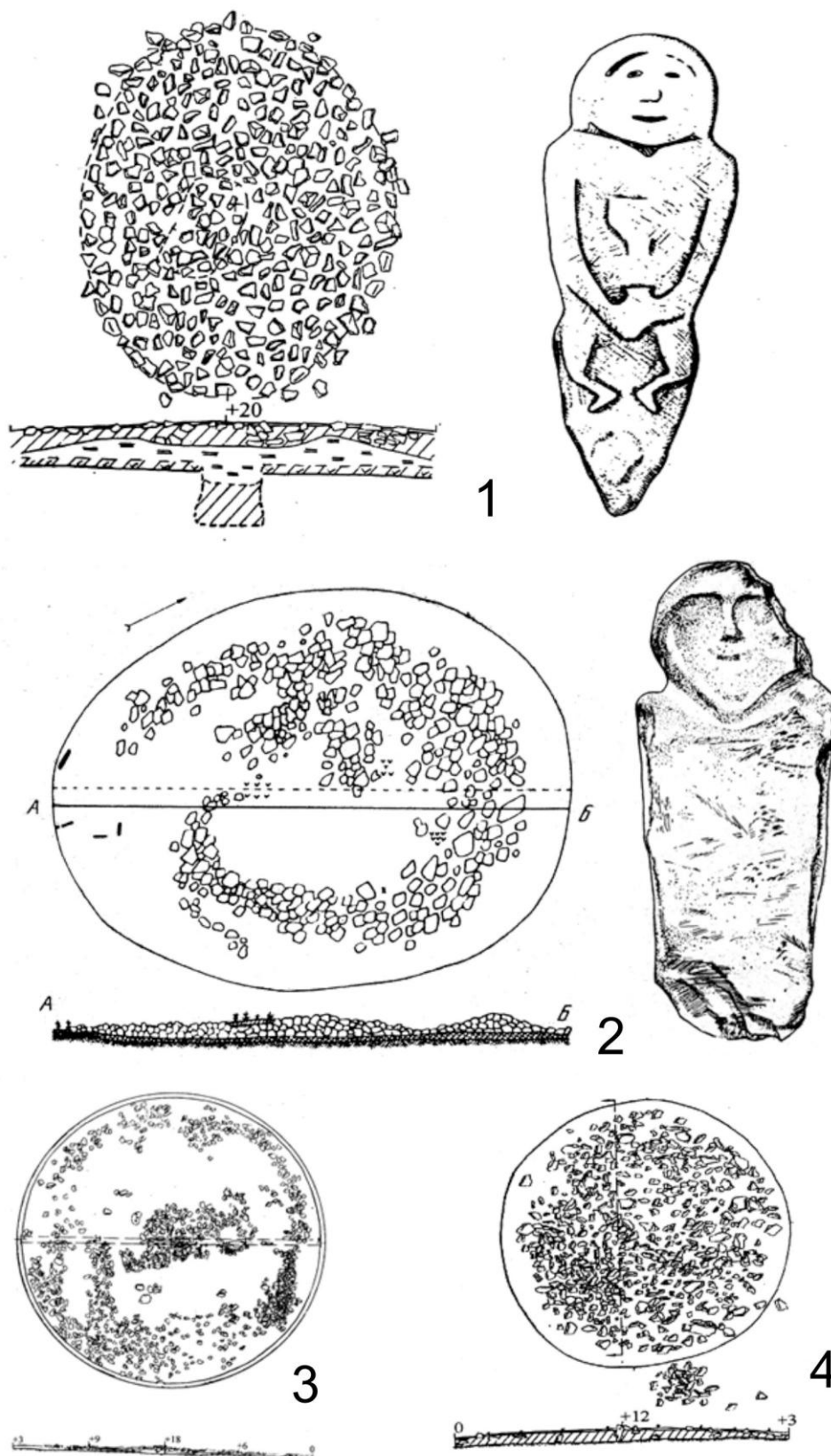

Рисунок 22. Жертвенно-поминальные комплексы кочевников
Южного Предуралья

1- Аксак; 2 - Акимбетовский II; 3 - Селенташ; 4 - Каинсай

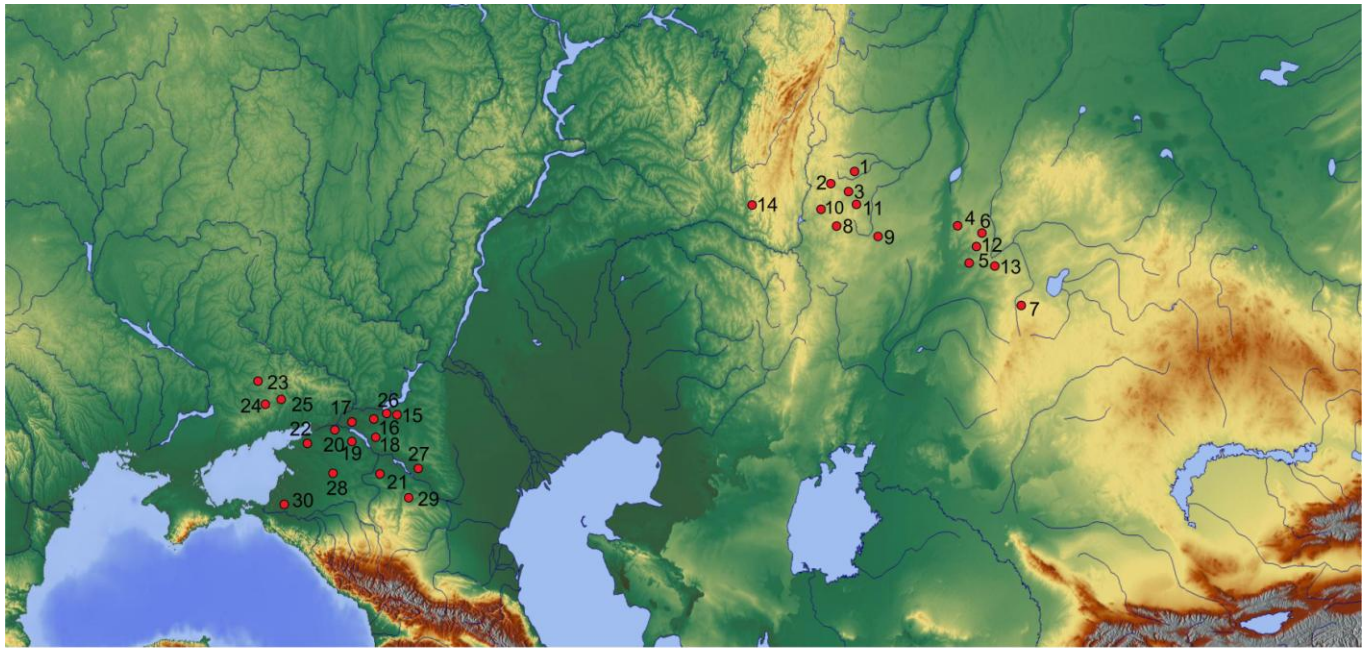

Рисунок 23. Карта святилищ - жертвенно-поминальных комплексов (ЖПК) кочевников Золотой Орды

1-Карагайлы; 2 - Система; 3 - Каменный амбар; 4 - Кустанай; 5 - Аксак; 6 - Змеиный Дол; 7 - Кашкарбай; 8 - Каинсай; 9 - Якши-Янгист ау; 10 - Солончанка; 11 - Александровский; 12 - Наурзым; 13 - Шили; 14 - Акимбетовский; 15 - Жуковка; 16 - Холодный I; 17 - Сагванский; 18 - Новый; 19 - Колдыри; 20 - Тузлуковка; 21 - Первомайский; 22 - Новоалександровка; 23 - Донецк; 24 - Новоселовка; 25 - Каменка; 26 - Пот айной II; 27 - Чограй IX; 28 - Бешпагир; 29 - Первомаевка I; 30 - Львово II

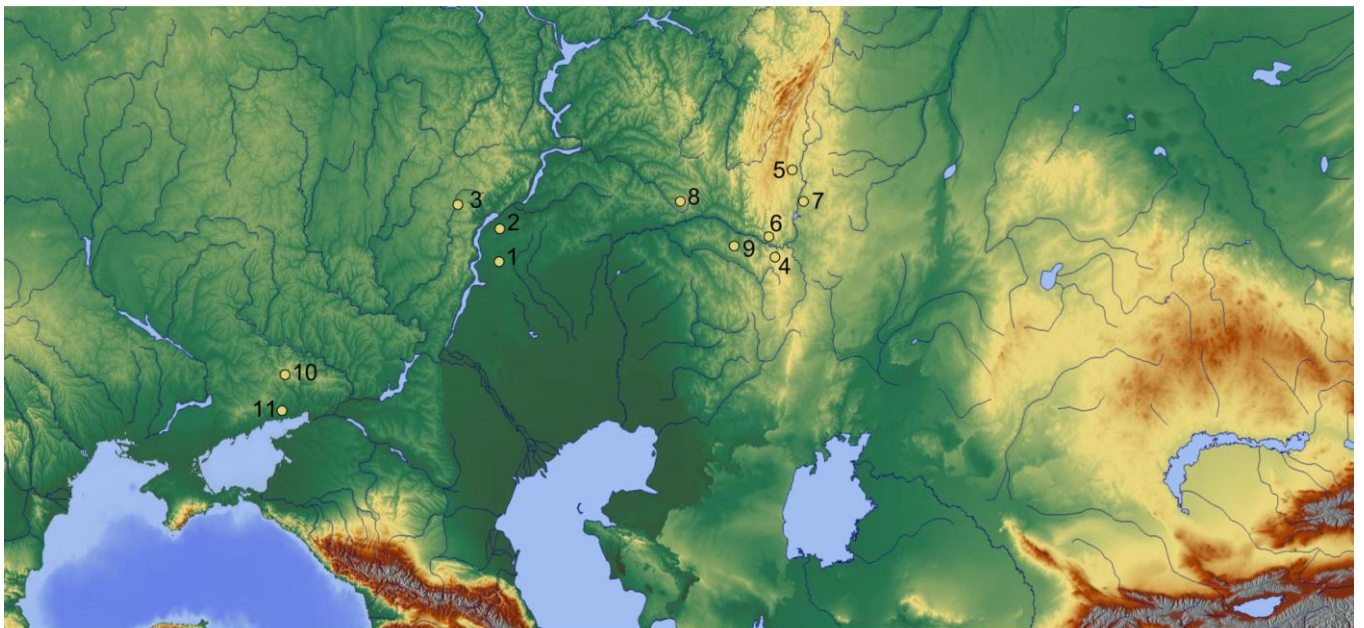

Рисунок 24. Могильники кочевников Золотой Орды с мусульманскими захоронениями.

1 - Блюменфельд; 2 - Белокаменка; 3 - Аткарский; 4 - Худайберген; 5 - Ишкуловский II; 6 - Хабарный; 7 - Покровский; 8 - Мустаевский; 9 - у пос.Урал; 10 - Золотаревка; 11 - Ляпинская балка.

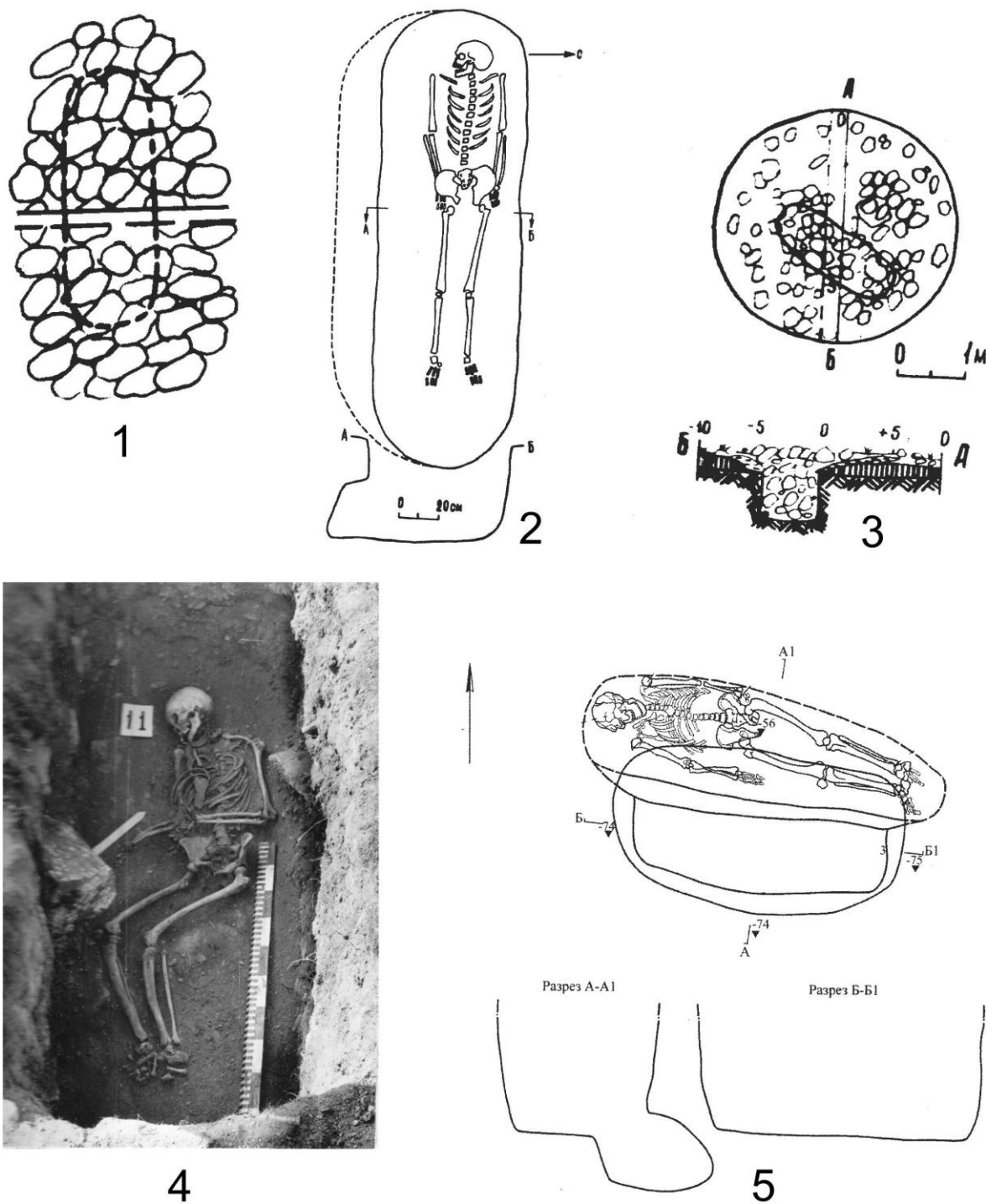

Рисунок 25. Мусульманские погребения из могильников кочевников Золотой Орды

1,2 - Ишкуловский II, к.11; 3,4 - Покровский IV, к.11;5 - Золотаревка-3, к.2

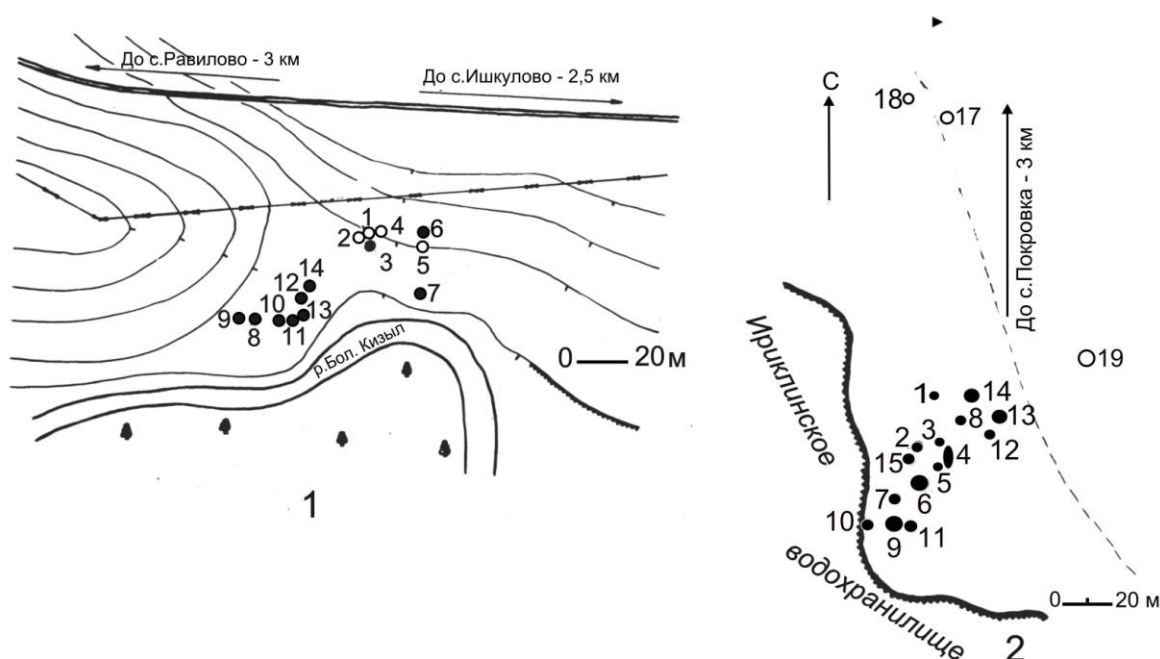

Рисунок 26. Кочевнические могильники XIII-XIV вв. Южного Предуралья.

1 - Ишкульовский II; 2 - Покровский IV.

○ - курганы с вещами (языческие); ● - курганы без вещей (мусульманские).

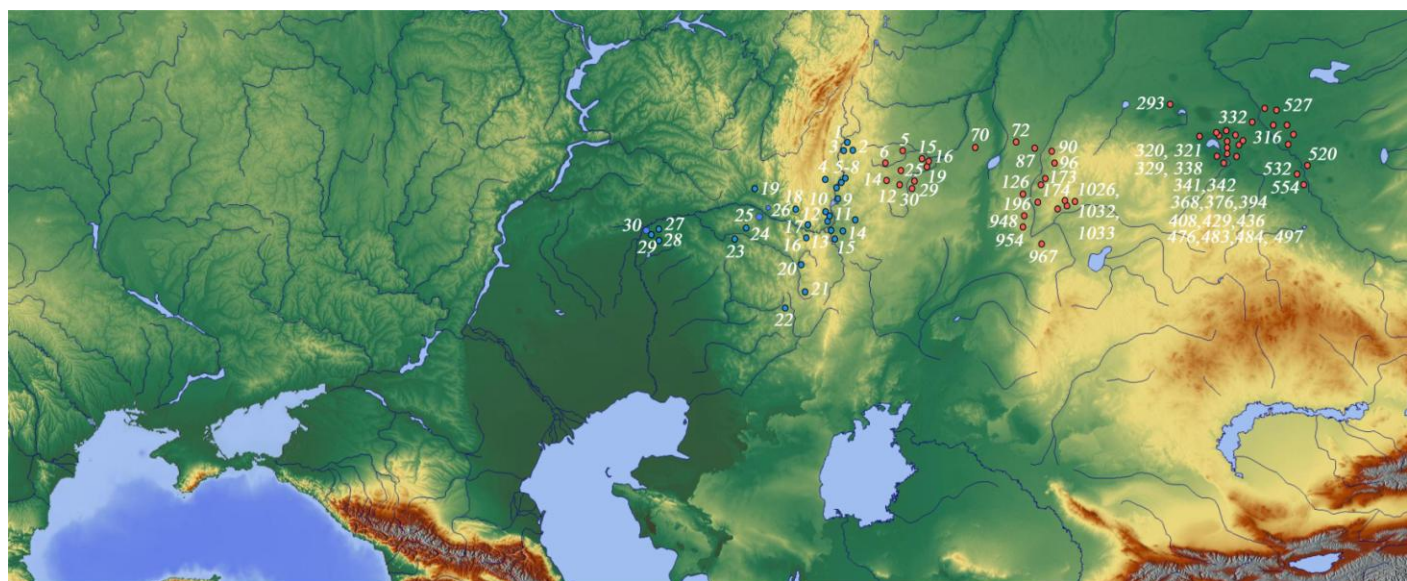

Рисунок 27. Виртуальная карта курганов кочевников Золотой Орды.

Условные обозначения: ● - каменные курганы Южного Приуралья: 1 - Агаповский I; 2 - Агаповские горы 10; Агаповские горы 19; 4-Ишкульовский II; 5-Покровский IV; 6-Большевик II; 7-Большевик III; 8-Березовский V; 9-Новоорский; 10-Новый Кумак; 11-Новый Кумак II; 12-Новый Кумак III; 13-у Обелиска Славы (г.Орск); 14-Озерновский III; 15-Комсомольский VI; 16-Худай-Берген III и IV; 17-Хабарный I; 18-Тлягуловские; 19-Андреевский; 20-Жаксы-Каргала; 21-Шпаки II; 22-Новая База II; 23-Тамар-Уткуль; 24-2-я верста от Илецкой защиты; 25-Урал; 26-Новочеркасский VII; 27-Лебедевка IV; 28-Лебедевка VI; 29-Лебедевка VIII; 30-Жарсуат. ● - курганы с каменными и каменно-земляными насыпями: обозначены под номерами, приведенными в «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1960).

В.А.Иванов

**КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ:
(история, культура, религия)**

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 03.12.2015.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 13,5. Уч.-изд. л. – 9,6.
Тираж 500 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а